

МИХАИЛ ИЗРАИЛОВ

ЖИЗНЬ БЕЗ ШУТОК?!

ТОМ 3

Части 1, 2

Издание второе, исправленное и дополненное

Нью-Йорк
2017

МИХАИЛ ИЗРАИЛОВ
ЖИЗНЬ БЕЗ ШУТОК?!

Том 3

Части 1, 2

Издание второе, исправленное и дополненное

Издатель: **Анна Гольдберг**
RESIL ENTERPRISE INC.
8623 19th Avenue, Suite #1
Brooklyn, NY11214
Tel: **(718) 621-0465**
E-mail: **vzel@aol.com**

Составитель и литературный редактор: **Анна Гольдберг**
Дизайн и компьютерная верстка:
Виктория Зельцман
Корректурa: **Виктория Зельцман**

Copyright @ Mikhail Izrailov

Все авторские права сохраняются за Михаилом Израиловым.

Без письменного разрешения автора никакая часть этого произведения не может быть воспроизведена или использована в любой форме или любым способом с помощью любых средств копирования: электронных или механических, включая фотокопирование, запись или любые другие системы хранения, поиска и получения информации. Запрос на письменное разрешение должен быть отправлен по интернет-адресу автора: rozaliyai@yahoo.com.

Library of Congress Control Number: 2016933795

ISBN: 978-0-9882381-2-1

Printed in the United State of America

MIKHAIL IZRAILOV

LIFE WITHOUT JOKES?!

VOLUME 3

Parts 1, 2

Second, Revised and Augmented Edition

New York
2017

MIKHAIL IZRAILOV
LIFE WITHOUT JOKE?!

Volume 3

Parts 1, 2

Second, Revised and Augmented Edition

Publisher **Anna Goldberg**

RESIL ENTERPRISE INC.

8623 19th Avenue, Suite #1

Brooklyn, NY11214

Tel: **(718) 621-0465**

E-mail: **vzel@aol.com**

Arranger and Editor:

Anna Goldberg

Design and layout:

Viktoriya Zeltsman

Proofreader: **Viktoriya Zeltsman**

Copyright © Mikhail Izrailov

All rights reserved

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Author. The request for written permission should be sent to Internet address of the author: rozaliyai@yahoo.com.

Library of Congress Control Number: 2016933795

ISBN: 978-0-9882381-2-1

Printed in the United State of America

КТО ТЫ?

Кто живет всегда в движенье,
Ищет в жизни наслажденье,
Запасает всего впрок,
Чтоб довольствоваться мог.

В мире жизнь цены не знает,
Человечество гадает,
Как прожить — чтоб не страдать
И до смерти кайфовать.

Как достичь того, что нет?
И в чем смысл прошлых лет?
Где, когда и что случится,
Чтоб понять зачем поститься.

Кто ты, созданный и кем?
Думая, что правишь всем,
Забывая все до смерти,
Все надеясь, что бессмертен.

Кто тебе доверил мир,
Чтоб ты все в нем сокрушил?
Что ты должен предпринять,
Чтоб с природой воевать?

Звери, птицы, рыбы, мир,
Все себе ты подчинил,
Только на себя похожих
Ты сдержать никак не сможешь.

Летопись создал, примеры,
Что творилось с прошлой верой,
Из истории черпать —
Самого себя познать.

Чтоб с собою совладать,
Хочешь всем ты обладать,
Думаешь, что ты один
Всей Вселенной господин.

Кто же ты — что послан Богом,
Этим миром управлять,
Думая, что можно правом,
И убить, и воскрешать.

Кто сегодня даст ответы
Для чего мы все живем?
Кто заставит всех поверить,
Что земля наш общий дом?

Если мы — созданья Бога,
Если вместе мы живем,
Надо верить нам друг в друга,
Чтоб сберечь наш общий дом.

Человек, ты должен помнить,
Жизнь не вечна под луной.
Прекрати крушить и грабить,
В мире обрети покой.

Михаил Израилов

Пролог

В книге изложены реальные события определенных периодов из жизни ее главного героя Мары (имена и фамилии всех персонажей изменены), который, совершенно не имея большого жизненного опыта, попал в водоворот криминального мира, где ему пришлось выживать, сохраняя при этом свой внутренний баланс между добром и злом, рискуя потерять все, включая свою жизнь и жизнь своих близких, где неправильно выбранное решение могло привести к неминуемо печальным последствиям.

Сложность ситуации усугублялась тем, что не потерять честь и достоинство было для него выше страха и смерти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГЛАВА 1

Мара

...К своим двадцати годам Мара и Тимур были кандидатами в мастера спорта по вольной борьбе. Все в округе их знали и побаивались с ними конфликтовать. Друзья вместе ходили в вечернюю школу, где и познакомились с Вартиком, шустрым пронырой, который, правда, спортом не увлекался, но язык его был очень колким. Он вечно попадал в проблемные ситуации, из которых Маре и Тимуру часто приходилось его вытаскивать.

В один из учебных дней Мара и Тимур были в классе. Неожиданно распахнулась дверь, и кто-то крикнул, что в школьном дворе бьют Вартика. Тимур и Мара быстро вскочили, выбежали из класса, и рванули в школьный двор. Прибежав туда, а уже начинало темнеть, они разглядели, как несколько человек окружили Вартика и прижали к стенке. Под глазом у него уже был синяк, из губы струилась кровь, рубашка была изорвана.

В одно мгновение Мара и Тимур, применив классические приемы борьбы, уложили на землю двух нападающих, а еще двоих вырубали ударами кулака и головы. Остальные, а их было еще человек пять, отпрыгнули в сторону, оставив Вартика на земле у стенки. Кто-то из них крикнул:

— Мара, это я, Амбал, ты что не узнаешь меня?

Мара разглядел в сумерках Амбала, который также боролся с ними, только в разных весовых категориях.

— Амбал, ты что ли? — с удивлением спросил Мара.

— Да, Мара, я, — ответил Амбал. — Ты что меня не увидел?

— Теперь вижу, — сказал Мара и грозно спросил. — А что вы моего кента прессуете?

— Амбал, ты че ноты попутал? — также с удивлением спросил Тимур. — В нашей школе борзеешь?

Кто-то из ребят спросил Амбала:

— Амбал, это че за черти? Они наших пацанов уложили, а ты с ними лядсы точишь?

— Заткнись, — резко бросил Амбал выступающему. — Спасибо скажи, что я их знаю, а то уже давно рядом с ними лежали бы!

— Так что за тема, Амбал? — снова спросил Мара.

— Во-первых, я не знал, что он вам кент, — ответил Амбал. — А прессовали мы его потому, что он хотел на бабки швырнуть!

— А бабки за что? — спросил Тимур.

— Травку брал в долг, — ответил Амбал. — А сейчас косорезит, швырнуть хочет, вот мы его и прессанули!

— Вартик, это правда? — быстро спросил Мара у Вартика, который стал немного приходить в себя, вытирая кровь с губ.

— Да все они гонят, — недовольно сказал Вартик. — Я им все заплатил, просто думают, что фраера поймали, и теперь хотят через пресс на бабки раскрутить.

— Это он гонит, Мара, — сказал Амбал. — Я тебе не вру, швырнуть нас хотел.

— Предположим, Амбал, ты прав, — сказал Мара. — Но как вы на одного скопом наехали?

Потихоньку те ребята, которых они вырубил, стали приходить в себя, медленно поднимаясь с земли. Кто-то причитал, что у него болит в груди, кто-то хватался за руку и стонал от боли.

— Да мы его не хотели бить, просто припугнуть, — объяснил Амбал. — А он нам хамить начал, посылать стал, вот и въехали слегка. И то не я. Это ему Кеша вломил.

— Кто такой Кеша? — спросил Тимур.

Амбал подозвал Кешу.

— Вот Кеша, он ему насадил. — объяснил Амбал.

— Я хочу, чтобы Вартик ему ответил, а он перед ним извинился! — сказал Тимур.

— Да вы че, пацаны, это как-то не по понятиям? — возмущенно спросил Амбал.

— А ты, Амбал, о каких понятиях говоришь? — продолжил Тимур, — О том, как восемь лбов одного молотят?

— Ладно, без базара, — сказал Амбал. — Кеша, извинись.

Кеша был крепко сбитого телосложения и на голову выше Вартика. Он не мог возразить Амбалу и, подойдя к Вартику, с большой неохотой выдавил из себя:

— Ну, короче, это, извини.

Неожиданно для всех Вартик, видимо почувствовав поддержку, заявил:

— Не извиняю. Я хочу ему ответить!

Все переглянулись, и Амбал спросил.

— Это как?

— Ударом на удар! — воскликнул Вартик.

— Да ты с каждой минутой борзеешь..., — начал возмущаться Амбал. Но Мара его остановил.

— Амбал, он прав, пусть ответит.

— Да пусть только дотронется, я его сразу урою..., — не успел договорить Кеша, как Вартик ударом кулака вlepил ему в глаз. Кеша почти не сдвинулся с места, но такой наглости он не ожидал и с криком «Убью!!» ринулся на Вартика. Амбал резко схватил его и остановил.

— Спокойно Кеша, — произнес Амбал и, повернувшись к Вартику, сквозь зубы спросил. — Ну что, вы квиты? Будем считать, что Кеша извинился.

— А я нет, не извиняю, — возразил неожиданно Вартик и снова нанес Кеше удар по губам, из которых пошла кровь.

Но и в этот раз Амбал сдержал Кешу, после чего посмотрел на Мару и сказал:

— Мара, я думаю, они сквитались. И если он не принимает извинения, то это беспредел.

— Да, я снова не извиняю, — сказал Вартик и хотел снова ударить Кешу, но тут уже Мара схватил его за руку и остановил.

— Вартик, на два удара ты ответил дважды, и я думаю, Амбал прав, этого вполне достаточно для извинения, — сказал Мара и, повернувшись к Амбалу, продолжил. — Давай, Амбал, бери своих хлопцев и расходимся.

Амбал еле удерживал Кешу, который норовил бросится на Вартика и кричал:

— Ничего, паскуда, я тебя еще подловлю. Ты у меня кровью будешь харкать!

— Харе болтать, — бросил Амбал. — Линяем братва, — и, повернувшись к Маре, сказал:

— Мара, ваш кент живет не по понятиям. Просто я из-за этой швали не хочу с вами ругаться, но поверь мне, он вам только проблемы создавать будет. Давайте, пока. Мы сваливаем.

— Амбал, ты спортсмен хороший, — сказал Мара. — Только зря ты в блатоту уходишь, там тупик. Лучше возвращайся в спорт, а то спалишься быстро. Давай. Пока!

Амбал забрал своих ребят, и они ушли. Тимур повернулся к Вартику и спросил:

— Вартик, а теперь скажи правду!

— Какую правду? — с обидой в голосе спросил Вартик.

Тимур внимательно посмотрел в глаза Вартика и спокойно спросил:

— Ты, правда, травкой балуешься или торгуешь ей?

— Тимур, ты что веришь этим козлам? — быстро выпалил Вартик.

— Я не у них, а у тебя спрашиваю, как у друга? — также спокойным тоном повторил Тимур.

Вартик опустил взгляд вниз, и извиняющимся голосом сказал:

— Да это я так, иногда для потехи, если с телкой откинуться!

Тимур посмотрел на Мару и по его взгляду понял, что он тоже Вартику не верит.

— Выбирай. Или травка, или мы? — бескомпромиссно спросил Тимур.

— Да вы че? — испуганно развел руками Вартик.

— Вартик, он прав, — сказал Мара. — Ты сам определишь, а сейчас пошли.

Но не успели они сделать шаг, как рев моторов оглушил тишину, и свет фар их высветил. Это подъехал отряд милиции. Видимо, кто-то сообщил о драке в школьном дворе. Милиционеры в бронежилетах и с автоматами наперевес быстро выскочили из машин, взяв парней в кольцо. Кто-то из них крикнул:

— Так, наркоши, разборку устроили?

— Сам ты, наркоша..., — выкрикнул Мара.

Продолжить он уже не смог. Сильный удар сбоку и сразу прикладом автомата уложил Мару на землю. Тут же он получил еще несколько ударов сапогами по телу и голове. Благодаря натренированности, Мара сгруппировался, резко вскочил на ноги и, схватив одного из милиционеров, провел прием с переворотом через себя без сопроводительной поддержки, которым борцы всегда пользуются в спортивных

залах. В результате омоневец просто улетел на несколько метров. Остальные тут же взвели затворы в автоматах.

— Еще одно движение, падла, и я открою огонь на поражение! — крикнул омоневец.

Мара остановился и сразу получил удар прикладом по голове. Омоневец приказал всех загрузить в машину и везти в отдел. В спецприемнике их продержали до девяти утра, а затем вызвали в кабинет следователя. Там, кроме следователя, они увидели Ганзу, которому по просьбе Мары позвонил дежурный. Ганза работал в прокуратуре. Мара и Тимур дружили с ним, так как тренировались вместе у одного тренера. Ганза подошел к ним и обнял, после чего повернулся к следователю и сказал:

— Познакомьтесь, ребята. Это мой друг, следователь Тихон. Я попросил его взять это дело под свой контроль.

Следователь подошел к ребятам и протянул руку.

— Здравствуйте, я Тихон, — сказал он. — Мне о вас Ганза все рассказал. Как это вы сцепились с омоневцами?

Мара и Тимур рассказали ему и Ганзе, как все происходило.

— Да..а, — многозначительно протянул Тихон. — Неприятная история. Понимаешь, Ганза, все бы ничего, если бы они не оказали сопротивления при задержании.

— Тихон, сделай так, — сказал решительно Ганза. — Передай это дело в наш отдел, как мелкое хулиганство. А я, в свою очередь, переговорю со старшим группы задержания. Кстати, кто вчера дежурил?

— Рашид, — ответил Тихон.

— Отлично. Я его хорошо знаю, так что там проблем не будет, смело отписывай это дело ко мне.

— Хорошо, но бутылка с тебя, — с улыбкой сказал Тихон.

— Три, — также улыбаясь, добавил Ганза. — Одна с меня, две с них. Ну что хулиганье, готовы вернуться к мирной жизни?

— Ганза, спасибо, — сказал Мара. — А как насчет Вартика? Он с нами там был.

— За него не переживайте, — сказал Тихон. — На него не было заявы о сопротивлении. Это вы буйные были.

— Тихон, я бы на их месте, скорее всего повел себя также, — произнес Ганза. — Понимаешь, любой спортсмен в момент опасности автоматически включает самооборону.

— Согласен, — вставил Тихон. — Но не против же ОМОНа. Ведь и по-настоящему могли застрелить.

— Да, ты как всегда прав. Ну что, я их забираю, и давай вечером созвонимся, — сказал Ганза, протягивая руку Тихону для рукопожатия.

— Хорошо, — сказал Тихон, пожимая руку Ганзе.

Мара и Тимур тоже подошли к Тихону и, пожав руку, вежливо его поблагодарили.

— А вашего друга Вартика я скоро выпущу. — сказал им на прощание Тихон.

Выйдя на улицу, друзья с признательностью попрощались с Ганзой, и он уехал на работу. А Мара и Тимур дождались, пока выйдет Вартик, договорились встретиться вечером, и каждый пошел к себе домой.

ГЛАВА 2

Мотороллер

Не доходя до дома, Мара увидел друга Доната, катающегося на своем мотороллере.

— О, Мара, привет, — обрадовался Донат.

— Здорово, — ответил Мара. — Катаешься? Дашь прокатиться?

— Пожалуйста, — с готовностью откликнулся Донат. — Только он у меня что-то барахлит, то заводится, то нет. Видишь, я его хочу вон на ту горку поднять, может с горы заведется.

— Ну давай попробуем с горы завести, — предложил Мара и потащил мотороллер в горку.

Он и не догадывался, что Донат незаметно повернул вентиль, подающий топливо в цилиндр двигателя. Ему не хотелось давать мотороллер, но и отказывать как-то было неудобно. Мара с трудом дотащил мотороллер наверх и, сев на сиденье, покатился вниз. Естественно, мотороллер так и не завелся, и Маре снова пришлось тащить его в гору. При повторном спуске был тот же результат. Внизу Донат взял у него мотороллер, также незаметно открыл вентиль газа и, заведя мотор, поехал на горку. Съехав с нее, Донат остановился возле удивленного Мары и снова выключил вентиль. Мара вновь потащил мотороллер в горку. Ему было любопытно, почему у Доната все работает, а у него нет. Когда Мара, сделав еще две попытки, уже почти выдохся, Донат решил открыть ему свой секрет.

— Мара, хочешь узнать, почему он у тебя не заводился? Вот смотри.

И Донат перед ним повернул вентиль мотороллера.

— Видишь, я незаметно от тебя его открывал, когда мой мотороллер был у меня, и закрывал, когда давал тебе.

При этих словах Донат расплылся в доброй широкой улыбке, видимо в ожидании такой же ответной улыбки от Мары. Но лицо Мары

не только не улыбалось, но постепенно стало приобретать звериный оскал. Стиснув зубы, он гневно проговорил:

— Драка с ОМОНОм и ночь на нарах выглядят ерундой перед твоим издевательством.

— Ты это о чем, Мара? — удивленно спросил Донат.

От улыбки на его лице осталась только гримаса. Мара стал наступать.

— Пошутил, говоришь? — со злостью спросил Мара и тут же повалил на землю мотороллер, ударяя по нему ногами.

Донат с ужасом наблюдал за этим, боясь подойти близко. Через несколько минут Мара остановился, и повернувшись к Донату произнес:

— У меня, Донат, сегодня очень хреново с шутками, — и, плюнув ему под ноги, повернулся и ушел.

ГЛАВА 3

Гаишник

Вечером, уже выпавшись, Мара взял машину брата и поехал за Тимуром и Вартиком, чтобы пойти с Ганзой в ресторан. Ганзе нравился привокзальный ресторан, в нем его мало кто знал, да и повар был мастером на все руки. Забрав Тимура и Вартика, Мара должен был проехать к этому ресторану через весь город.

— Во сколько мы сказали Ганзе там встретиться? — спросил Мара у Тимура.

— В семь часов! — ответил Тимур.

На часах уже было шесть сорок пять. Мара прибавил газу.

— Мара, не гони так. Менты остановят, еще больше задержимся, — с укором сказал Тимур.

Но Мара его не слушал, только еще больше прибавил скорость. Внезапно впереди они увидели инспектора ГАИ (госавтоинспектора), который поднял жезл и остановил их.

— Ну вот, приехали, — бросил Тимур. — Говорил же тебе, не гони.

Инспектор подошел к машине и представился:

— Старший сержант Минаев. Предъявите документы.

— Слышь, сержант, документы у нас в порядке, — быстро сказал ему Мара. — Вот тебе пятихатка и мы поехали.

Мара вытащил из кармана пять рублей и протянул их инспектору.

— Я сказал, предъявить документы, — строго и чопорно произнес инспектор. — А эту пятихатку ты засунь себе... .

Услышав это, Мара выскочил из машины и угрожающе воскликнул:

— Ты что, хмырь, думаешь, форму надел и хамить можешь?

— А вот за хмыря ты мне, сученок, ответишь. Сейчас вызову ПДС, и ты у меня отсидишь 15 суток.

— Ты кого, мусор, сученком назвал? — еле сдерживаясь, стал подступать к нему Мара. — Ты я вижу давно по башке не получал?

— Что? Ты меня пугаешь, шакал...!

Но не успел инспектор договорить, как Мара ударом лба разбил ему нос, из которого сразу потекла кровь. Не успел тот прийти в себя, как Мара быстрым приемом перекинул хама через бедро и, уложив на землю, резким ударом локтя по затылку, вырубил. Тимур и Вартик выскочили из машины и подбежали к ним.

— Ты же его отключил, — присвистнув, сказал Тимур и, оглядевшись по сторонам, увидел на обочине мотоцикл инспектора. Убедившись, что поблизости никого нет, Тимур, схватив Мару за рукав, потащил к машине.

— Сматываться надо, пока он не очухался.

— Я не хотел его бить, — стал оправдываться Мара, — но эта сволочь форму одевает, чтобы хамить и издеваться над людьми, прикрываясь ею.

ГЛАВА 4

Ганза

Они быстро сели в машину и уехали. К ресторану приятели подъехали с большим опозданием. Войдя внутрь, увидели Ганзу, танцующего с девушкой. Все подошли к Ганзе и поздоровались. Он был уже изрядно выпивши. Увидев ребят, Ганза обрадовался и, оставив девушку, приобнял их и повел к столу, который был уже накрыт закусками и выпивкой.

— Договорились же в семь, — с упреком произнес Ганза. — А сейчас сколько?

Он посмотрел на часы.

— Да нас за скорость мент тормознул, — извиняясь, сказал Тимур. — Поэтому задержались. А ты, я вижу, уже подшофе и телку неплохую выгуливаешь?

— Ребята, давайте садитесь, кушайте, пейте, а я сейчас, — сказал Ганза.

— А ты куда? — удивленно спросил Мара.

— Нужда зовет, — бросил Ганза и вышел из зала.

Все сели за стол, стали есть и пить. Прошло минут десять, а Ганзы все не было.

— Мара, — сказал Тимур, — что-то долго Ганзы нет?!

— Ну и что, человек в туалет пошел, — невозмутимо ответил Мара.

Прошло еще десять минут, но Ганза не появлялся. Мара и Тимур оставили Вартика за столом и пошли искать Ганзу. В туалете его не было, в фойе тоже. Они обошли весь ресторан и вышли на улицу, где в сторонке увидели группу ребят. Оттуда послышался крик Ганзы. Они быстро побежали в их сторону и, приблизившись, увидели, как двое держат за руки Ганзу, а третий его бьет, и еще несколько человек стоят рядом и смеются. В одно мгновение Мара и Тимур, словно вихрь,

налетели на них и в считанные секунды всех уложили. Увидев друзей, Ганза спросил:

— Вы где были до сих пор?

— Краковяк с твоей телкой плясали, — съязвил Тимур, — пока ты здесь развлекался. Это кто такие, Ганза?

— Да я откуда знаю. Видимо это была баба одного из них.

Ребята помогли Ганзе привстать, его одежда была в крови, на лице подтеки.

— Да что же за день такой долбаный, — с обидой сказал Мара. — Никак расслабиться нельзя.

— Я их всех закрою на фиг! — выпалил Ганза.

— Ганза, тебе в медпункт надо, — сказал Тимур.

— Счас я вызову опергруппу и их всех посажу! — не унимался Ганза.

— Так, про ресторан забыли, — сказал быстро Мара. — Тимур, иди за Вартиком и заплати за стол. Надо линять быстро, пока менты не приехали.

Тимур побежал в ресторан.

— Ты хочешь чтобы я этих подонков простил? — с удивлением спросил Ганза.

— Ганза, сам подумай, — стал успокаивать его Мара. — Ты выпивши, они все против тебя дадут показания. Следствие, разборки, все равно по голове не поглядят, да и про телку наговорят. — Посмотри на них, куда им еще?

Призадумавшись, Ганза стал понимать, что Мара прав. Вернулись Тимур и Вартик.

— Ни хрена себе погуляли, — недовольно ворчал Вартик. — Шли на веселье, а попали на поминки.

— Все, давайте сматываться, — сказал Мара. — Ганза, где твоя тачка стоит?

— Возле кабака, а что? — спросил Ганза.

— Тимур тебя отвезет. — ответил Мара.

— Я еще не инвалид! — отрезал Ганза.

— Поэтому он тебя и отвезет, — сказал Мара и, повернувшись к Тимуру, попросил его:

— Друг, по дороге загляни в медпункт на всякий случай. Пусть посмотрят, не сломали ли ему чего-нибудь.

— Хорошо, — сказал Тимур и, взяв Ганзу под руки, они пошли к машине.

— Давай я тоже с ними поеду, — сказал Вартик, — может помочь надо будет.

— Ладно, езжай, потом созвонимся, — ответил Мара и пошел к своей машине.

ГЛАВА 5

Нелюди

Когда Мара подъехал к своему дому, фары высветили Доната, стоящего возле калитки. Мара остановил машину и вышел.

— Донат, ты что ли?

Донат быстро подбежал к Маре.

— Ты что так запыхался? — удивленно спросил Мара. — В такой поздний час?

— Мара, ты где был, я тебя уже больше часа жду?

— Что совесть за мотороллер замучила? — с усмешкой спросил его Мара.

— Мара, твоего брата избили! — почти шепотом сказал Донат.

Усмешка быстро скатилась с лица Мары.

— Кто избил? Как? Он же на свадьбу ушел?

— Я толком сам не знаю, услышал от Рината. Они с женами после свадьбы домой шли и по пути на них напали!

— Он дома или в больнице? — быстро спросил Мара

— Не знаю.

— Спасибо, что предупредил, — сказал Мара и быстро сел в машину.

— Мара я с тобой, — сказал Донат и сел рядом.

— Хорошо, поехали.

Через десять минут Мара и Донат зашли к брату домой. Под глазом у него был синяк, на теле в нескольких местах были ссадины. Жена со слезами на глазах делала ему примочки.

— Сволочи, твари поганые, чтоб они сдохли, — причитала жена брата.

— Кто это сделал, брат? — потребовал ответа Мара.

— А кто уже успел тебе сказать? — парировал брат.

— Ты как? Может в скорую позвоним?

— Нет не надо, ничего страшного. Просто шли со свадьбы и ничего не успели даже сообразить, как они, будто саранча, налетели, и удары посыпались со всех сторон. Нас три пары было, все выпивши, за жен боялись. Хорошо, что их не тронули.

— А за что? Ты не узнал никого?

— Откуда я знаю, за что? Кого в темноте увидишь?

— Мы ведь без машины были, — сказала жена брата. — Они же выпили. Только за угол завернули, и эти напали!

— А чья свадьба была? Где? — спросил Мара.

— У Джеки, он дочь замуж выдал, — сказала она.

— Это на Красноармейском переулке? — спросил Мара.

— Да. Будь они прокляты, выродки, — вздохнула жена брата и стала снова плакать.

— Да успокойся наконец, — окликнул ее брат. — Я же не умер.

— Может тебя действительно в травмпункт отвезти? — спросил Мара.

— Какой травмпункт? Все нормально, просто кровоподтеки, ерунда, езжайте домой, — потребовал брат.

Мара понял, что уговаривать его бесполезно и решил поехать туда, где была свадьба.

— Хорошо, завтра утром я заеду, — сказал Мара брату и, повернувшись к его жене, попросил. — Если что, звоните, я сразу приеду.

— Хорошо, — ответила она.

— Не переживай, — повторил брат, — отправляйся домой, все нормально.

Мара и Донат вышли на улицу и сели в машину. Отъехав два-три квартала, Мара остановился у обочины и, выйдя из машины, подошел к багажнику и открыл его. Подошел Донат. Мара достал из багажника кожаную куртку, кастет, железную цепь с металлической болванкой на конце, а также монтировку. Цепь и кастет он дал Донату.

— Слушай меня внимательно, — сказал Мара Донату. — Мы сейчас их найдем. Все, что тебе нужно будет делать, это прикрывать меня со спины.

Донат взял в руки кастет и цепь. От их вида он невольно сконфузился и нерешительно проговорил:

— Понял. Но, Мара, их там может быть человек десять-пятнадцать.

— Донат, если не уверен, то я тебя не осуждаю и не держу, можешь со мной не идти, — серьезным тоном сказал Мара, надевая на себя куртку.

— Да ты че, Мара, — обиделся Донат. — Ты за кого меня принимаешь? Я к тому, может ребят подтянем?

— Нет. Во-первых, потеряем время, и они уйдут. Во-вторых, это личное дело. Еще раз говорю, можешь не идти со мной, я не обижусь.

— Мара, тема закрыта, я с тобой, — решительно сказал Донат.

— Тогда слушай меня внимательно. Когда я на них нападу, не отставай от меня, будь сзади меня на два-три метра. Твоя задача этой цепью и кастетом добивать тех, кто еще будет стоять на ногах. Понял?

— Да!

— Я наношу один, но главный удар, и если он не упал, ты добиваешь. Принцип вагонетки.

— Это как?

— Первая насадила, вторая укатила!

— Теперь понял.

Мара надел на ноги кирзовые сапоги со стальными наконечниками и закрыл багажник. Они сели в машину и поехали. Не доезжая до Красноармейского переуллка, Мара остановил машину и припарковал ее.

— Все, — сказал Мара. — Дальше пешком. Настройся на бой и ничего не бойся.

— Я не боюсь, — неуверенно сказал Донат. — Просто мандраж!

Мара приостановился, и внимательно посмотрев на Доната, сказал:

— Донат, посмотри на меня. Я сюда не играть пришел, я их казнить пришел. Эти нелюди оравой напали на женщин, зная, что ребята выпивши и не смогут им ответить. Они твари, звери. Я их калекami сделаю. Ты меня понимаешь?

— Да, да, Мара. Мы их накажем, — быстро ответил Донат уже более уверенно и твердо.

Они незаметно подошли к дому Джеки, где во дворе шла свадьба. Люди пили, танцевали, веселились. Мара и Донат притаились в темноте. На противоположной стороне Мара заметил чьи-то фигуры. В это время из калитки вышли две пары. Мужчины выглядели выпившими прилично, женщины вели их, держа под руку. Они пошли в сторону угла. Мара и Донат потихоньку последовали за ними. Как

только они подошли к углу, Мара заметил, как на противоположной стороне фигуры пришли в движение и двинулись навстречу этим двум парам. Человек их было не меньше пятнадцати, и они явно поджидали людей, выходящих со свадьбы.

— Донат, это они. Ты готов? — спросил Мара.

— Да, Мара. Их тут туча!

— Все. Не отставай, — бросил Мара и, сильно сжав в руке железную монтировку, вышел из тени на середину дороги. Небольшая лампочка на столбе слабо освещала улицу, но и этого хватало, чтобы можно было что-то разглядеть.

— Эй, сучата! — крикнул Мара.

Вся эта орава остановилась и повернулась в сторону Мары. Кто-то со смешком спросил:

— Это кому жить надоело?

— Тебе, сука! — резко сказал Мара.

В руке Мары сверкнула монтировка. Очень быстрым и резким движением руки Мара нанес ею три мощных удара по трем — в плечо, в грудь и шею. В голову он не бил, мог сразу убить, он их калечил. Все трое с дикими криками упали на землю. Донату даже не пришлось их добивать, они валялись и стонали.

Резким скачком Мара влетел в толпу, на ходу рубя монтировкой по телам налево и направо. За считанные секунды человек восемь лежали на земле и выли от боли. В их лицах стоял ужас. Но еще страшней и ужасней был вид у Мары, словно самурай с мечом, он никого не щадил. С каждым ударом он чувствовал треск и хруст их костей. Несколько человек узнали Мару и быстро пустились наутек. Но Мара, как рысь, не хотел никого упускать от возмездия, догонял их и добивал.

Донат просто не успевал даже стоять за Марой, да и добивать лежащих на земле не было необходимости. От удара железной монтировкой с учетом силы и мощи Мары, даже металл мог прогнуться, а тело человека тем более. Все это закончилось через две-три минуты, картина была ужасная, все лежали и стонали. Мара вернулся к первым троим. Один из них, видимо, был главным. Он привстал на колени, держась за шею и ключицу, и тихо спросил:

— Ты кто?

— Я твой палач, мразь!

Мара передал монтировку Донату. Рука, которой он держал ее, была окровавлена, но немного. Видимо, во время ударов Мара порезал пальцы, но он не обращал внимания на такие мелочи. Одним ударом кулака в нос Мара уложил главаря обратно на землю. Из носа брызнула кровь. Мара нагнулся к его уху и сказал:

— Запоминай. Меня зовут Мара, и сегодня я тебя предупредил. В следующий раз я убью тебя. В твоей свинарне есть люди, которые меня знают, так что если захочешь, сможешь меня найти для извинений. Ты меня понял? Как тебя зовут?

Но главарь молчал, с ненавистью глядя на Мару.

— Я задал тебе вопрос, мразь, имя?

Тот продолжал молчать. Тогда Мара нанес ему несколько коротких и резких ударов по голове.

— Имя?

— Хо..хо... ба, — еле выдавил бандит.

— Так вот, Хоба, еще раз я о тебе услышу в этом районе, ты труп, ясно?

— Да... ааа..., — но не успел он договорить, как Мара нанес ему такой удар, что тот потерял сознание.

— Мара, может хватит? — спросил стоящий сзади Донат. — Ты их всех калеками сделал.

— Донат, эти люди уже родились калеками. Они шоблой беспомощных людей били и кайфовали от этого. Так что это не я их, это бог наказал их через меня. А теперь пора. Здесь скоро менты будут.

Они повернули за угол и пошли в сторону своей машины. Послышались вой сирен скорой помощи и милиции. Приятели, уже проверившие друг друга в схватке с бандитами, сели в машину и тронулись с места. Проезжая мимо парка, Мара заметил машину Бесика и еще несколько машин у входа в парк.

— Мара, смотри машина Бесика, — сказал Донат. — Что это они в такое время здесь делают?

— Сейчас увидим, — сказал Мара и остановил машину у обочины.

ГЛАВА 6

Мечь

Они прошли по тропинке вглубь парка и вышли на поляну, где перед ними развернулась жуткая картина. Бес стоял напротив Резика, вокруг сгрудились несколько ребят. В руках у Беса был нож, и он, вот-вот, готов был им воспользоваться. Мара окликнул Беса:

— Бес, что происходит?

Бес обернулся в сторону Мары, а ребята, стоящие вокруг, увидев его, отодвинулись.

— Ничего особенного, Мара, — очень жестко и твердо произнес Бес. — Я эту гниду казнить привез.

— Мара, помоги, я не ничего не сделал, — завопил с надеждой Резик, думая, что Мара ему поможет.

— Это он о чем? — спросил Мара у Беса.

— Мара, не лезь, — сказал Бес. — Этот гад мою невесту изнасиловал!

— Неправда, — крикнул Резик. — Она сама ко мне лезла.

— Да, сама порвала на себе вещи, ударила голову о стенку и поломала себе два ребра, только чтобы спать с тобой, — с иронией произнес Бес и резким движением руки воткнул нож в живот Резика, от чего тот дико вскрикнул и упал на колени.

— Она в госпитале все мне рассказала, — с металлическим оттенком в голосе говорил Бес. — Как ты постоянно домогался и пугал ее. Приходил ко мне домой, ел, божился, что друг навеки, а сам за моей спиной моей бабы домогался. Умри, пададь. — и он воткнул нож Резику в грудь.

Мара подбежал и выбил нож из руки Беса.

— Ты что, Бес, опомнись.

— Не держи меня, Мара. Эта тварь не должна жить! — крикнул Бес.

— И ты что, хочешь из-за него в тюрьме сгнить?

Резик, весь в крови, стал потихоньку отползать. Ребята подбежали к нему. Кто-то крикнул, что надо вызвать скорую помощь. Мара еле удерживал Беса.

— Отпусти, отпусти меня, Мара, — орал Бес. — Он не должен жить!

— Если ты хоть немножко меня уважаешь, то немедленно уйдешь со мной, — сказал Бесу Мара.

— Нет, я не уйду пока не убью его. Отпусти меня!

Он хотел вырваться, но Мара прижал его к себе и, буквально оторвав от земли, унес к машине. Бес бился в истерике и плакал.

— Как Мара, как такая гниль по земле ходит?

— Где ключи от твоей машины?

— Он не должен жить, слышишь, не должен!

Мара вытащил у него из кармана ключи и передал их Донату.

— Донат, — сказал Мара. — Сядешь за руль его машины и отгонишь ее к нему домой.

— А вы куда?

— Его домой сейчас нельзя везти. Могут менты нагрянуть, когда Резика в больнице допросят. Мы будем у Чики на хате. Как тачку отгонишь, вернешься к нам, понял?

— Да, я поехал.

Мара силой усадил Беса в машину и пристегнул его ремнем безопасности, после чего резко отъехал. Следом за ним поехал Донат на машине Беса. По дороге Мара остановился у ларька и купил пару бутылок водки и закуску. В машине он заставил Беса выпить целый стакан водки. Они подъехали к калитке Чики.

Чика был сиротой и жил один в небольшом, ветхом домике. Ребята с девчонками часто собирались у него в доме. Там ребята держали ножи и револьверы. Чика нигде не работал. Так, для вида, мелкая спекуляция джинсами, дисками, духами и прочей мелочью. Если кто-то из друзей по разным причинам не мог ночевать дома, то у него они всегда могли перекантоваться. Во дворе у Чики была огромная собака особой породы, звали ее Джульбарс. Такие собаки обычно бывают у пастухов, они отару от волков оберегают. И если она не была привязана, то вряд ли кто-то смог бы зайти к Чике во двор.

В этот раз Чика был дома один и уже засыпал, когда услышал собачий лай. Он быстро вышел на крыльцо и крикнул:

— Молчать, Джульбарс, кто там?

— Чика, это я, Мара. Спрячь собаку и открой калитку.

— Сейчас, Мара, подожди секунду. Джульбарс, фу. Ко мне!

Собака, завиляв хвостом, побежала к Чике. Он взял ее за ошейник и завел в вольер, после чего открыл ворота, и Мара въехал во двор.

— Чика, — сказал Мара, выходя из машины. — помоги мне Беса в дом затащить.

Бес спал, вырубившись от водки и стресса.

— Что с ним? — удивленно спросил Чика.

— Потом расскажу, давай затащим его в комнату. У тебя никого?

— Нет, я один.

— Отлично. Давай его сразу в постель положим, пусть спит. Когда я уеду, закрой калитку и выпусти собаку.

— Да что случилось, Мара?

— Он Резика порезал.

— Как? На смерть?

— Еще не знаю, но пару раз он его засадил.

— А за что?

— Из-за его бабы, подробности еще не знаю.

— А что мне делать, когда он проснется?

— Ничего, пусть идет домой, просто сегодня его надо придержать. Вот водяра. Если скоро проснется, бухнете, понял?

— Да.

— А теперь давай выпускай меня и не забудь собаку освободить, когда я отъеду.

— Хорошо, Мара.

— Давай, — сказал Мара и приобнял Чика. — До завтра.

На следующий день Бес ушел домой, где его уже ждала милиция. Резик выжил и дал показания в больнице. Экспертиза подтвердила отпечатки пальцев Беса на ноже, который был найден в парке. В общем, на суде Бесик получил пять лет строгого режима и то, только потому, что Резик выжил...

ГЛАВА 7

Вор

Утром Мара подъехал к дому брата. Возле дома стояла незнакомая ему машина с открытыми окнами. На заднем сидении Мара заметил портфель и шапку. Пройдя в дом, он увидел за столом брата и незнакомого ему мужчину.

— О, Мара, привет, — сказал ему брат. — Познакомься, это Геннадий Андреевич, наш зав. производством.

— Здравствуйте, — сказал Мара.

— Очень приятно, — сказал тот. — Вот услышал о неприятности, и коллектив волнуется.

— Вы машину не закрыли, у нас тут щипачей много, — сказал Мара. Но не успел он договорить, как послышался стук закрывшейся двери машины. Мара быстро выскочил на улицу и увидел, как кто-то с портфелем и шапкой в руках перебежал через дорогу к своей машине. Мара еле успел зацепиться за дверь, когда машина стала отъезжать. В салоне за рулем был крепко сбитый мужчина средних лет.

— Останови машину, курва, — крикнул ему Мара.

Но тот и не думал останавливаться. Наоборот, машина все больше набирала скорость. Стоя на подножке и держась за открытую дверь, Мара не мог забраться в салон, потому что на ходу машина виляла то влево, то вправо, и он почти повис на двери. Так они промчались несколько кварталов, пока не заехали в тупик. Мужчина остановил машину и выскочил из нее с ножом в руке.

Мара в прыжке, ударом с ноги, свалил его на землю. Нож выпал из руки вору. Он хотел поползти до ножа, но получил такой мощный удар в ухо, что просто потерял координацию. Мара немедленно ударами с двух рук по ушам оглушил его и, для контроля завершил действие ударом со лба в нос. Преступник отключился. Все это произошло за считанные секунды. Мара привстал и только сейчас заметил,

стоящего позади него человека. Неизвестный также въехал в тупик на машине.

— Ты с ним? — быстро спросил Мара.

— Нет, я следователь Ленинского районного отделения милиции, капитан Меликов. Что произошло?

Он вытащил удостоверение и раскрыл его перед лицом Мары.

— Эта сука залезла в машину нашего гостя. Он вытащил шапку с портфелем, я только успел за дверь уцепиться.

— Ну ты даешь, парень. Я ехал сзади и видел, как ты висел на двери. Тебе что жизни своей не жалко? Он же мог убить тебя.

— Мог, да не вышло.

— Я уже по дороге за вами вызвал группу захвата. Тебе надо будет написать заявление.

— Надо, напишу. Только верну гостю вещи, а потом к тебе подъеду.

— Хорошо, вот тебе мой номер телефона и дай мне переписать данные твоего водительского удостоверения.

Мара вытащил свои права и дал капитану.

— Где так драться научился? — спросил капитан.

— Жизнь научила.

— Мне твое лицо очень знакомо, ты во Дворце спорта не боролся?

— Да, в группе Али.

— Наверное, я тебя там видел. Али тренер хороший, я у него тоже раньше боролся. Увидишь его, передавай от меня привет.

— Передам если увижу. Ну я поехал?

— Давай, я буду тебя ждать.

Мара, взяв портфель и шапку, поехал прямо к брату. Гость был очень рад, что все нашлось.

— Спасибо большое, Мара, — сказал он. — Там у меня документы и отчеты были.

— В следующий раз закрывайте машину.

Мара еще немного посидел с ними, пока гость не ушел. Брат уже чувствовал себя хорошо.

— Мара, я слышал, что после свадьбы там человек пятнадцать в скорую помощь искалеченными забрали?

— Это которые со свадьбы, как и вы шли?

— Нет, это которые на нас напали.
— Значит есть бог, и он их покарал.
— Ты что, не понимаешь, что это не игрушки, и может кончиться плохо?

— Ну так это же хорошо, что им стало плохо.
— Я не о них. Мне на них наплевать. Я за тебя и за последствия волнуюсь.

— Я тут при чем?
— Ты мне сказки не рассказывай, лучше уезжай на недельку к тете.

— Это не мне, а им надо уехать. Менты не полезут, а те, тем более.

— Я сказал, ты услышал. Может на море съездишь?

— Хорошо, решим. Ну я поеду, а завтра забегу.

— Езжай и подумай.

Мара поехал к следователю, написал заявление, как тот просил и, пообещав поддерживать с ним контакт, простился. К вечеру у Мары появился Вартик. Он был взволнован, под глазом у него был синяк.

— Вартик, что произошло?

— Мара, я нашел своего обидчика, сможешь?

— Конечно помогу, поехали.

— Когда ты успел обидеться сразу на двадцать человек?

— Во-первых, наехали на меня, а во-вторых, я думаю хватит и первого.

— Ладно, не дуйся. Иди, обойди ребят и скажи, что собираемся в семь вечера возле стадиона.

В семь вечера почти все ребята были в сборе. На запасном поле стадиона регбисты заканчивали тренировку. Вартик показал в сторону одного из них.

— Вот тот шакал меня ударил.

Все с удивлением посмотрели на регбиста, а потом на Вартика. Наконец, Тимур спросил его:

— Вартик, скажи честно, тебя мама в детстве не роняла?

— Не понял? - удивился Вартик.

— Ты что? Это же наши кенты. Ты вообще имеешь представление, куда ты нас привел? — уже с возмущением спросил Тимур.

— Ты что, Тимур, — с обидой сказал Вартик. — Заднюю включаешь?

— Переднюю, — быстро ответил ему Тимур. — Объясняю доходчиво: ты меня знаешь, меня никто еще не ломал. А эти ребята так же, как и мы, всю жизнь спортом занимаются. Мы вместе выросли.

— Кстати, Вартик, — вмешался Донат. — А как он тебя обидел?

— Не дал мне билет в кино купить.

— Это как? — переспросил Донат.

— Не пропустил без очереди! — ответил Вартик.

— Ну и?

— Ну, я его и послал.

— А он?

— А он меня засадил.

— Вартик, — продолжил Донат. — А если тебя пошлют, ты бы что сделал?

— Ну и что ты этим хочешь сказать?

— Вартик, Донат прав, — спокойно сказал Мара. — Ты сам скорезил. Я бы тоже на его месте сделал тоже самое.

— Что, раз регбисты, то могут наезжать? — с обидой спросил Вартик.

— Знаешь, есть такая пословица, — сказал Тимур. — Платон мне друг, но истина дороже. Мы не беспредельщики, а он не виноват. Ты нахамил.

Неожиданно из группы игроков трое ребят подбежали к ним. Вблизи они выглядели великанами.

— Привет хлопцы, — поздоровались они. — Вы какими судьбами здесь?

— Привет, — ответили ребята. — Вот пришли вас бить.

— Что, плохо играем? — рассмеялись они.

— Наоборот, чересчур хорошо, — улыбнулся Мара. — Ну вы как в этом сезоне, медали возьмете?

— Как там Али, не устает от вас? — спросил один из них.

— А мы ему подарок сделали, уже месяц на тренировки не ходим, — сказал Тимур.

— Вам легче, а нам пахать надо. Ну ладно, бывайте, не теряйтесь. — сказали здоровенные регбисты и побежали продолжать тренировку.

— Ну хоть сейчас, Вартик, ты что-нибудь понял? — спросил Донат.

- Я сейчас понял, что хорошо быть иногда виноватым.
 - Виноватым никогда не хорошо быть, а пацаны они правильные, без дела, как и мы никогда не наедут. — сказал Мара.
 - Ну что? Финита ла комедия, — присвистнул Ринат.
 - Ла комедия финита. А проще говоря, Вартик берет шнапс с закуской, берем телок и зависаем у Чики. Кто за? — подытожил Донат.
 - Вартик, народ хлеба и зрелищ требует, — сказал Ринат.
 - А что? Я готов, поехали, — ответил Вартик.
- Они сели по машинам и поехали к Чике...

ГЛАВА 8

Рэкет

...После перестройки повсюду открылись кооперативы. Всеобщая гласность, бесконтрольность органов и разгул преступности. Много бывших спортсменов от нехватки денег и прочих бытовых условий организовали группировки под вывеской защиты от беспредела, в который со временем сами же и превращались.

Одни торговали, другие воровали, а третьи прикрывали. Лес рубят — щепки летят. Верхи не могли поделить власть, вцепившись друг в друга, а низы, пока те дрались, выживали как могли. К чести ребят, они не вошли ни в какие преступные группировки, а стали заниматься кооперацией. Кто-то торговал, кто-то шил, а при малейшей опасности могли стать плечом к плечу и защищать свой бизнес и себя.

Мара попал в кооператив по пошиву спортивных изделий. Имея связи и нужные знакомства, он с размахом взялся за дело, отстроив новое помещение, где и вязали, и шили все, от носков до спортивных маек и костюмов. У него появилось пару партнеров по бизнесу, люди далекие от спорта. Один занимался поставками сырья, а другой хозяйственной частью. Дисциплину и реализацию готовой продукции Мара держал под личным контролем. С друзьями, имеющими цеха, они постоянно обменивались информацией, оборудованием, сырьем, лекалами для кройки костюмов и прочими мелочами.

Очень много бывших спортсменов занялись торговлей, и Мара не брал у них денег заранее. Он отдавал им свою продукцию под реализацию. Мара имел авторитет среди спортсменов, если нужно было, мог в любое время прийти и помочь.

Однажды к нему обратился родственник, который имел свой швейный цех. На него кто-то дал наколку, забив ему на вечер стрелку. Его информировали, что вечером к нему домой приедут на встречу так называемые авторитеты преступного мира. За время

многолетней работы в этой сфере родственник завел неплохие связи, но все, в основном, в государственных структурах и органах милиции. В рэжете, зарождающемся новом движении, серьезных связей у него не было. Так, несколько бывших уроков, и то давно отошедших от этого дела. Поэтому он решил подстраховаться и, помимо родственников и друзей, позвать одного из этих типов, возлагая на него большие надежды.

Мара, естественно, счел своим долгом прийти родственнику на помощь, но звать своих друзей не хотел, чтобы не вмешивать их в семейные дела. Поэтому к Лене, так звали его родственника, за час до назначенной встречи он пришел сам. Мара со всеми поздоровался. В доме был накрыт стол, за которым сидели родственники и Абу, в прошлом авторитет, которого Мара тоже знал. Увидев Мару Абу сказал:

- Привет, Мара. Давно тебя не видел. Как жизнь?
- Как видишь, бьет ключом, — с улыбкой ответил Мара.
- Хорошо, что не монтировкой.

Мара с удивлением посмотрел на Абу и, вспомнив, как он монтировкой разогнал толпу после свадьбы, сказал:

- Да, Абу, шутить можешь. Ты гостей знаешь?
- Придут, увидим.

К ним подошел Ленья, приветливо поздоровался с Марой, приобняв его. За столом все сидели, пили, веселились, будто пришли не на встречу с уголовниками, а на день рождения, хотя волнение на их лицах ощущалось и, может быть, поэтому пили много. За простой болтовней прошло часа два, и где-то около одиннадцати ночи раздался звонок в дверь.

Ленья и его партнер вышли во двор, чтобы открыть калитку. Через минуту в дом вошли человек пять крепко сбитого телосложения. Одного из них Мара узнал, он занимался вольной борьбой, а остальные ему были незнакомы. Следом за ними вошел невзрачный худощавый мужчина средних лет с острым взглядом исподлобья. Он всех осмотрел и глухо спросил:

- Кто Абу?
- Абу вышел из-за стола и подошел к нему.
- Я.
- Отойдем, надо перетереть.

Они с Абу ушли в соседнюю комнату, а его спутники остались со всеми. Парень, которого Мара знал раньше, подошел к нему и дружелюбно сказал:

— Мара, ты что не узнал меня?

Он, протянув руку для приветствия, слегка приобнял Мару.

— Здорово, Нота, — сказал Мара, также приобняв его. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Честно говоря, я и сам был удивлен. Это кто тебе?

— Родственник мой, — сказал Мара и предложил Ноте сесть с ним рядом.

Тот присел, и Мара налил ему водки.

— Нота, а ты давно в этих делах?

— Так сложилось, Мара.

— Так что, если придется нам защищать его, ты понимаешь?

— Надеюсь, что не придется, — ответил Нота. — Тем более, против тебя, Мара, я не пойду. Ты в нашем спортивном мире человек уважаемый.

Они подняли рюмки и выпили. Неожиданно дверь соседней комнаты открылась, и худощавый вышел из дома, не проронив ни слова. За ним вышел Абу, на ходу подозревая к себе Леню. Остальные качки и Нота, махнув Маре рукой, вышли за ними. Все сидели за столом, не зная, что им делать. Тут вернулись Леня, его партнер и Абу. Они снова зашли в соседнюю комнату посоветоваться, пробыли там минут пять. Потом Леня выглянул из двери и подозвал Мару к себе. Леня и его партнер были чем-то сильно озабочены. Мара спросил:

— Что, Леня, все нормально?

Абу встал и пошел к двери.

— Ну, вы поговорите сами, — сказал он. — А я пойду чайку выпью.

Абу вышел, а Леня, как бы в нерешительности, вытягивая из себя слова, стал мямлить.

— Да, Мара, ..все вроде да, только...

— Что только? — спросил Мара.

— Понимаешь..., они хотят знать..., кто на эту встречу Абу позвал.

— Какая разница, кто позвал? — с удивлением спросил Мара, не совсем понимая, что Леня хочет сказать.

— Я, честно сказать, растерялся и сказал, что он твой друг и пришел с тобой. Ты же его тоже знаешь?

— Ну, хорошо, сказал, так сказал. Что из-за этого париться? — не понимал Мара.

— Понимаешь, Мара, теперь их главный хочет с тобой поговорить.

— Ну хорошо, когда?

— Он на улице ждет.

— Хорошо, я пойду поговорю с ним, — сказал Мара и направился к двери.

— Мара ты на меня не обижаешься, что так получилось?

— Лентя, мы с тобой близкие люди, грош нам цена, если мы друг за друга не сможем ответить, — сказал Мара, улыбнувшись. — И не переживай, пока я с тобой, здесь все будет нормально. Твоя семья, моя семья.

— Только будь осторожен, эти люди серьезные, — сказал Лентя. — Абу сказал, что с ними лучше не шутить.

— Со мной тоже лучше не шутить, я пойду и поговорю.

Мара вышел за калитку на улицу. В темноте он разглядел три машины, стоящие у обочины. Вокруг одной из них столпилось человек десять. Мара спросил:

— Кто меня спрашивал?

Кто-то из них сказал:

— Подойди к средней машине.

Мара так и сделал. Окно в двери машины опустилось. Это был не худощавый, а один из тех, кто был с ним в доме. Он спросил:

— Ты Мара?

— Я.

— Есть разговор, — сказал он и открыл дверь, — садись в машину.

Мара сел в машину, и она сразу тронулась. В тишине они выехали из города и приехали в лес. Все вышли из машин. Мара насчитал человек пятнадцать. Один он с ними бы никак не справился. Ноты среди них не было. Про себя он подумал, что нужно стать спиной к дереву, а там будь что будет. У некоторых он заметил автоматы в руках. Тот же человек задал ему вопрос:

— Ты кто?

— Я тебе уже сказал, кто я! — спокойно сказал Мара, при этом абсолютно не волнуясь, чем это все может для него закончиться. У него за спиной был немалый опыт. Мара побывал в разных переделках и умел держать себя в руках.

— Я не про имя, — продолжил неизвестный спокойным тоном. — Ты кто по жизни?

— По жизни я человек, — невозмутимо ответил Мара.

— Вижу. Ты Абу на стрелку позвал?

— Ты же тоже не один приехал, — также спокойно сказал Мара.

— Это не ответ.

— Ну если и я, что это меняет?

— Многое. Ты не в свои сани лезешь. Нота нам о тебе говорил, где боролся, кто тренер, с кем общался. Только здесь на соревнование, мы не за медали паримся. Тут на кону жизни стоят.

— Меня пугать — только время терять.

— Тебя никто не пугает. Тебе Леня кто?

— Мой близкий родственник, и я его не брошу.

— А он?

— Что он? — не понял Мара.

— Нота сказал, что ты парень неглупый, а тут в двух березах заблудился.

— Я нигде не заблудился.

— Родственник, говоришь. А где сейчас твой родственник?

— Ты знаешь где, дома.

— Вот. А ты где? Ты что, притворяешься или правда не догоняешь?

— Че мне с вами притворяться?

— А ты пораскинь мозгами, почему ты здесь с нами в лесу один? А если не поймешь, я помогу. Ты подтянулся его защищать, заметь его, не себя, а он тебя нам сдает, как главного виновника торжества. Мол, вот он. Берите, везите, убивайте, а я не при делах, дома отсижусь. А что, если мы тебя валить в лес привезли? Что же он не с тобой, рядом, грудью, как ты за него, не стоит? Ты один, а нас вон сколько?

— Мой родственник, — начал Мара,

Но парень его перебил.

— Да сдал тебя твой родственник, спасая свою шкуру. И, по мне, гнида он. Тебя, дурака, жалко. Мы бы тебя сразу завалили, да Нота

мазу держал, он пацан при правильных понятиях. А твой родственник очканул сильно и тебя подставил.

— Чтобы ты сейчас не говорил, а я от своих родственниках не отказываюсь, — сказал твердо Мара. — А если бы я вас боялся, то и в лес бы не поехал.

— Короче, тема такая. Косяк на тебе, ты серьезным людям дорогу перешел и карты попутал. Нам от тебя ничего не надо, а вот в зону придется посылку оплатить. Ты хочешь, чтобы мы с твоего родственника взяли, или будешь сам за него мазу держать?

— Его не трогайте, я за него дам. Сколько надо?

— Мы не на базаре. Нормальный взгрев не менее десяти косарей потянет.

— Я отвечу за родственника и взгрев на зону. Бабки дам завтра.

— Ты можешь их взять с Лени.

— Я уже сказал, что хотел. Я отвечу.

— Ответить у тебя возможность, благодаря>Note, и бабки завези ему. Если у тебя нет его адреса, он будет ждать тебя во Дворце спорта в два часа дня. А теперь поехали, мы и так потеряли много времени из-за тебя, а нам еще в три места надо успеть.

Все сели в машины и поехали. Не доезжая одного квартала до дома Лени, машина остановилась.

— Дальше сам дойдешь, — сказал их старшой. — Хочешь совет?

— Какой? — спросил Мара.

— Знаешь, как пробка из бутылки шампанского вылетает?

— Ну?

— С треском.

— И в чем тут совет?

— Не будь ни для кого затычкой, рвать первым будут. Думай, если жить хочешь. Пока.

Он закрыл дверь, и машина рванула вперед. Мара стоял и несколько минут смотрел уходящей машине вслед. В голове был сумбур, мысли рвались на части. Он почувствовал, как что-то в нем изменилось. Напряжение проходило. Мара ощутил спазм в горле. Очень хотелось пить. Обида и злость одновременно сменяли друг друга. Мара пошел в сторону дома Лени. Ему надо было многое обдумать и осмыслить. Чувство того, что вокруг что-то меняется, не покидало его. Будто прошлое разрывается с настоящим, а новое

будущее врывается в его жизнь и меняет все устои доступности и беззаботности, которые были у него раньше. Ведь то, что произошло с ним в лесу, было новым, настоящим. Он был на волоске от смерти, и это уже была реальность, а не кино про боевиков и суперменов.

В действительности ни его родственник Ленья, за которого он заступился, ни все, кто сидел у него за столом, не помогли ему в этой ситуации так, как это сделал Нота, случайно оказавшийся там и совершенно чужой ему человек. Уже подходя к дому, он решил ничего об этом не говорить. На улице возле дома он увидел родственников и Ленью с его партнером. Абу среди них не было. Они очень разгоряченно с Леньей спорили, чуть ли не до крика.

— Как ты мог его с ними отпустить? — говорил один из родных, обращаясь к Лене. — Может они его убили, а ты спокойно дома сидишь?

— Почему ты нам не сказал, что они его увезли? — кричал кто-то другой.

— Не кричите на меня, я сам не знал, что они его увезут, — оправдывался Ленья. — Сказали, что хотят поговорить.

— Но почему именно с ним? — кричали они Лене.

В этот момент подошел Мара.

— Что за шум, а драки нет, — пошутил он.

Все кинулись к Маре, стали обнимать и целовать его, кроме Лени, который стоял опустив взгляд.

— Слава богу, живой, — крикнул кто-то.

— Живой, как видите. А что здесь происходит? — спросил Мара.

— Почему ты пошел к ним, почему ты к ним в машину сел, — возмутился один из родных.

— Да что вы так переживаете, — стал их успокаивать Мара. — Ничего не случилось. Волков бояться, в лес не ходить.

— Мы видели их рожи, они хуже волков, — продолжал переживать близкий родственник Мары. — Почему ты сел в машину?

— Они попросили сесть и поговорить, — ответил непринужденно Мара.

— Они меня уже все скушали здесь, — бросил Ленья с упреком. — Будто я тебя к ним в машину посадил...

— Мы тебе не так говорили, — перебил его старший родственник. — Мы тебя спросили, почему из твоего дома не тебя забирают, а его? Так?

— Я не знаю, — неожиданно с криком взорвался Леня. — И вообще, я сюда никого насильно не звал, сами пришли!

После этого Леня зашел в дом, сильно хлопнув калиткой. Но остальным он уже был не нужен. Все радовались, что Мара живой и невредимый стоял с ними. Они постояли еще минут десять в расспросах, на которые Мара отвечал уклончиво, после чего все разошлись по домам.

На следующий день Мара встретился с Нотой во Дворце спорта и передал ему деньги.

— Нота, — спросил у него Мара. — Зачем ты за меня мазу держал?

— Мара, мы друг друга давно знаем. Скажи, ты бы на моем месте как поступил?

— Ну.

— Видишь, ты знаешь ответ. А родственник твой, извини, гроша ломаного не стоит. Спасая свою шкуру, он сдал тебя и по любым понятиям он — гнида. Извини, но я говорю всегда правду.

— Тогда зачем, Нота, ты пошел по преступной дороге?

— Каждый свою дорогу выбирает сам.

— Нота, я тебя знаю. Пацаны тебя уважают. Неужели ты готов убивать и грабить ради бабок?

— Ну, до этого не доходило.

— Пока не прикажут?

— Каждый человек знает, за какую черту он может переступить.

— Если он сам это решает.

— Мара, я свой путь выбрал, а там что будет, то и будет. Кстати, может к нам пойдешь?

— Если бы мне вчера в лесу предложили выбор, или с нами, или умри, то мы бы с тобой сегодня не встретились.

— И за большие бабки?

— Таким путем, нет. И тебе не советую.

— Я детдомовский, вырос сиротой, в постоянных лишениях и нужде, так что мне это все по барабану.

— Ты же хороший борец.

— Вот теперь я буду бороться, только по-другому. Ладно, Мара, мне пора. Если что, ты знаешь где меня найти. Да и вот что, Мара, хочу тебе, как кенту, совет дать. Я тебя знаю, ты по жизни толковый и порядочный, не лезь на рожон, а особенно не в свои сани.

— Поясни.

— Пойми, времена очень мутные приходят. Союз это большой пирог, и сейчас этот пирог резать будут. Все хотят независимости и по мастям расходятся. В Москве старого скинули, новая метла еще толком не пашет. И пока они наверху будут драться и власть делить, тут внизу полный беспредел будет, то есть свой передел. Коммуняки выдохлись, их всех менять будут. Менты бесхозные остались, а бабки всем нужны.

Большая сходка была, воры начали российский пирог кромсать, в каждом районе своих людей ставят. Везде свои положенцы и смотрящие. Мусора сами у них на доле сидят, так что никто их ловить не будет. Ты пойми, преступный мир и до царя, и при нем, и после него есть и будет. Там своя иерархия и дисциплина. При этом абсолютно не имеет значения, какая наверху власть. Это государство в государстве. За всем этим очень большие люди стоят и на этой, и на той стороне. И, поверь мне, всех обложат. Это не пустые слова.

— А что будет с теми, кто против пойдет?

— Или убьют или заменят. Времени мало, а сделать надо много. Поэтому я тебя предупреждаю. Это не просто разборка, и без нужды никуда не лезь. Люди очень серьезные, и тебя, и семью могут убрать. Вчера ты это видел и легко отделался. Но они ничего не забывают и, прислушайся ко мне, придет время и до твоего кооператива дойдут. Я знаю что говорю.

— Мы же ментам отстегиваем?

— Мара, ты меня чем слушаешь? Менты сейчас с нами. Пока наверху твердой власти не будет, год, два, не знаю, людей поляжет много. И, кстати, Мара, как говорят, нет худа без добра. У тебя сейчас есть возможность по твоему кооперативу легко отделаться.

— Ты о чем? Объясни.

— Между нами, не для передачи информация. Понимаешь, когда приходят напрягать, то сразу задают вопрос, мол, кому платишь и под кем сидишь, менты не в счет, только блатным, естественно. Многие никому не платили и, в конце концов, их раскручивают

на всю катушку, долю и так далее, а если дело большое, то могут своего человека поставить, но у тебя сейчас есть окно.

— Большие менты?

— Нет, про ментов забудь вообще. Я же говорю, люди серьезные, им по одному месту твои менты, сожгут на хрен все, и никакие менты не помогут. А окно у тебя такое: вот ты вчера загрузился за родственника штраф заплатить?

— Ну они сказали, что это взгрев на зону!

— Вот, кумекаешь?

— Не совсем.

— Объясняю. Если ты взгрев на зону посылаешь, не имеет значение сумма, это может быть курево, спиртное, чай и т.д., то по всем блатным понятиям ты персонa неприкасаемая, если за тобой кроме бизнеса других предъяв нет. Ты можешь в своем кооперативе миллионы делать, а на зону мешок картошки посылать, и к тебе уже с напрягой подъехать сложно — и братву уважаешь, и в зону отстегиваешь. Понимаешь?

— Кажется да, а кому нужно давать?

— Это другой вопрос. Я тебя с людьми сведу, и будешь им каждый месяц заносить.

— Сколько?

— Я же тебе сказал, сумма не имеет значения, ты же без напряга, добровольно несешь, а за это спроса нет.

— А если придут новые и скажут, что им по фигу, кому я отстегиваю?

— Мара, во-первых, тебе имя дадут, к кому обращаться, а во-вторых, таких пофигистов просто не будет. Зона уже поделена, а залетные без разрешения смотрящего зайти не могут, так что без вариантов!

— Да...а, Нота, просветил.

— Тебя, дурня, жалею. Все-таки вместе выросли, и ничего плохого за тобой по жизни нет, поэтому заранее хочу предупредить, чтобы не наломал дров. Это не шантрапа уличная, а конкретные и маститые люди за всем этим стоят. Не хочу, чтобы ты сгоряча все потерял, включая жизнь. Не пугаю, правду тебе говорю.

— Спасибо, Нота. Я со всеми партнерами переговорю и сразу к тебе заеду.

— Ты мой адрес теперь знаешь, но никому не говори.

— Хорошо. Давай, Нота, я поехал.

Они пожалали друг другу руки и разошлись.

Переговорив с партнерами по бизнесу, Мара получил от них поддержку и понимание ситуации. Да и сумма была мизерная и смешотворная, почти равнялась окладам обычной швеи, поэтому разногласий не было. Наоборот, партнеры были рады такой возможности, потому что ко многим уже приходили, и те загружались на десять, двадцать и более процентов от прибыли. Так что это предложение оказалось своевременным и выгодным.

Через два дня Мара заехал к Ноте с первым взносом. Тот обещал быстро перевести деньги в зону. Теперь, где бы Мара не работал, с уголовным миром у него был контакт, и кто бы к нему не пришел в бизнес из этой среды, не смог бы его ни запрягать, ни загружать по беспределу. Связующим звеном был Нота, через которого он передавал взгрев в зону. Если возникнут проблемы, Мара мог бы назвать имя Ноты или назначить стрелку, на которой Нота должен был урегулировать все вопросы.

Кооперативы росли, как грибы. Появилось много новых бизнесов, открылись цеха, многие ездили в Турцию, Китай, Польшу и привозили товар на перепродажу. Контроль со стороны официальных властей был слабый, а вот со стороны преступного мира, наоборот, чересчур большой. Появилось много преступных группировок из бывших спортсменов и т.д. Во главе группировок были свои авторитеты, а над ними воры в законе. Правда были и такие, которые не контактировали с ворами, зоной. Это были воинственные группы, которые приходили из горячих точек и не поддерживали преступный мир, взаимно уничтожая друг друга. А для этого любая структура нуждалась в деньгах, предлагая свои крышевания бизнеса. И поэтому бизнесмены захватывались, как горячие пирожки, кто кого успевал схватить. Кооперативщики, оставшиеся беззащитными, долго не сопротивлялись. Жизнь была дороже, ведь таких отмороzków, которые могли убить человека, как курицу к обеду, было много.

Правда, постепенно, воры подминали под себя бунтующие группировки. Все-таки каста воров исторически корнями уходила очень глубоко. Даже в царские времена они держали контроль. Конечно, это было другое мышление и другие приоритеты, но стержень не менялся.

Это государство в государстве жило по своим законам. Как, скажем, Италия со своей мафией: неаполитанской каморрой, сицилийской Коза Ностра и калабрийской ндрангетой, Япония с Якудзой или Китай с Триадами... То есть, официальная власть должна с ними бороться, так как они вне закона, но по-настоящему, в реальности, не лезть глубоко. Во многих случаях они просто скрещивались в угоду своим интересам, а интересы у всех одни — власть и деньги. Правда, на разных этапах истории появлялись свои Дон-Кихоты, борющиеся за светлые идеалы человечества, но они быстро сгорали, оставаясь маленькими звездочками в колесах истории.

Сегодняшний день в истории преступного мира расцветал во всей красе. Такого пополнения в его рядах страна еще не видела. Клещи коммунизма разжались, и демократия, вырвавшаяся на свободу, вкуче с преступным миром набирала обороты невиданного размаха. Все что, стояло на пути власти и бандитизма, разносилось вдребезги. Современные историки на эту тему очень много писали, и сказать что-то новое об этом периоде сложно. Хотя, все равно иногда хочется высказаться о том, что прошло через тебя, друзей, соседей, родных и просто незнакомых тебе людей, поделиться своими мыслями об этом времени, также ушедшем в колесницу истории.

Многие были в шоке, как такое могло случится в стране победившего социализма? Как дошли до краха целые поколения людей, независимо от их национальности и вероисповедания? Почему, когда открылся железный занавес, за границу мгновенно уехало огромное количество людей, которых, кстати, сразу же окрестили изменниками родины и врагами общества? Почему со всего мира народ не приехал жить в эту страну? Почему люди с такой скоростью бежали из огромной державы, богатой, с бесконечными природными ресурсами и возможностями?

Люди бежали от произвола и нарастающего бандитизма, падения нравов: сын шел на отца, дочь против матери, брат против брата, бывшие близкие могли друг другу глотки перегрызть.

Власть людей не защищала, а еще больше ломала и угнетала, а тех, кто еще хотел бороться за выживание и искать справедливости, она оставляла один на один перед преступным миром, девизом которого были слова «либо плати, либо умри». Достоинство и честь были растоптаны и поруганы. В одночасье полстраны стало разговаривать

не на языке Пушкина и Толстого, а на жаргоне уголовного мира. Никто не работал. Людей воровали и продавали, как баранов. А если не было выкупа, то они бесследно исчезали, и никто этим бедолагам не мог помочь.

Женщины образованные, порядочные, чтобы как-то прокормить семью, уходили на панель, тем самым поставив свое существование ниже плинтуса. Тюремь были забиты до отказа. Из них, как из конвейера, отсидев свой срок, выходили уже готовые урки с воровскими понятиями. Если кто-то хотел быть независимым, то попадал либо в жернова власти, либо под маховик воров, либо уезжал из страны. Но возможность уехать была далеко не у всех.

Пришло время открытого грабежа, не было необходимости уголовникам в форточку лезть или отмычкой дверь открывать. Приходили открыто, не боясь, днем, при свидетелях, называли суммы, которые хотели взять, предлагая, при этом два-три дня на размышление. А если человек искал защиты в милиции, то сумма удваивалась. Многие продавали дома, машины, чтобы откупиться.

В один из таких дней Мара занес Ноте очередной взнос. Конечно, чувствовал себя Мара скверно, ощущая внутри надлом. Дело было не в деньгах, это была мизерная сумма, в интересах бизнеса. Но эта сделка отличалась от всех, она была союзом с преступным миром, одолеть который Маре было не под силу. Всегда умевший постоять за себя, он чувствовал унижение и гнетущее состояние от свалившихся на него обстоятельств, будто он сдался сопернику без борьбы. Но это был не спорт, это была другая борьба — борьба за выживание: либо ты жив и работаешь, либо ни то и ни другое.

Конечно, к этому шагу его подтолкнул Нота, благодаря которому его теперь никто не прессовал, да и в долю никто не лез. А деньги, которые он отстегивал, шли не в карман каким-то ханыгам, а прямо в тюрьму, где сидело немало и хороших людей. Так что, кое-как, Мара и со своей совестью заключил сделку. Все было, как в грустных словах мудрецов древности: «Кто выигрывает битву с собственной совестью, тот выигрывает в борьбе за существование».

Конечно, многие бизнесмены были не согласны с таким положением дел, ведь не все уголовники ведут себя, как Нота с Марой. Заходят на работу наглые хамы, чуть ли не ноги на стол кладут и требуют долю от бизнеса. Многие начинают воевать с ними, но, к сожалению,

в большинстве случаев для таких героев все заканчивается плохо. Зачастую, их убирают физически, либо сжигают бизнес, создают давление на семью. В конечном итоге тот, кому удастся выжить, остается ни с чем. Власть защищала только себя, отдав народ на растерзание уголовникам.

Все эти размышления возмущали Мару. Он даже не заметил, как проехал на красный сигнал светофора, но ему повезло, что на перекрестке не было машин. Он медленно подъехал к дому, где его ждал Тимур. Мара вышел из машины, и они поздоровались.

— Судя по выражению лица, ты пришел не водку пить? — спросил Мара.

— Ты прав, сделаем дела, потом и водки выпьем.

— Рассказывай, что случилось?

— Толком еще не знаю, все собрались у Натана, а меня за тобой послали. Похоже на его цех наехали.

— Ну, вот и началось! — присвистнул Мара.

— Ты это о чем? — удивился Тимур.

— Так, мысли вслух. На твоей или на моей поедем?

— Загони свою во двор и поедем на моей.

Через двадцать минут они уже заходили в дом Натана. Почти все друзья собрались у него дома в подвальном помещении. Натан постелил на пол спортивные маты, поставил вокруг гантели, штангу, повесил боксерскую грушу. Словом, получился мини-спорткомплекс, в котором была даже сауна, топившаяся дровами. Но в этот день все собрались не для отдыха. Мара и Тимур поздоровались со всеми и присели.

Мара заметил, что в комнате находился Сава. Человек он был новый в их компании, его недавно пригласил к себе Натан. Они познакомились в техникуме, где вместе учились и жили в одной комнате общежития почти два года, пока Саву не посадили из-за какой то очередной драки в ресторане, где он разбил кому-то голову бутылкой из-под водки. Саву исключили из техникума и отправили на малолетку, где он отсидел два года, и вышел по амнистии, после чего и приехал к Натану.

Натан помог Саве с квартирой и работой в цеху. Человек он по характеру был закрытый, взгляд был колкий и недоверчивый, видимо наложили отпечаток последствия тюрьмы. Эта школа выживания

заставляет на многие вещи смотреть по другому. Сава был неглуп, хитер, больше говорил, чем делал. Не все ребята относились к нему так доверительно, как Натан. Информации о нем было очень мало, поэтому ребята еще не были с ним открыты и не имели особо теплых отношений. Все-таки новый человек в компании.

Но среди друзей Мары было так, если кто-то друг твоего друга, то автоматически становился и твоим другом. Тогда для него все двери в дома друзей были открыты. Натан считал, что Сава, как человек, который уже сидел в тюрьме и знал уголовный мир изнутри, мог на этой встрече дать дельный совет.

Натан обратился ко всем с просьбой о внимании, после чего сказал:

— Друзья, прежде чем я объясню, по какой причине я вас собрал, мне хотелось бы заранее сказать, чтобы вы хорошо обдумали свое мнение перед тем, как сказать его вслух. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за нашей дружбы, находясь рядом со мной.

— Поздно спохватился, — с улыбкой сказал Донат. — Как можно с тобой общаться и не страдать.

Все засмеялись. Но Натан, таким же серьезным тоном, не обращая внимания на смех друзей, продолжил:

— В этот раз, к сожалению, я не шучу, и дело очень серьезное.

— Натан, — обратился Мара к нему. — Мы друзья с детства, и твоя радость — радость для всех. Твоя беда, не дай бог, всех беда. Не трать зря энергию, и что бы вокруг нас не произошло, мы вместе. Я не думаю, что в этой компании кто-то думает иначе.

Ребята переглянулись. Сава почувствовал, что на него смотрят с подозрением, но Натан сразу сказал:

— За Саву я отвечаю! Я понимаю, что он для многих человек новый, но там, где мы с ним были, он заднюю не включал.

— Натан, говори, зачем позвал. — сказал Тимур.

— Короче говоря, на наш цех наехали, — произнес Натан.

— Кто наехал? Как? — удивленно спросил Тимур.

— Меня и Яна в цеху не было, мы за товаром уехали, — продолжал Натан. — Филиппа тоже не было. В цеху был механик Макар. Он говорит, что они зашли по-хамски, человек пять, дерзко разговаривали, нас спрашивали.

— А механик не спросил, кто они? — спросил кто-то из ребят.

— Конечно, спросил, — ответил Натан. — Их главный сказал, чтобы он передал мне, что его зовут Дамир, и вызвал нас на стрелку!

— Когда и куда? — спросил Наум.

— На пустырь за химкомбинатом, завтра в три часа дня. Поэтому я и позвал вас всех. Хочу посоветоваться, чтобы непоняток не было.

— Каких еще непоняток, — сказал Донат. — Мы завтра все едем с тобой на эту стрелку.

— Натан, если я тебя правильно понимаю, что если бы ты хотел им платить, то нас бы не позвал? — спросил Мара.

— Да, Мара. Я не собираюсь ни перед кем прогибаться, и если не отвалят, буду всех их валить! — решительно и воинственно сказал Натан.

— Теперь я тебя понял, — ответил Мара. — Мол, я иду воевать, а кто боится, сиди дома.

— Я так не говорил, — недовольно произнес Натан.

— Да, не говорил, но подумать об этом заставил, — ответил Мара.

— Натан, я тебе еще раз говорю, здесь никто заднюю не включит при любом раскладе, — сказал Тимур. — Но прежде чем воевать, давайте узнаем, что они хотят.

— Мазы качать и бабло стричь, — неожиданно включился Сава.

— В любом случае, мы должны их требования выслушать, — сказал Мара, посмотрев на Саву.

— Умница. Прямо в цвет попал, — продолжил Сава. — Прежде чем на рога лезть, побазарить с ними надо, кто, что, откуда, под кем ходят и на что грузят.

— Я платить никому не буду! — снова сказал Натан.

— Ты, Натан, не кипятись, остынь, — остановил его Мара. — Я, кстати, два дня назад тоже как ты рассуждал, не дам, убью, завалю. Хорошо, что рядом оказался добрый человек, просветил вовремя.

— Ты это о чем, Мара? — спросил с удивлением Тимур.

— Честно говоря, не думал я, что все так быстро будет происходить, видимо не оценил их масштабы! — сказал Мара.

— Мара, ты можешь поясней объяснить? — спросил Ясон.

— Короче слушайте меня внимательно и не перебивайте.

И Мара рассказал ребятам все, о произошедшем в доме Лени, о поездке в лес, о разговорах с Нотой, а также о первом взносе на зону.

Все слушали внимательно, то возмущаясь, то удивляясь. Закончив рассказ Мара сказал:

— Вот такие времена пришли. Не было бы рядом Ноты, я бы тоже кого то завалил, но ничего бы этим не добился.

— А почему ты нас не позвал?! — вырвалось у Натана.

— Куда, к Лене? Это же не ко мне приходили! — ответил Мара.

— И ты хочешь сказать, что я должен им сдаться? — спросил с укором Натан.

— Ты не кипятись, Натан, — стал успокаивать его Сава. — Ты упираешься, потому что в тему не вникаешь, Мара дело говорит.

— Дело? Чтобы этим уркам бабки давать? — возмущенно спросил Натан.

— Натан, послушай меня внимательно, — спокойно сказал Мара. — И просто ответь мне на несколько вопросов прямо.

— Ну спрашивай! — сказал Натан.

— Натан, — сказал Мара и, внимательно посмотрев ему в глаза, продолжил. — Скажи честно, я трус?

— Это ты о чем...? — спросил Натан.

Но Мара перебил его.

— Ответь на мой вопрос.

— Нет, не трус, — ответил, не задумываясь, Натан.

— А теперь скажи, — продолжил Мара. — Зачем они приходили к тебе в цех?

— Как зачем? — удивился Натан.

— Отвечай, как думаешь.

— Думаю, приходили на бабки раскручивать, — медленно сказал Натан, не понимая куда Мара клонит.

— А как ты думаешь, они только к тебе пришли и больше ни к кому?

— Откуда я знаю, — отмахнулся Натан.

— Я же тебе уже рассказал, что они у Лени были.

— Ну?

— Что ты нукаешь, Натан, — вмешался Сава. — Неужели ты не догоняешь, что он тебе хочет донести?

— Что ко всем ходят, ну и что с того? — раздраженно парировал Натан.

— А то, Натан, — продолжил Мара. — Что они раньше не ходили по работам, так в дома лезли, по мелочам воровали. И это были шипачи, а не организованные бригады бойцов. Открой глаза, у них идет борьба за все, что бабки приносит. Они же ведь тоже не одни, у них конкуренты есть. Поэтому они всюду суются, в доли лезут. Кто на сколько прогнется, того на столько загружают. Им плевать, что ты порядочный и крутой, который может за себя постоять. Они везде лезут, как тараканы, чтобы успеть тебя первым взять. Не дали — убьют, сожгут, семью будут терроризировать.

И им не важно, один ты или нет. Их сотни, тысячи, голодных до денег, а прикрывают их блатные. Заметь, они в открытую идут, не боясь ни ментов, ни власти. Так что, если мы их завтра всех на сходке положим, это не поможет. Они пошлют других, третьих, пятых, пока не добьются своего. Мне Нота так и сказал, ты человек хороший, только зря жизнь положишь и бизнес погубишь. Их не одолеешь, потому что за ними серьезные силы стоят, и себя подставишь, и семью без кормильца оставишь. А так считай, за мешок картошки отделаешься, причем, не этим быдлам, шестеркам будешь давать, а прямо на зону. Тогда никто тебе права качать не будет.

Мара умолк и обвел всех взглядом. Наступила минутная тишина, которую прервал Сава.

— Дело говорит Мара, нам с ними воевать не с руки, легче прямо в зону рулевому отстегивать, и никакая шныра в цех не зайдет. И волки сыты, и урки накормлены.

Натан стоял в задумчивости.

— Послушай меня, Натан, — сказал Мара. — Не лезь в бутылку. Со всем преступным миром мы не сможем воевать, тем более, что менты с ними в доле сидят. Я уже навел справки через мои связи в прокуратуре. Мы сейчас можем пойти к>Note и переговорить о твоём цехе. Мы сразу дадим за него взнос и тем самым опередим тех, кто приходил. А когда поедем на стрелку, то поставим их перед фактом — мол, вы кто такие, мы и без вас в общак бабки вносим.

— И никакая шваль предьяву не сделает, — вставил Сава. — Умница, Мара. Котелок варит. Мы ведь сможем на стрелке имя Ноты им объявить?

— Это Нота мне сам сказал, кто бы и когда не пришел, забейте стрелку и назовите мое имя.

Сава повернулся лицом к Натану и сказал:

— Все, Натан. Не надо чалиться, рамсы разбиты, — и, повернувшись к Маре, спросил: — Мара, я же могу с вами пойти?

— Конечно, прямо сейчас и поедем, тянуть нельзя.

— Ты, Мара, прямо, как академик, все по нотам расписал, будто сам чалился, — сказал Сава Маре.

Все одобрили этот план, и Натан вместе с Марой и Савой поехали к>Note. Остальные ребята остались ждать их на том же месте. Нота был дома. Мара познакомил Натана и Саву с Нотой, после чего в двух словах объяснил ему всю ситуацию. Нота внимательно выслушал и спросил у Натана:

— Как ты говоришь, он себя назвал?

— Дамир, — ответил Натан. — Так мне мой механик передал.

Нота немного призадумался и сказал:

— Я знаю этого шустряка, он из Муфиной бригады, отморозок редчайший, сидел на мокрухе.

— А в какой зоне сидел, не знаешь? — спросил заинтересованно Сава.

— Где-то под Соликамском, точно не знаю. У Муфы он исполнитель, завалить может, не моргнув глазом. Он не из наших спортсменов, уголовник законченный.

— А под кем Муфа сидит? — спросил Сава.

— Все подчиняются Али, он положенец! — ответил Нота. — Когда стрелка?

— Завтра в три часа дня на пустыре возле химкомбината, — сказал Натан.

— Так говоришь, никого в цеху не было? — спросил Нота.

— Они с механиком говорили, он им сказал, то начальства нет.

— Очень хорошо получилось, что вас не было в цеху! — произнес Нота.

— Почему? — спросил Натан.

— Да потому, что ты сразу бы быковать стал, а они стопудово с пушками ходят. — объяснил Нота и сразу продолжил. — Понимаешь, Натан, они, по-хорошему, сразу на ставку сажают, а по-плохому, в долю лезут и смотрящего в цеху ставят, и так прессуют до тех пор, пока все себе не заберут. А в зону с вашего цеха мелочевка пойдет, жирные куски у них в кармане осядут. Завтра на стрелке ты объявишь,

что на кичу дачки посылаешь, и к тебе предъяв не будет. Проверять будут, да. Но тогда я подъеду и подтвержу.

— Нота, а ты с нами сразу не поедешь? — спросил Мара.

— Сразу мне не надо ехать, чтобы они не выкупили наш договор. Вы встретитесь, узнаете, что хотят, а потом скажите, что через меня в зону отстегиваете. Они или сами со мной свяжутся или попросят вас меня привезти. Но до этого мне уже сегодня действительно нужно бабки от вашего цеха к Али завести, чтобы он уже в курсах был.

— А сколько надо? — спросил Натан.

— Это дело добровольное, — сказал Нота. — Но желательно не меньше, чем с цеха Мары.

— Мара, сколько ты даешь? — спросил Натан.
— Штуку.

— Действительно, как цена мешка картошки! — с ухмылкой произнес Натан.

— Так мы тебе о чем талдычим, произнес Сава. — А ты все на рога хочешь залезть. Но Нота — настоящий кент, это дорого стоит.

— Мы с Марой вместе боролись и давно кентуемся, — ответил Нота. — Ради него чисто по-братски впрягаюсь.

— Когда бабки надо? — спросил Натан.

— Вчера, — откликнулся Сава. — Он же тебе ясно сказал, надо к смотрящему нести.

Натан вытащил из кармана деньги, отсчитал тысячу и передал Ноте.

— Вот деньги, — сказал он. — Завтра, если что, как мы с тобой свяжемся?

— У Мары есть мой телефон, он тебе его даст, — сказал Нота и, повернувшись к Саве, спросил:

— Скажи Сава, вы с Натаном вместе работаете?

— Да! — ответил Сава, не задумываясь.

— Ты раньше сидел? — прямо спросил Нота.

— А как выкупил?

— По взгляду, разговору, да и многое другое. Я сам не сидел, но повидал многое.

— Два года в зоне, три на химии, — сказал Сава, смотря в глаза Ноте так, будто бурил скважину.

— Натан, мог бы я тебя попросить, раз уж вы вместе работаете, на стрелке дать Саве с ними больше бакланить? — спросил Нота у Натана.

— Почему? — удивился Натан.

— Понимаешь, Дамир сидел, и некоторые его обороты речи ты можешь не уловить, а у Савы они не пройдут, он его с полуслова может понять.

— Я сам хотел ему об этом сказать, ты меня опередил Нота, — подтвердил Сава.

— Ну что ж, хорошо, — подвел итог Нота и, повернувшись к Маре, спросил:

— Мара, ты можешь меня отвезти бабки передать?

— Хорошо, я их быстро отвезу и подъеду.

Натан и Сава обменялись рукопожатием с Нотой и вышли. Мара отвез их обратно домой. По дороге они договорились, что завтра соберутся в два часа дня у Натана дома, и оттуда все вместе поедут на стрелку. Стволы решили с собой не брать, только ножи, топоры и цепи, так, на всякий случай. Они попрощались. Мара вернулся к Ноте и отвез его к Али. Нота передал ему деньги, назвал имя хозяина и адрес цеха, от которого были переданы деньги. Через час Мара уже подвозил Ноту к его дому.

— Ну все, Мара давай, — сказал Нота выходя из машины. — Ты меня понял, на рожон не лезьте. Хотя они могут провоцировать, все равно не отвечайте и, как я сказал, пусть больше с ними Сава калякает.

— Лады, Нота, мы так и сделаем.

— Завтра после трех часов я буду дома. Если что, сразу мне цинкани, хотя я не думаю, что они захотят меня видеть, достаточно имени. Давай, Мара. Пока, до завтра.

— Пока, — сказал Мара и уехал.

На следующий день в два часа дня почти все ребята были у Натана. Одежда была боевая: кирзовые сапоги, ремни с бляхами, кастеты, ножи, цепи, плетки из резины, в общем, арсенал бойца. Все, кроме стволов. Ребята загрузили в машину ящик водки, закуски, так сказать, заодно и отдохнуть на природе.

На условное место они подъехали на полчаса раньше. Осмотрелись, постелили на землю скатерть, вытащили водку, закуски и стали пить. После нескольких рюмок водки напряжение спало, и к трем

часам они, уже развлекаясь, начали кидать в деревья ножи, топоры, соревнуясь в точности.

Всего было их человек десять. Это, так сказать, был костяк друзей, готовых стать друг за друга в любую минуту. Все были в хорошей физической форме, больше половины ребят занимались спортом и, помимо этого, прошли через огромное количество уличных драк. Во многих районах города о них знали, и мало кто хотел с ними воевать, во всяком случае открыто.

Надо сказать, что в каждом районе города были ребята, которые контролировали свой район. Немало было уличных драк, кодла на кодлу, но в последнее время драки уже были очень редки. Многие друг друга знали, и обычно перетерки кончались миром или же поединком «один на один» самих зачинщиков скандала. Правда, иногда были исключения, когда в период праздников в город съезжалось много сельских ребят. Тогда могли возникнуть незапланированные стычки, но и это случалось редко.

Так и на сегодняшнюю встречу большинство ребят пришли конкретно драться. Подвыпив, они начали бороться. В разгар этого, подъехало три машины, из которых вышло человек десять-одиннадцать. У половины из них за поясами были видны стволы. Увидев перед собой полуголых парней, борющихся между собой и кидающих ножи и топоры по деревьям, они немного опешили и, на всякий случай, решили далеко от своих машин не отходить.

Нескольких ребят из подъехавших Мара и Натан узнали, они тоже раньше с ними занимались борьбой. Как говорится, многие из спортсменов ушли в криминал и случалось, что бывшие друзья оказывались по разным сторонам, друг против друга. Те из них, кто узнал Мару, Натана и Тимура, сами стали подходить и здороваться, и это намного разрядило обстановку. После приветствий все подошли к так называемому столу. Тимур предложил знакомым ребятам выпить, но вперед вышел худощавый, невзрачного типа парень, с наколками на руках. Он нагло вато спросил:

— Я Дамир, кто здесь рулевой?

Натан хотел ответить, но Сава его опередил.

— Рулевой в крытке сидит. Я Сава, что хотел?

Дамир прожигающим взглядом с минуту смотрел на Саву, как бы оценивая его персону, после этого уже менее категорично произнес:

— Побалакать надо, отойдем.

Они отошли в сторону и присели на корточки. Первым спросил Дамир:

— Где чалился?

— Под Соликамском, в общаке. Год, как откинулся.

На секунду Дамир задумался.

— Габона знал?

— Да, — спокойно ответил Сава. — Он в десятке сидел. А ты?

— Я с ним сидел, сейчас в антракт вышел, — сказал Дамир.

— Какая ходка? — прищутив глаз, спросил Сава.

— Вторая, — сказал медленно Дамир и, также прищутив один глаз, спросил. — Так ты барыжничаешь или цех твой? Может за кого-то впрягаешься? Ты кем на зоне был?

— Блатырем, — невозмутимо ответил Сава. — Тут такая тема, начальник этого цеха Натан. Мы с ним кентовались до моей ходки, а как откинулся, к нему причалил. Он меня во всем пригрел и хату дал. Теперь я ему, как бродяга, шнифты на жизнь открываю. А взгрев в зону он делает, бабки к Ноте заносит, а дальше, как я знаю, они через Али в крытку идут.

Дамир задумался, продолжая сверлить глазами Саву. Но на лице Савы ни один мускул не дрогнул. Он также прямо смотрел в глаза Дамира. Наконец, тяжело вздохнув, Дамир поинтересовался:

— Али откуда знаешь?

— Не по понятиям положенца не знать.

— Я вижу ты семерки не плетешь.

— А какой резон тебе горбатого гнуть, тем паче, спрос за туфту я знаю.

— Хорошо, — сказал Дамир, привставая. — Я вечером у Али буду, твой ответ передам.

— Нота нужен? — также привстав, спросил Сава.

— Нет мотива. Ты сам-то к нам не хочешь причалить?

— Осмотреться надо.

— Ну, ну, осматривайся А нам валить надо, потом пересечемся.

— Водяры не хочешь хлебнуть?

— На сегодня маяков много. Да и как я вижу, мои хлопцы уже накатили с твоими.

Они приобнялись и пожали друг другу руки, после чего Дамир подошел ко всем. Его ребята приподнялись со стола и посмотрели на него.

— Пить не могу, печень шалит, — сказал всем Дамир и, повернувшись к своим, приказал. — По машинам, на другой маяк опаздываем.

Он резко развернулся и пошел к машине. На лицах ребят, которые с ним приехали, стало заметно облегчение, ведь многие знали друг друга. Они быстро подняли стаканы, пожелали удачи и выпили. Когда они уехали, все обступили Саву, Натан спросил

— Ну?

— Что ну? Тебе, Натан, надо поляну Маре накрывать, за то, что он нам всем, конкретно, головную боль снял.

— Какая головная боль? — спросил довольно сильно охмелевший Ясон. — От этого дистрофика?

— Тебе что, Ясон, в войнуху поиграть хочется? Или перепил? — раздраженно спросил Сава.

— Да валить их всех надо было! — опять произнес Ясон.

— Валить говоришь, — усмехнулся Сава. — Так. Завалили. И что дальше, Ясон?

— А что дальше? Другие сто раз подумают, прежде чем сунутся! — продолжал гнуть свое Ясон.

— Да, Ясон, молодец, — присвистнул Сава. — Они же не к тебе пришли. Мы их сегодня уложим, а завтра за своих бойцов они придут получать от семьи Натана, пока ты в постели спать будешь.

— Хватит, Ясон, туфту гнать, — грозно сказал Мара. — Дай лучше послушать, чем базар закончился.

Все посмотрели снова на Саву.

— Короче, — сказал Сава. — Этот Дамир со второй ходки откинулся и, по моим понятиям, бандюган отмороженный. Он пацаном под Али ходит, и я думаю, он сегодня Али доложит и пробивать будет, идет ли из цеха Натана дачка в зону.

— А Ноту он не просил? — спросил Мара.

— Нота ему не указ. Все бабки в зону через Али идут, так что будем ждать новостей, скорее всего от Ноты. — сказал Сава.

— Зато они поняли, что мы им не подарки, — снова вставил Ясон.

— Вот здесь ты в цвет попал, — сказал Сава Ясону. — Это, в принципе, хорошо, что они нашу кодлу увидели.

— Особенно, когда они увидели, как Ясон с Филиппом топоры и ножи в деревья кидали, — сказал Тимур, улыбаясь. — Конечно они повелись.

— Если все пройдет гладко, то они сами, я думаю, будут рады, что нас валить не надо. — философски произнес Сава.

— А ты что думаешь, они могли пойти на это? — спросил Натан. Сава внимательно посмотрел на Натана и решительно сказал:

— Понимаешь, Натан, им по одному месту, кто ты и что из себя представляешь. Им бабло нужно. До тех пор пока ты начальник этого цеха, спрос будет с тебя. Если будет другой, то автоматически переключатся на него. Ты пойми, ни ты, ни твои заслуги в жизни для них ничего не значат. Там совсем другой мир, без дружбы и романтики. Ты для них барыга и фраер, с которого можно качать бабки, а будешь сопротивляться, для этого у них достаточно шестерок и качков имеется. Вот смотри ты пашешь в цеху, так?

— Ну?

— Значит ты бабки делаешь. Неважно, какими усилиями и трудом тебе это достается. Но к тебе приходят менты, пожарники, санинспекция и прочая мазута, так?

— Да...

— Тебе же не запахло им бабки отстегивать?

— Если не дам, цех закроют.

— Вот, вот, прямо в цвет попал. Значит отстегиваешь?

— Ну...?

— Тогда почему тебе им давать можно, а этим козлам нет?

— Те, во всяком случае жизни не угрожают, а могут просто цех закрыть.

— Именно, не угрожают, — подчеркнул Сава, — и ты все равно платишь. А здесь, помимо того, что цех закроешь, пока воевать будешь, так еще и завалить могут. Тебя же менты твои от рэкета не защищают?

— Дам бабки — защитят! — продолжал гнуть свое Натан.

— Вот видишь, опять бабки надо давать, а гарантий что они тебя и твой дом защитят никакой. Тем более, что сегодня менты с ними в одной упряжке сидят и будут тебя, фраера, с двух концов доить. Но это я отвлекся, пойдём дальше. Вот скажи как думаешь, те менты, которым ты платишь, они все себе в карман забирают или с кем-то делятся?

Все ребята внимательно слушали их диалог.

— Может с начальством делятся? — нерешительно сказал Натан. — Откуда я знаю, и мне по фигу. Лишь бы дали работать.

— Натан, братан! Неужели ты не улавливаешь, что я хочу тебе объяснить? — с досадой спросил Сава.

— В принципе, схема понятна.

— Да я не о том, — продолжил Сава. — Вот послушай, допустим, что мент отстегнул начальству, тот дальше дал, чтобы с поста и кормушки не сняли, а тот еще дальше, короче, по цепочке до самого верха, так?

— Верно...

— Поэтому там наверху никто не заинтересован, чтобы это останавливалось. Если где-то по цепи будет тормоз, то либо починят, либо заменят. На зарплату еще никто не выживал, и поэтому все кровно заинтересованы, чтобы конвейер не барахлил. И для этого власть свою мощь всегда может использовать, так или нет?

— Допустим, — неохотно согласился Натан.

— А теперь вернемся к нашим баранам. Вот сейчас мы разговариваем с кем?

— Он же сказал, что его зовут Дамир!?

— Да мне по херу, как его зовут. Мы разговаривали с исполнителем, а его тоже кто-то же послал. И тот, кто за ним, тоже имеет своего хозяина, и так же дальше, по той же цепочке.

Только цепочка эта — преступная, где главный, это вор в законе. Но и он не один. На каждый архипелаг свой вор имеется, как в политбюро партии и дальше, до хозяина страны. А там есть другие страны, и везде сидят свои хозяева преступного мира. Короче, перечислять можно до бесконечности, и пока я в зоне сидел, это на всю жизнь уяснил. Так вот, Дамир — это никто, и если бы мы, как хотел Ясон, их сегодня завалили, то завтра пришли бы другие, и не бабки с цеха просить, а валить. И в этом случае, спасибо, если только тебя, а то и всю семью могут, в назидание, положить, чтоб другим не повадно было брыкаться.

Это не Италия, где только виновника казнят. Тут, как у Высоцкого: «Здесь вам не равнины, здесь климат иной, идут лавины...». Все, на хрен, уничтожат. А Мара, поклон ему земной, умница, буквально

за мешок картошки, тебя и всех нас спас от огромной карательной машины воров.

— А при чем здесь воров? — с недоумением спросил Натан.

— А ты что думаешь, что это чухан Дамир тебя напрягает? Это воров тебя напрягают, чтобы ты через него им бабки отстегивал. Натан, это война не с немцами, это война с ворами.

— Честно говоря, — вмешался Мара. — То, о чем Сава сейчас говорил, я все эти дни в голове держал. Просто не хотел тебе это говорить, Натан, чтобы ты не подумал, что я заднюю включаю и от драки ухожу. Я с Савой полностью согласен, мы не должны за бабки свои семьи под угрозу ставить. Это не кино, где Рэмбо всех валит. А почему все молчат? Может мы с Савой неправы, так скажите?

Послышались голоса одобрения ребят.

— А раз все согласны, — вступил в разговор Тимур, — то предлагаю по этому поводу взять барашка, ящик водки и отметить это.

Такое разумное предложение одобрили, тем более, что от этих разговоров все стали снова трезветь.

— Хорошо, — сказал Мара. — Пока вы все приготовите, я с Савой поеду к Ноте, и мы узнаем, что там происходит. Ты не против, Сава?

— Я сам хотел тебе сказать, чтобы поехать вместе. Из всех ребят здесь, я один сидел, их базар понимаю и могу где надо правильно ответить. Мара, если это возможно, было бы хорошо, если бы Нота нас с собой взял с Али познакомиться.

— Зачем нам Али, если с Нотой у нас все хорошо?

— Не скажи. Чем со слугой, всегда лучше с хозяином дело иметь.

— А не глубоко лезем?

— Мы не лезем, мы бабки несем. И давать их лучше хозяину, а там видно будет, как масть ляжет.

— Ну смотри, Сава, как бы нам в дебри не залезть.

— В этих дебрях я Сусанин, выход всегда найду.

— Ладно, Сусанин. Поехали.

Они сели в машину и отправились к Ноте.

— По пути заедем ко мне в цех. Мне нужно бабки взять, а оттуда поедем. — сказал Мара.

— У тебя курево есть?

— Посмотри в бардачке.

Сава открыл бардачок и увидел там пистолет. Он с удивлением посмотрел на Мару.

— Это газовый, — усмехнулся Мара. — Мне кент из комитета сделал официальную бумагу на ствол. Как настоящий выглядит, да?

— Я сразу подумал, что настоящий. А мне твой кент не сделает?

— Сава, это не духи французские под прилавком покупать, там все данные обо мне, а если есть судимость, то вообще не дают.

— Да, Мара, связи у тебя нехилые!

— Так мы все боролись, там и подружились, знаешь сколько у меня кентов в прокуратуре, ментовке, комитете...

— Короче, если что, то от ментов у нас крыша есть?

— А вот в этих дебрях уже я Сусанин.

ГЛАВА 9

Мент

До цеха Мары оставалось проехать полквартала, но не доезжая метров тридцати, кто-то поставил машину посреди дороги так, что объехать ее было невозможно. Мара посигналил, но машина не двигалась. Водитель через окно махнул рукой и продолжал стоять. Мара открыл свою дверь и направился к нему.

— Слышь, земляк, я не могу проехать, подвинь машину.

— А пожалуйста? — с издевкой в голосе спросил водитель и сразу же вышел из машины. Он был крепкого телосложения, а увидев поломанные уши, Мара понял, что перед ним борец, но он его раньше не видел.

— Слушай, вежливый, — мягко сказал Мара. — если пошлю, дорогу найдешь?

— Да я вижу тебя мало в детстве били, — нагло продолжил незнакомец.

— Короче, — уже серьезно произнес Мара. — Если ты сейчас машину не уберешь...

Но тот не дал договорить, бросив Маре.

— Да пошел ты...

Мара схватил его за куртку и хотел оторвать от земли, но он оказался крепышом и резко отбил руку Мары. Они сцепились и несколько секунд перекатывались туда-сюда. После чего Маре все-таки удалось провести свой коронный прием «через себя» и уложить наглеца на капот его же машины. Все произошло так быстро, что Сава даже не успел выйти из машины. Пока он повернулся, Мара уже начал проводить удушающий прием, отчего незнакомый силач стал бить руками по машине и кричать, чтобы его отпустили.

— А ты, пожалуйста, скажи, — съязвил ему Мара.

— Отпусти меня, я следователь! — заорал тот.

— Да мне по барабану, кто ты. Еще раз говорю, как надо просить?

Хриплым голосом мужик пробурчал слово «пожалуйста».

— Мара, да отпусти ты его. Он уже задыхается, — испугался Сава и стал Мару оттаскивать.

Мара разжал руки и отбросил этого человека в сторону. Отдышавшись, тот встал и медленно произнес:

— Меня зовут Агап. Я следователь ОБХСС, а ты, как я теперь понимаю, Мара?

— Ты в следующий раз на лбу пиши, что ты мент.

— Слушай Мара, хорош дерзить, тем более я при исполнении. Задержан реализатор без накладной, сказал, что товар брал у тебя.

— Что за жизнь пошла, — усмехнулся Мара. — То блатные наезжают, то менты напрягают.

— Я к блатным не отношусь, а вот посадить могу.

— За драку, что ли?

— За левый товар.

— Ты свои страшилки для лохов побереги, а меня чтобы посадить, тебе лет двадцать по службе подниматься надо. Кстати, корку покажи.

Агап вытащил из внутреннего кармана удостоверение и, открыв его, показал.

Мара убедился, что он, действительно, капитан ОБХСС.

— Ты где боролся Мара? — уже дружелюбно спросил Агап.

— А ты?

— В школе милиции.

— Я во Дворце спорта, — перешел Мара на спокойную речь.

— Мастера защитил? — спросил Агап.

— Давно, а ты?

— Да. Ловко ты меня вертанул, я даже не припомню, когда в последний раз меня так кинули.

Мара протянул ему руку.

— Я Мара!

Капитан пожал руку Мары.

— Я Агап. Ты смелый, Мара.

— Ты что, правда, кого-то поймал?

— Его Юхим зовут. Он написал объяснительную, а я решил, прежде чем дело заводить, с тобой встретиться.

— Юхима я знаю, а что за товар в машине был?

— Спортивные костюмы под Адидас!
— Странно. Я ему выписал накладную. Может он ее дома оставил?

— Может и оставил. Но ты же понимаешь, что я должен был прийти к тебе с проверкой, а там сам знаешь, чем это все кончается.

— Знаю, только больше бабок уйдет.

— А тебе это надо? — хитро ухмыльнувшись, сказал Агап.

— Да, Агап, ты прав, мне это не надо и думаю, что тебе тоже.

— Мара, я не дурак. Прежде чем прийти, справки навел. Да, твой цех не в моем районе, надо оформлять документы и отправлять. Все это рутинно. Знаю, что в конечном итоге тебя отмажут, но нужно ли тебе это?

— И во сколько ты оценил эту рутину?

— А ты сам как оцениваешь?

— Три штуки!

— Пять.

— Три, — повторил Мара. — Ты в доиловку не играй и за лоха меня не держи. Во-первых, ты, вместо того, чтобы передать дела в местный отдел, сам сюда приехал, во-вторых, если завтра в твоём районе другие менты будут твои точки напрягать, я не думаю, что тебе это понравится. Так что я тебе эти бабки за беспокойство, драку, если хочешь дам, но и ты смотри, чтобы реализатора отпустил.

— У тебя, я вижу, не только мышцы, но и мозги варят, — улыбнулся снова Агап и, протянув руку, добавил. — Ладно, по рукам.

Они пожали руки, после чего Мара попросил его подождать. Он зашел в цех и вышел минут через пятнадцать, затем сел в машину Агапа.

— Здесь полторы штуки, — сказал Мара, протягивая деньги.

— А остальные? — спросил Агап с удивлением.

— Остальные после того, как реализатора отпустишь и дело закроешь, — категорически сказал Мара.

Агап с недовольством положил деньги в карман и сказал:

— Ты можешь ехать за мной и забрать его.

— Поехали, — сказал быстро Мара и пересел в свою машину.

Сава смотрел на Мару, как на сумасшедшего.

— Ты так быстро этого мента отоварил, что я даже не врубился, что происходит.

— У него на лбу не написано, что он мент.

— Да, Мара, с тобой лучше дружить, чем воевать. А почему мы едем за ним?

— Он обэхээсэсник. К нему одного из моих реализаторов привезли. Его остановили с товаром, а накладных не было, говорит, что дома забыл. Реализатор им сказал, что товар брал в моем цеху, и поэтому этот мент сюда прикатил за бабками. Короче, я ему предложил бабки, если он закроет дело и выпустит реализатора.

— Так мы что, за ним в ментовку едем? — испуганно спросил Сава.

— Да.

— А вдруг они нас там повяжут? Я ментам не верю, — взволновался Сава.

— Ему не мы, а бабки нужны, он же не закрыл цех с проверкой!

— Рисковый ты Мара, мусорам веришь!

— Волков бояться, в ..., — не успел договорить Мара, как Сава закончил.

— В могиле не оказаться! В зоне пословицы по-другому звучат!

— Насчет зоны я с тобой не спорю, ты сидел, тебе видней, но на воле другие порядки.

— На воле полный беспредел, — решительно произнес Сава. — На зоне такого нет, там все по полочке разложено, по понятиям...

— Знаешь Сава, — перебил его Мара. — По понятиям блатные живут, я к этому миру не отношусь. У меня другие понятия по жизни, обеспечить семью, вырастить детей, помогать родным и друзьям, а если надо, то и защищать, без всякого интереса. А твои блатные сами для себя. Никому не верят и шага без интереса не сделают, напрягают, опускают, отнимают, унижают, а если человек прогнется, то раба из него делают.

Вот это я считаю беспределом, и это совсем другой кодекс чести. Хотя, конечно, от тюрьмы и сумы не зарекаются, но, как говорится, кесарю кесарево. Ну вот и приехали.

Мара остановил машину недалеко от отдела милиции.

— Подождем здесь, — сказал Мара, — пока он реализатора выпустит. Я быстро отдам ему бабло и поедem к Ноте.

Через минут пятнадцать Мара увидел своего реализатора, выходящего из райотдела, а следом за ним Агапа. Мара вышел из машины

и махнул рукой. Реализатор подошел к нему, стал извиняться, что так получилось, и сел в машину Мары. Агап сел в свою машину и отъехал от здания. В переулке он остановился, и Мара пересел к нему в машину.

— Вот бумаги, — сказал Агап, протягивая Маре документы. — Я свою часть выполнил.

— Вижу, — ответил Мара и, вытащив деньги, отдал их капитану. — Вот вторая половина, и спасибо тебе, Агап. Думаю, мы не будем терять связи.

— Если что звони, вот моя карточка, а реализаторов лучше выбирай. Он так тебя сдавал, что у него ручку забрать нельзя было, сам считаешь.

— Давай. Пока, еще увидимся. — сказал Мара и вышел из машины.

Агап сразу уехал. Мара быстро прочитал записи показаний.

В машине он передал эти записи перепуганному реализатору, объяснив ему доходчиво, чего стоила его халатность с накладными. Реализатор клялся и божился, что его менты заставили это писать, и что он все деньги погасит, которые Мара потратил на следователя. Мара высадил его возле дома, сказав, что полсуммы берет на себя, и они уехали.

ГЛАВА 10

Вор в законе

Нота был дома. Мара и Сава прошли в дом.

— Я уже в курсах, — сказал Нота. — Мне ребята, которые были с Дамиром, все рассказали. А ты, Сава, молодец, как по нотам рамсы разложил. Дамир о тебе Али рассказал. Если хочешь, могу тебя напрямую с ним познакомить, кстати и тебя, Мара, на всякий случай, если что со мной случится, чтобы связь не обрывалась.

— Это ты о чем, Нота? — изумленно спросил Мара.

— В этом кругу, где я обитаю, каждый день может быть последним, и я не преувеличиваю. За цех Натана можете не волноваться, Али дал добро, так что Дамир там не появится. Его хлопцы были довольны, что не пришлось с вашей братвой месить друг друга. Вы что, брали с собой топоры и ножи?

— Нота, они все со стволами приехали, — сказал Мара.

— Я, конечно, туман не сгущаю, — пояснил Сава, — но если бы месиво началось, то для Дамира, может быть, это была бы последняя стрелка. Среди наших пацанов, включающих заднюю не было, но, разумеется, я понимаю, это бы ничего не решило.

— Вот именно, Сава, ничего, — ответил Нота. — Ну что едем к Али?

— Поехали, — ответили оба.

Через минут тридцать они приехали на окраину города, где был дом Али. Двор был большой, внутри стояло машин десять. Сам дом был двухэтажным из красного кирпича. Несколько ребят жарили шашлык на мангале. Нота с ними поздоровался, Мара и Сава пожалили им руки. Кто-то из них сказал, что к Али приехал Лавр, и по этому поводу они делают шашлык. После нескольких реплик, они направились к дому. Сава спросил у Ноты:

— Я могу ошибаться, но если это тот Лавр, о котором я слышал еще в зоне, то это очень авторитетный вор.

— Думаю, ты не ошибаешься, — ответил Нота. — Это действительно очень авторитетный вор в законе Лавр.

— А каким Макаром он оказался здесь на периферии?

— Я детали не знаю, но краем уха слышал, что ищет одного бойца, который по беспределу его отоварил.

— Как? — искренне удивился Сава. — На вора наехал?

— Да, это в Абхазии случилось. Есть тут один кадр, Фуад зовут, слышал о нем что-то? Короче говоря, он собрал бригаду боевиков и уехал в Абхазию воевать.

— А как они с Лавром пересеклись?

— Перед тем, как Лавр приехал сюда, нас вчера Али собрал по его теме, мол, надо хату и охрану ему приставить.

Короче, житейские вопросы решали и в двух словах о цели его визита перекинулись. Так вот, как рассказал Али, Лавр ехал на сходку воров в связи с военными действиями в Абхазии, где поднималось много вопросов. Ведь война затрагивала большие интересы воров, а это и цитрусовые, и наркота, и оружие, в общем, много чего и помимо этого. А по дороге на сходку Лавра с охраной перехватила бригада этого Фуада. Всех избили, включая Лавра.

— А какой у Фуада был интерес, чтобы вора бить? — спросил Мара.

— Вроде бы этим он хотел показать, что воры никто, и всем будут заправлять они, да, заодно, поднять себе авторитет среди бойцов, мол, воров тоже под плинтус засунули.

— Тогда почему он его отпустил, а не завалил? — спросил Мара.

— Мертвые молчат, а цель Фуада была, чтобы об этом все знали, как бы показательная порка для других воров.

— Вот мерин, — вырвалось с возмущением у Савы. — Он же сам себе приговор подписал. Это же надо, на себя такой косяк навесил, что пока Лавр живой, этот Фуад не жилец.

— После войны Фуад со своей бригадой сюда вернулся. Тут его как героя встречали, медали дали, выделили казарму. Тогда тема Абхазии была мощной, но постепенно она сошла на нет. Бойцы разъехались, кто куда, а Фуада блатные вычислили и маляву Лавру послали, Лавр в это время в Сочи был, и на сходке этот вопрос поднимался. Говорят, что Фуад, чтобы откупиться, огромные бабки загонял, но воры его

приговорили, чтобы для всех было показательно, что на вора руку поднять, автоматически себе приговор подписать.

— И чем же закончилось? — с нетерпением спросил Мара.

— Эту казарму несколько раз бомбили, а Фуад как-то уходил. Потом у ментов прятался, но и оттуда его гранатометом выкурили.

— Завалили? — спросил Сава.

— Некоторые говорят «да», некоторые — «нет». И поэтому Лавр, специально приехал, чтобы самому убедиться.

— Да, этот мерин — настоящий валет. Если этот фраер еще живой, то ему, натурально, после пластики, за кордон валить надо. Хотя, скорее всего, он с головой не дружит, раз такие дела вытворял, — подытожил Сава.

— Вот так, в двух словах я вам тему раскрыл. Ну, что, заходить будете?

— Ты что, Нота, — изумился Сава. — Такой случай редко выпадает, чтобы с самим Лавром познакомиться.

— А ты, Мара, как? — спросил Нота, взглянув на Мару. — С Са-вой все понятно, этот мир ему близок.

— Знаешь Нота, — ответил Мара. — Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. С артистами, политиками общался, а с воров в законе ни разу. Я захожу.

— Только Мара, прошу, лишнее не говори, — предупредил Сава.

— Наоборот, — перебил его Нота. — Мара, будь самим собой. Мы тебя все за это уважаем. А то, что ты не из мира блатных, вор и сам выкупит.

— Это я к тому, что береженого бог бережет, — вставил Сава.

— Еще говорят, двум смертям не бывать, а одной не миновать, — подчеркнул Мара. — Так что, рожденный утонуть, не повесится. Мне бояться некого и не за что. Воров я не атаковал, да и, в принципе, с преступным миром не конфликтовал. Я всегда знаю черту, за которую я не переступлю, так что у них свой мир, у меня свой.

— Может быть и так, Мара, что войдя в дом, ты уже переступишь черту! — не унимался Сава.

— Сава, можно войти куда угодно и можно общаться с кем угодно, но это не говорит о том, что ты должен там остаться и этим заниматься. — категорично сказал Мара. — Я могу общаться со всеми, и вопрос не в тех, с кем ты общаешься, а в тебе. Насколько ты

это воспринимаешь и хочешь ли ты это. Можно быть близким другом мента, но не быть ментом, другом вора, но не быть вором. Каждый выбирает свою дорогу сам, и в делах, и в друзьях, и в идеалах.

— Честно говоря, Мара, пока я с тобой не столкнулся близко, я был о тебе другого мнения. — серьезно сказал Сава. — Но то, что ты сейчас говоришь, в двух словах не скажешь. Нам бы эту тему в спокойной обстановке продолжить.

— Можно у меня потом посидеть, почифрить! — предложил Мара.

— Заметано, — сказал Нота и открыл дверь в дом. — Ну что пошли.

Все потушили сигареты и вошли в дом. Пройдя по коридору, они прошли мимо кухни, где две женщины готовили еду. Нота и ребята кивнули им в знак приветствия, после чего прошли в зал, где за столом сидели Али, Дамир, Муфа и вор в законе Лавр. Ребята поздоровались. Али сказал:

— Лавр, это Нота, я тебе о нем говорил.

Лавр кивнул головой и посмотрел на Саву и Мару. Если Али даже и не посмотрел в их сторону, то холодный и пронизывающий насквозь взгляд Лавра Мара почувствовал сразу. Это был взгляд-рентген, который в течении секунды просветил все. За многие годы Мара общался с очень многими людьми, но такого взгляда он никогда не видел. Никакого выражения на лице, а в глазах все. Не может простой человек так смотреть, только люди с большим весом и властью имеют такие глаза.

Невольно у Мары прошел холодок по спине, не от страха, скорее всего, от встречи с человеком, который реально имел большой вес в преступном мире, и по сути, переводя на военный язык, перед Марой сидел маршал, только воровского мира. Первый раз в жизни Мара вживую не в кино увидел настоящего вора в законе, один только статус которого производил фурор в голове и сковывал действия. Но тут цепочку его мыслей прервал голос Ноты:

— Это мой кент Мара и его друг Сава.

— О тебе, Нота, Али рассказал, а ты о друзьях поясни, — тихо сказал Лавр.

— С Марой вырос, вместе боролись, — начал объяснять Нота. — Сейчас он цеховик, на зону сам отстегивает, без напряги, не блатерь, но по жизни правильный. А Саву через Мару знаю, бывший бродяга.

— Бродяг бывших не бывает, — подчеркнул Лавр, и спросил Сава. — Где чалился?

— Под Соликамском на малолетке сидел, в драке терпиле перо воткнул. Полгода, как откинулся и сюда к кентам причалил.

— Кто положенцем был?

— Гурий.

— Добро. Садитесь, рассказывайте, — предложил им Лавр.

Ребята присели к столу. Дамир с ненавистью в глазах смотрел на Мару и Саву.

— А что рассказывать? — переспросил Сава.

— Зачем пришли? — мягко говорил Лавр.

— Я предположил... — вставил Нота, но Лавр движением поднятой руки остановил его.

— Ты за них мазу не держи, дай людям выговориться.

— Мы пришли лично Али дачку в зону передать, — ответил Сава, не давая говорить Маре.

— Ноте не доверяете? — с лукавством спросил Лавр.

— Нота сам предложил, если что с ним случится, напрямую к Али подойти.

— Толково, — произнес Лавр. — Значит ты полгода на воле. И чем промышляешь?

— Пока ничем, кенты пригрели. Оклемаюсь, а там посмотрю.

— Ну а ты, Мара, — перешел Лавр к разговору с Марой. — Цеховик с понятиями?

— Я со своими понятиями, — с волнением и немного с обидой ответил Мара. — В тюрьме люди сидят и не все заслуженно. Сегодня я могу, поэтому подогреваю. В нашей стране все может случиться. Сегодня я на свободе, а завтра, кто знает, тоже могу сесть, и также буду рад, если кто-то с воли будет нас подогревать. Зарекаться ни от чего нельзя.

По лицу Лавра незаметно пробежала улыбка.

— Другими словами, — сказал Лавр, — почву себе готовишь.

— Вперед не заглядываю, а за сегодня мне не стыдно. Могу, помогаю!

— Хорошо толкуешь. Ты, я вижу, человек практичный и все по вере делаешь, хотя свой интерес не забываешь. Главное, голова

у тебя варит и движения правильные делаешь, а там, как карта ляжет. Спросить у вас хочу про человека одного, Фуад зовут, знаете?

— Я о нем слышал, — сказал Мара. — но наши пути не пересекались.

— А ты, Сава?

— Я тут недавно, Лавр, и ничего о нем не знаю.

— Вижу, что не знаете. Ну что ж, сидите. Кушайте, выпейте.

Мара и Сава выпили по целому стакану водки, не притронувшись к закуске, после чего им стало легко, напряжение отпустило. Где-то после третьей-четвертой рюмки организм почувствовал облегчение.

Неожиданно Мара спросил Лавра:

— Лавр, а вы первый раз сюда приехали?

— Раз сидишь и пьешь со мной, то можно на «ты».

— Да я, в принципе, хотел тоже на шашлык к себе пригласить.

Все переглянулись, Но Лавр с улыбкой сказал:

— Почему бы и нет, у меня времени много, да и вижу, сердцем зовешь. Скажи, когда?

— Когда скажешь. Завтра!

Мара уже хорошо начал пьянеть, и хмель бил в голову. Самоконтроль ослаб, и он уже общался так, будто Лавр был его давний друг. Сава изо всех сил старался успокоить Мару, но он его не слушал. Сам Лавр почти не пил, но чистота и неподдельность Мары ему понравилась, и он сказал Маре:

— Завтра. В пять вечера, — и, повернувшись к>Note, сказал. — Заедешь за мной.

— Да, Лавр, завтра в пять я заеду! — ответил Нота и мельком дал знак Саве и Маре, что нужно идти.

Они встали и, попрощавшись, вышли. На крыльце все с жадностью закурили. Уже в машине Сава сказал:

— Ты, Мара, бесшабашный и наглый, как танк.

— Почему? — искренне удивился Мара.

— По кочану, — с возмущением продолжал Сава. — Я просто в шоке, что Лавр согласился прийти.

— Честно говоря, я тоже в непонятках, — сказал Нота. — Но зная Мару, сильно не удивляюсь. Его поступки непредсказуемы.

— Слушайте, — с обидой сказал Мара. — Да, я выпил и от души пригласил, а он согласился, в чем проблема?

— Тебе это не понять, — категорически сказал Сава. — Ты даже не представляешь, сколько людей с большой буквы хотели бы его к себе позвать, просто чтобы нарисоваться возле него?

— Ты знаешь, Сава, — сказал Нота. — Что самое интересное в Маре, что он пригласил от души, без интереса, без интриг. А Лавр — профессор, это видит. И я только так могу объяснить его согласие, хотя меня это сильно удивило. Но ему видней, он делает что хочет.

— Да не напрягайтесь вы так, — дружелюбно бросил Мара. — Он авторитет большой, но мы тоже не лыком шиты, а раз согласился, значит мы тоже чего-то стоим.

— Логично, — заключил Сава, затянувшись сигаретой.

Они подъехали к дому Ноты и пересели в машину Мары, договорившись на завтра встретиться в пять вечера в доме Мары. Попрощавшись с Нотой, Мара завез Саву домой. По дороге они мало говорили. Мара был под хмельком, и Сава не хотел его отвлекать от дороги. К друзьям они решили сегодня не ехать и ничего о случившемся им не говорить. Сава должен будет сам прийти к Маре домой. На этом и разошлись.

На следующий день Мара встал рано утром и сразу поехал на базар за живым бараном. Там же этого барана разделали на куски для шашлыка. Он купил и живую рыбу, которую при нем тоже приготовили, как положено. Со всеми необходимыми продуктами он приехал домой. Все складывалось удачно, даже родителей дома не было, они отдыхали в санатории. Мара пригласил специального шашлычника, который за соответствующую оплату все к вечеру приготовил.

Где-то к пяти часам Сава подошел к дому Мары. Друзьям они, как и договорились, ничего не сказали.

— Мара, я тебе очень прошу, много не пей и меньше говори, — попросил его Сава.

— Да не переживай ты так, — успокоил его Мара. — Все будет хорошо!

Когда они зашли в зал, Сава увидел стол, который был завален едой.

— Ни фиги себе! — присвистнул Сава.

— Домашняя еда, это не кабак, где ты не знаешь, свежая еда или нет. А для шашлыка и рыбы я позвал специалиста, пальчики оближешь!

В этот момент они услышали с улицы сигнал машины. Мара с Савой вышли во двор. Мара открыл ворота, и машина Ноты заехала внутрь. Лавр и Нота вышли из машины и поздоровались. Нота вытащил из багажника спиртное и конфеты. Лавр внимательно оглядел дом и двор. Подошел к шашлычнику и спросил:

— Здравствуй, дарагой. На каком маринаде жарить?

— Соль, перец, лук, лавровый лист, немного минеральной воды, — не задержался с ответом шашлычник.

— Хорошо, будем пробовать, — сказал Лавр и, повернувшись к Маре, продолжил. — Ну что, хозяин, куда идти?

Мара провел всех в дом. Они зашли в зал и сели за стол. Было видно, что Лавру понравилось. Мара всем разлил спиртное, кому что захотелось выпить. Зашла жена Мары с блюдами в руках. Лавр встал, и все вслед за ним ее приветствовали. Жена Мары приносила одно блюдо за другим. Лавр поднял бокал за хозяев дома и отпил немного.

Первые полчаса шла непринужденная беседа. Нота и Сава тоже сказали по тосту. Мара, на правах хозяина, тост не произносил, больше слушая гостей. Было заметно, что Лавру очень понравилось угощение и гостеприимство Мары. Продолжался легкий застольный разговор. Постепенно спиртное стало раскрепощать, звания и регалии Лавра в сознании Мары стали притупляться. Он уже разговаривал с Лавром, как с давним приятелем, хотя Сава и Нота старались не давать ему много говорить. Мало ли что можно было сказать под хмельком. Но Мара уже разошелся, и ему хотелось добиться справедливости, понять, как и почему так вокруг происходит. И он задал Лавру вопрос:

— Лавр, если ты не обидишься, могу я спросить, о том что меня беспокоит?

— Ты бы, Мара, закусил, — испуганно вмешался Сава, боясь что Мара будет задавать Лавру неудобные вопросы. — А то ты пьешь и не закусываешь.

Лавр посмотрел на Саву и сказал:

— Ты, Сава, не мешай ему высказаться, тем более, что перебивать хозяина дома невежливо.

Сава почти ничего не пил, он быстро улыбнулся Лавру и попытался что-то ответить, но Лавр, приподняв руку, остановил его и обратился к Маре.

— Я слушаю тебя, Мара, что ты хотел спросить?

— Я не знаю, как за границей деловые люди живут, — начал Мара, — но почему в нашей стране, все кто занимается бизнесом, должны платить и властям, и вам? Как выжить деловому человеку?

Лица Ноты и Савы приняли зеленый оттенок от такой наглости Мары. Они готовы были провалиться сквозь пол. Но на лице Лавра появилась доброжелательная улыбка, и он сказал:

— Ты, Мара, очень интересный вопрос задал. По нему выходит, что мы с властью на одних ступенях стоим.

— Ну скажем я, бывший спортсмен, — продолжил Мара, — чтобы прокормить семью, пошел в бизнес, и чтобы выстоять в нем, обязан отстегивать и ментам и...

Мара на секунду запнулся, но Лавр помог ему закончить:

— Ворам?

— Ну, ты меня понимаешь! — панибратски продолжил Мара.

— А ты не плати. — с улыбкой ответил Лавр.

— Так меня ж за это, если власть, то посадят, а ваши завалят.

У Ноты и Савы глаза поползли на лоб от такой наглости Мары. Они оба тупо смотрели то на Мару, то на Лавра, боясь вмешаться в разговор. Но Лавру нравилась эта беседа и неподдельный интерес Мары к этому вопросу. Лавр ответил:

— Давай пойдем по порядку. Ты, как я понимаю, задал вопрос, почему власть и мы обложили вас данью. И я сначала попробую объяснить за наш мир. Вот смотри, Мара, насчет деловых людей. Возьмем несколько примеров. Скажи, ты арбузы кушаешь?

Мара удивился и ответил:

— Да!

— А знаешь ли ты, что большую часть арбузов, попадающих на стол, дельцы заражают, колют их нитратами, чтобы они выглядели спелыми. Значит в погоне за бабками им глубоко плевать на твое здоровье. Пойдем дальше — водка. Почти вся заражена, и немало случаев, когда народ ее пьет и, травясь, погибает. Теперь о вещах. Те же спортивные костюмы, которые и вы шьете из акрила и эластика, очень вредны для тела человека, но всем плевать.

Пойдем дальше. Берут испорченные продукты, срок годности которых закончился полгода назад, переклеивают этикетки и отправляют в детские дома, дома престарелых. Я могу до утра тебе перечислять весь творящийся беспредел так называемых деловых людей, которые

готовы ради прибыли принести в сотни раз больше вреда, чем мы. А слышал ли ты Мара, чтобы блатные отнимали у врачей, учителей, воспитателей? Ну, может за исключением некоторых отморозков, которые и с поминок снимают бабки, в семье не без урода. Я же говорю о моральных качествах некоторых деловых людей. Я, кстати, наслышан, Мара, из какого дома и как тебя в лес увезли.

Мара хотел возразить, но Лавр остановил его и продолжил.

— Родственников бог дает. Знаю, что ты пошел за одного из них мазу держать. Но только он сдал тебя с потрохами и на тебя же повесил своего блатыря, чтобы свое очко спасти. Ну, давай от темы далеко не уходить. Мы заставляем этих деловых людей, как ты сказал, а по мне — вредителей, за свои зверства откупиться. А вот с властью, извини, мы не на одной ступени.

Эти людишки похлеще нас во сто крат. Они — так называемая официальная власть, во все времена, и при царе, и при ленинизме-сталинизме, убивали, расстреливали, мучили голодомором. Десятки, сотни тысяч, миллионы людей, неугодных им, гибнут в тюрьмах. Они окружили себя неприступными крепостями со всеми немислимыми благами внутри, выдвинув гнилые лозунги и отряды карателей. Все погрязли в коррупции и взятках, побольше любых, существующих мафий на земле, а самое главное, им глубоко наплевать на здоровье нации.

— Но, — перебил его Мара. — Почему же они вас не убирают? Ведь вы с ними конкурируете в борьбе за объекты, и власть должна была бы убрать вас с дороги.

— Знаешь, Мара, — философски подчеркнул Лавра. — Рука руку моет.

— Ты хочешь сказать, что вы им нужны?

— В десятку попал. Мы стали, своего рода щитом для власти.

— Не понял? — удивился Мара.

— Они представляют нас врагами общества, тем самым отвлекая от себя. Мол, если нас, власти, не будет, то эти, то есть мы, уголовники захватят власть и будут издеваться над народом. Что на самом деле, есть блеф высшей категории. Власть внушает народу, что только она может их защищать.

— А на самом деле? — спросил Мара.

— А на самом деле, власть и криминал.

— Но ведь есть много честных деловых, которые делают бизнес, не вредя никому, — не унимался Мара. — Им что делать от вашего наезда и властей?

— От властей — платить, а то посадят. От нас проще, платить, чтобы не покалечили.

— Значит, — заключил Мара. — Честному человеку никак не выжить в борьбе с властью и преступностью.

— Ну почему же, — лаконично заметил уверенный в себе Лавр. — Был такой, Дон Кихот звали, который с ветряными мельницами сражался. Или же, как на всех совковых плакатах: «Все всех победили и пришли к коммунизму». А если серьезно, то как были власть и мы, так и будем, и я не вижу нашего конца. А совет честным дельцам один — платить и не попадать под жернова с обеих сторон. Вот такую, примерно, в двух словах, я тебе, Мара, обрисовал картинку. Ну, а теперь, если хозяин не возражает, мне бы хотелось тост сказать. Если можно, пригласите хозяйку дома и налейте ей вина.

В комнату вошла жена Мары. Сава налил ей вина и подал бокал. Лавр встал, и вместе с ним встали все. Он произнес:

— Дорогая хозяйка, во-первых, хочу вам сказать спасибо за ваше гостеприимство и великолепные блюда, которые вы приготовили для нас, а во-вторых, хочу пожелать хозяевам этого дома здоровья и изобилия, успеха в делах, и в-третьих, умные люди говорили, если судьба особенно благосклонна к человеку и хочет его одарить счастьем, то дает ему верных друзей, а любое украшение дома это друзья, его посещающие. Тебе, Мара, я хочу предложить мою дружбу.

Глаза Ноты и Савы изумленно поползли вверх, не всегда авторитетный вор в законе предлагает свою дружбу, а это, по понятиям преступного мира стоит очень много и важнее любого самого дорогого подарка. Лавр продолжил:

— Поверь мне, я очень редко такое предлагаю, но в твоём случае это от души. То, что исходит изнутри, подделать сложно. Понимаешь, деньги, золото, дома, машины, все это можно найти и потерять, это плохо, но не трагедия. Самое страшное, когда человек теряет свою истинную собственность — свое человеческое достоинство, а если оно у человека есть, его сразу видно. И еще одна истина гласит, брат может не быть другом, но настоящий друг — всегда брат. Так что, Мара, за тебя, за твой дом, семью, пусть хлеб и соль в твоём доме

присутствуют всегда. Я бы хотел выпить этот бокал и уехать, потому что меня уже ждут. И, если вы не возражаете, мы с Нотой уедем, а вам, хозяйка, еще раз спасибо за отменную пищу.

Лавр выпил, и вместе с ним выпили все. После чего они с Нотой попрощались и уехали.

Сава с Марой вернулись к столу. Сава взял бутылку водки и налив себе в стакан, выпил его одним махом, ни сказав ни слова. Мара с удивлением посмотрел на Саву и спросил:

— Ты же, Сава, не пьешь?

— С тобой и мертвый запыет.

— Что не так, чем недоволен?

— Нет, Мара, ты точно не от мира сего. Ты хоть понимаешь, кто тебе сейчас дружбу предложил?

— Не слепой, видел. Ты-то чего так переполошился?

— Мара, как бы тебе доходчиво объяснить? То, что он тебе предложил, миллионы блатных и бродяг всю жизнь мечтают получить, готовы состояния отдать, а ты не в одном глазу! Как же мне не пить?

— И что ты хочешь этим сказать?

— Что с сегодняшнего дня ты у него в друзьях!

— Ну это я уже понял.

— Нет, — нервничал Сава, возмущаясь равнодушием Мары. — Как раз именно это, ты не понял. Мара ты просто фартовый, потому что получил крышу самого Лавра, а он, на минутку, один из главарей преступного мира. Короче говоря, можешь к Ленину в мавзолей без стука входить.

— Слушай. Сава. Знаешь, что я сейчас подумал? — задумчиво сказал Мара, как бы пропуская мимо ушей все, что тот говорил, будто все это прошло мимо цели. — Ведь эта доилровка сейчас только начинается, и прав Нота, что их нужно опередить, — продолжил Мара.

— А вот сейчас я не понял, поясни.

— Они сейчас будут лютовать, всех цеховиков деловых под себя подминать и загружать будут по полной. Я тут подумал, что мне надо быстро моих близких родственников, друзей, тех, кто в бизнесе, свести с Лавром, чтобы они напрямую, без посредников, взнос делали.

— А ты уверен, что тебе же это боком не выйдет? — с предосторожностью спросил Сава.

— А что в этом плохого? — удивился Мара.

— Знаешь, за время, проведенное в тюрьме, я навидался всякого. Люди разные, многие добра не понимают, все выгоду высматривают в действиях.

— О какой выгоде в моих действиях они могут подумать? — удивился Мара.

— А может ты с блатными в доле и делягу с ними имеешь?

— Да ты что, Сава. На меня мои люди такое никогда не подумают!

— Тем, кто в зоне не был, жизнь всегда в розовом свете кажется. Ты, Мара, наивный. Еще не знаешь, на что люди способны, даже близкие. Так замажут грязью, что хрен отмоешься!

— Слава богу, у меня таких нет! — уверенно сказал Мара.

— Ну да, а в лес ты на экскурсию с братками ехал?

— В семье не без урода.

— Другими словами, ты не из тех которые учатся на ошибках других, ты их сам проходишь?

— Сава, давай лучше выпьем. Хватит нудить, не порть хорошее настроение!

Мара налил себе и Саве. Они выпили, после чего Мара включил магнитофон с песнями Высоцкого. Через полчаса Сава ушел домой и, спустя еще пять минут, Мара уснул прямо на диване.

Последующие месяцы показали, что решение ребят выплачивать ежемесячное отчисление на зону было правильным. Мара также подвел к Лавру и некоторых своих родственников, работающих в цехах. Из месяца в месяц приходилось чаще видеться, как с Лавром, так и с другими авторитетами, которые его окружали. Очень многие из них уже хорошо знали Мару, Саву, Натана, Тимура, Доната.

Криминальные крыши вырастали, как грибы, по всей стране, причем, именно из-за дестабилизации в органах власти и коррупции не только в высших эшелонах власти, но и в низших. Милиция сама крышевала криминал, таким образом, любой делец, который искал защиту от уголовников у властей, в конечном итоге платил дважды, и тем, и другим. И все это нарастало, как снежный ком, который при наборе скорости, сметает все на своем пути. Вся страна поделилась на зоны, подконтрольные своим положенцам преступного мира. Все то, что приносило или могло принести прибыль, моментально входило в сферы интересов преступных группировок. С непослушными разбирались быстро и жестко, чтобы другим было неповадно. Очень многие

из-за этого беспредела вообще все бросали и уезжали не просто в другие города, а вообще из страны, кто куда мог, если еще успевали остаться в живых.

За прошедший год многие уехали, а оставшиеся жили и работали по негласным правилам. Из-за частого дружеского общения Мары с Лавром, многие в городе думали, что он один из них. И даже некоторые братки не знали его настоящего статуса, и не только его, но и его друзей. Это конечно очень тяготило Мару, а Саву, в отличии от него, наоборот. Существующее положение вещей открывало в Саве после тюрьмы второе дыхание. Все это было ему близко и понятно. также кстати, все стало нравиться и Тимуру, и Чике. Постепенно среди друзей начал нарастать раскол.

Мара стал замечать косые взгляды родственников и некоторых друзей. Ведь он не мог им объяснить, что он не один из тех, кого боятся, что он ни в чем не участвует, а просто вынужден общаться, чтобы защитить интересы, как свои, так и родных, близких и друзей. Мара чувствовал все это подсознательно, но изменить ничего не мог. Действительно, было очень много общения с блатным миром. Иногда это происходило самопроизвольно — родственники просили помочь.

ГЛАВА 11

Кидалово

Так случилось, что Вадим, один из близких родственников Мары, работал в цеху с неким Арсеном. У Арсена были очень крутые подвязки, как во власти, так и с блатными. Любил он рестораны, девочек. Парень был холостой, и разбрасывался деньгами налево и направо, такой современный Дон Жуан. Саму работу в цеху он знал неважно, все держалось на Вадиме. Но как только Арсен кое-как разобрался в работе, он тут же решил избавиться от Вадима.

Пока Вадим был в командировке, Арсен тайно вывез со склада полтонны сырья, а когда приехал Вадим, вместе с ним пересчитал товар на складе и недостачу стал списывать на Вадима. Естественно, вышел скандал, после которого работать вместе было невозможно. Вадим решил уйти из цеха, и Арсен пообещал ему отдать его долю после пересчета.

Прошло уже полгода с тех пор, когда Вадим ушел из цеха и стал ждать от Арсена денег. Но не только ничего не получил, но и узнал, что Арсен стал пятнать его имя перед друзьями. Поэтому Вадим решил с ним разобраться с помощью вора в законе и попросил Мару поддержать его. Мара очень хорошо знал Арсена и его связи, поэтому он просил Вадима хорошо подумать, прежде чем идти на разборку. Да и сумма денег была немалая, почти стоимость хорошего дома. Но и отказать родственнику в помощи Мара тоже не мог. Ведь даже если Вадим и прав, то на сходке это нужно очень доходчиво обосновать и привести веские доказательства. Вадим никогда не сталкивался с воровскими понятиями и нигде раньше не пересекался с ними.

Поэтому Мара, в присутствии Гриши, лучшего друга Вадима, несколько раз объяснял ему, что прежде чем идти к вору на разборку, он должен быть на двести процентов уверен, что докажет вину Арсена, иначе будет себе дороже. Но Вадим стоял на своем, говорил, что у него есть все документы, доказывающие его правоту. В конце концов Мара

и Гриша поддались уговорам Вадима, после чего Мара уехал на встречу к Лавру и объяснил ему всю ситуацию. Лавр пообещал Маре поддержку для его родственника, и решил послать на сходку Ноту. Он предупредил Мару, что его родственник четко должен обосновать все претензии и доказательства.

Сам Лавр должен был уехать и вернуться через неделю, но он успокоил Мару, чтобы он не волновался за своего родственника, так как Нота знает, что делать и будет держать его в курсе. Лавр вызвал к себе Ноту и объяснил, что ему нужно назначить стрелку и помочь родственнику Мары.

Нота уехал с Марой на встречу с Вадимом и, внимательно выслушав его претензии, попросил Вадима принести на стрелку веские документальные обоснования. После чего сам уехал к Арсену, чтобы назначить встречу недалеко от стадиона в 12 часов дня. Вечером Мара и Вадим заехали к Ноте, чтобы удостовериться, что завтрашняя встреча состоится. Нота объяснил Вадиму еще раз, что у него должны быть неопровержимые доказательства вины Арсена. Он также предупредил Вадима, что с полученной им суммы двадцать процентов должны уйти в общак. Маре Нота сказал, чтобы он привез Вадима к нему домой не позже одиннадцати часов. Он также постарался объяснить Маре, что из-за нежелательных разговоров ему на сходке присутствовать не надо, да и вообще постараться меньше светиться.

На следующий день Мара завез Вадима к Ноте в 11 утра. Гриша тоже был с ними. Нота забрал Вадима, и они уехали на встречу с Арсеном. Мара и Гриша остались ждать их у дома Ноты. В два часа дня Нота и Вадим вернулись. Судя по их виду чувствовалось, что что-то пошло не так. Они вместе вошли в дом Ноты. Нота взглянул на Гришу.

— Это Гриша, — сказал Мара Ноте — Друг Вадима, он в курсе. Что-то не так?

— Пока не знаю, — задумчиво сказал Нота. Вадим сидел опустив голову. — Но подумать есть о чем. Я не знаю как это получилось, но на стрелку этот Арсен привез Дамира.

— Дамира? — удивился Мара. — Это тот отморозок?

— Да, — сказал Нота. — но проблема не в этом.

— А в чем? Что Вадим не доказал? — с нетерпением спросил Мара.

— До этого даже не дошло.

— Не понимаю, Нота, — сказал Мара и повернулся к Вадиму. — Вадим, ты же говорил, что у тебя железные доказательства, что случилось?

— До его доказательств еще не дошло, — ответил за Вадима Нота.

— Почему? — спросил, ничего не понимая, Мара.

— Мара, послушай меня внимательно. Лавр уехал, а мы с Муфой должны были этот рамс разбить. Но я не знаю, как и каким образом, на стрелке оказался Дамир. Его там не должно было быть, мы его не звали.

— И как же он там оказался?

— Его позвал Арсен.

Мара на секунду задумался, после чего спросил:

— Ну, допустим. А что это может изменить? Ведь за нами Лавр?

— Я вижу, ты немного недопонимаешь, Мара, — медленно произнес Нота. — Во-первых, Дамир — правая рука Али. И если он в это дело влез, то значит за ним стоит Али, и просто так теперь не решить.

— Даже если Вадим все докажет?

— Расклад теперь другой. Али же не знал про нашу терку с Лавром и, скорее всего, Али будет на стороне Арсена. Лавр в отъезде, а без него мне идти к Али смысла нет. Он может подумать, что я с барыгой вместе замутил.

— И что теперь делать? — раздосадованно спросил Мара.

— Выждать, — подытожил Нота. — На стрелке Арсен сказал, что он тоже документы подкатит, где видно, что Вадим его нагрел. Через день он должен эти бумаги принести. Стрелка забита возле дома Вадима на 9 вечера. Боюсь, что Лавр еще не вернется к послезавтра.

— Так что же делать? — взволнованно спросил Мара.

— Я тебе дам знать завтра, а сейчас я поеду к Али и Дамиру. Нужно кое-что перетереть.

Нота сел на свою машину и уехал. Мара, Гриша и Вадим тоже отъехали. Мара спросил у Вадима:

— Вадим, расскажи поподробнее, что там произошло.

— Мы подъехали туда с Нотой, — начал рассказывать Вадим. — Там уже стояли две машины, забытые какими-то уголовными рожами, а этот поганый Арсен вместе с этим Дамиром, пришибленным. Он

даже на Ноту кричал, мол, почему про разборку Али не знает. Он смотрел так, будто зарежет сейчас, такое лицо жуткое.

— И что, даже бумаги твои не смотрели? — спросил Гриша.

— Какие бумаги, — с досадой произнес Вадим. — если бы не Нота, то, может, я вообще живой не ушел бы. Этот паскудный Арсен начал кричать, что это я его кинул, и у него на это есть доказательства, которые он принесет на следующую встречу.

— И послезавтра они хотят подъехать к тебе домой? — спросил Гриша.

— Да, — с огорчением ответил Вадим.

— А почему к тебе домой? — спросил Мара.

— Это Арсен им сказал, что он со всеми бумагами в девять вечера пойдет к моему дому.

— Да, этот Арсен, тварь еще та, — протянул Мара. Хочет им твой дом показать.

— Но я ничего изменить не могу, — удрученно сказал Вадим и встревоженно спросил. — А что они могут сделать?

— Надеюсь ничего, но не нравится мне этот расклад, — сказал Мара. — Теперь самое главное, чтобы ты все доказал и оказался прав. Ты уверен, что докажешь?

— Я-то уверен, — грустно, и уже во всем сомневаясь, бросил Вадим. — Но кто его знает, что он им покажет, он любые документы может подделать. От всего не застрахуешься. Ты же говорил, что Лавр поможет.

— Если ты все докажешь, Лавр решит в твою сторону.

— Но он уже уехал! — быстро вставил Гриша.

— Это как раз и плохо, что он уехал, — задумчиво сказал Мара и, посмотрев на Вадима, продолжил. — Вадим, ты мог бы, на всякий случай, пригласить близких друзей к себе домой на это время и предупредить по какому поводу?

— Да, я могу всем сказать, — ответил Вадим и, посмотрев на Гришу, сказал, — Гриша уже в курсе.

— Ты извини, Вадим, я завтра должен уехать, — вкрадчиво произнес Гриша. — Обещал жене свозить ее к родителям.

— Давай так, — сказал Мара. — Я вас сейчас отвезу домой. До послезавтра времени много. Поговори, Вадим, с друзьями, а я за полчаса до стрелки подъеду к тебе домой.

— Ты точно приедешь? — с надеждой спросил Вадим.

— На счет меня не сомневайся, а насколько я информирован, то у тебя твои друзья, чуть ли не каждый день гуляют, пьют, в карты играют. Но в этот раз нужно им объяснить, что к тебе нехорошие гости придут, и ты бы хотел, чтобы они, на всякий случай, просто в доме посидели. Но что-то я чувствую, — и Мара снова посмотрел на Гришу, — что у всех на послезавтра найдутся неотложные дела.

Гриша от взгляда Мары съезжился и, опустив голову, выдал из себя:

— Ну я, правда, давно обещал.

Мара остановился возле дома Вадима. Они вышли из машины.

— Ладно, давайте. Я поехал, — сказал Мара. А послезавтра в полдевятого буду у тебя.

Спустя сутки Мара, как и обещал, в начале девятого вечера, подъехал к дому Вадима. В доме, кроме жены и детей, не было никого, ни одного его друга. Вадим сосредоточенно проверял какие-то бумаги. Он очень нервничал.

— А где друзья? — спросил Мара у Вадима.

— Они сказали, что у них дела, — промямлил Вадим, — и, как освободятся, подъедут.

— А ты сам как думаешь, подъедут?

— Не знаю, — обреченно ответил Вадим.

— Да...а, кто-то сказал, что трусливый друг страшнее врага!

— Почему?

— Потому что врага ты опасаясь, а на друга надеешься. Фальшивых людей опаснее иметь в друзьях, чем во врагах. Ну, да ладно, давай вернемся к нашим баранам. Я хочу тебя предупредить, ничего лишнего не говори, только по существу. Они могут кричать, пугать, наезжать, но ты ничего не бойся, во-первых, я всегда буду рядом, во-вторых им самим шум не нужен. Когда выйдешь из дома, двери закрой на ключ. Я пойду на улицу и буду сидеть в машине, чтобы нас вместе не видели.

— Хорошо, — с неуверенностью ответил Вадим.

Мара вышел из дома и сел в машину. На часах уже было девять часов. В голову Мары лезли разные мысли. Ноту за целый день найти так и не смог. Этот отморозок Дамир со стороны Арсена сбивал все карты. С двух сторон получается одна и та же группировка. Может ли

Нота пойти на поводу у Дамира? Вряд ли. Это будет означать, что он идет против Лавра, а этого тоже не может быть. Значит Нота на нашей стороне. Но тогда почему не останавливается Дамир. Одно из двух, либо он не в курсах, либо идет против Лавра, а этого тоже не может быть никак. Значит этот Арсен его кент, и он тупо хочет сорвать бабла. Его нужно остановить, но как? Неужели Нота с ним не разговаривал? Ход мыслей Мары прервала завернувшая в проулок машина, которая остановилась возле дома Вадима. Из машины вышел Нота. Мара быстро подошел к нему.

— Нота, я тебя целый день ищу. Что происходит?

— Еще никто не подъезжал? — оглядываясь по сторонам, спросил Нота.

— Нет!

— Хорошо, значит я успел. Садись со мной в машину, пока они не приехали, мы успеем переговорить.

Они сели в машину. Нота выждал паузу и, внимательно посмотрев на Мару, спросил:

— Мара, для тебя Вадим кто?

— Не понял, Нота, ты о чем? — насторожился Мара.

— Просто ответь, Мара, — настаивал Нота. — Это твой кент или у тебя интерес?

— Это мне очень близкий человек, — с недоумением сказал Мара. — И, даю тебе мое слово, моих интересов в смысле денег никаких.

— Понятно. В общем, картина такая. Когда Муфа поехал к Арсену и назначил ему стрелку, тот сразу ломанулся к своим ментам. Они ему сказали, что пошлют к нему человека. Тем человеком оказался Дамир.

— Как? — искренне удивился Мара. — Он на ментов стучит?

— Нет, тут другое, ты же понимаешь, что сегодня без ментов, не только деловые, но и блатные не обходятся. У всех везде свои люди, просто менты Арсена подвязаны с Дамиром, а так как стрелка исходила от блатных, то и перевод был на Дамира. Таким макаром он оказался на стрелке. Мы даже сами этого не ожидали. Ну а потом была его перетерка с Али, меня там не было. А сегодня перед приездом Дамир мне сказал, что будет обоих барыг накручивать, мол сами пришли доиться.

— Подожди, а ты что не сказал Дамиру, что Лавр в курсе?

— Ну, ты сам подумай Мара, кто такой Дамир, что бы я его посвящал в наш договор с Лавром. А к Али я подъезжал, но его не было. Понимаешь, все так быстро произошло, что практически времени не было, да и Лавр в отъезде. Короче говоря, первый раз такая нестыковка. Какой-то нефартовый твой Вадим, кстати, он как, готов?

— Да не очень. У него из за этого Дамира мандраж появился, — с досадой сказал Мара. — Что будем делать?

— Посмотрим, по обстоятельствам, а там видно будет. Давай зови Вадима, я с ним немного поговорю!

— Хорошо. И это, Нота, я хотел бы, что бы ты знал, при любом раскладе, я Вадима в обиду не дам!

— Не гони гусей, посмотрим по ходу пьесы. Послушаем, что его партнер вякать будет, а там решим.

Мара вызвал Вадима к Ноте. Ворота и калитку Вадим закрыл на ключ. Нота бегло объяснил ему, как нужно себя держать, не паниковать, кратко и четко предъявить доказательства. Мара сел к себе в машину и стал ждать.

Через несколько минут из-за угла выехали одна за другой четыре машины. Три из них остановились возле Ноты и Вадима, а четвертая проехала и стала метрах в двадцати от них. Из нее никто не вышел, а из за темноты и тонированных стекол, не было видно кто, и сколько человек в ней.

Тем временем, из первых трех машин все вышли. Одна из них была машина Арсена, а из двух других вышло человек восемь, среди которых были Дамир и Муфа. Они поздоровались с Нотой и организовали небольшой круг, в центре которого стояли Арсен и Вадим. Небольшая лампочка на столбе слабо освещала их лица.

Мару сразу удивило, почему столько человек приехало на простую разборку цеховиков. Обычно в таком количестве приезжают, чтобы наехать, запугать. Значит, мыслил Мара, они заведомо будут грузить и качать обеих, а кто из них прав, не имеет значения. Было неясно, кто же сидит в четвертой машине.

Через открытое окно Мара слышал, как поочередно, то Вадим, то Арсен доказывали свою правоту, то и дело показывая друг другу какие-то бумаги. Все это сопровождалось обоюдными обвинениями и оскорблениями в адрес друг друга. Разговор перешел на повышенные тона. В этот момент Муфа быстро подошел к четвертой машине.

Окошко наполовину приоткрылось, и Муфа стал что-то объяснять сидящему за окном, невидимому для Мары человеку.

Маре стало ясно, что в ней сидел кто-то, который этим действием командовал и был главнее всех остальных. Через минуты две разговора Муфа вернулся обратно и, остановив галдеж, сказал:

— Короче, барыги, хайло закрыли и слушайте меня. Рамс такой, вы оба друг другу ничего не обосновали.

— Как! — выкрикнул Вадим. — вот же по моим бумагам видно...

— И ты со своими бумагами в сортире подотрись, — резко оборвал Вадима Дамир и пугающе продолжил. — Вы друг другу пургу гоните, а нам лажу вешаете, мутилы, отрывая нас от серьезных дел. Короче, харе горбатого лепить. Муфа, что положенец подписал?

После этих слов Дамира Мара понял, кто сидит в четвертой машине. Это был сам Али, но почему он? Удивление Мары усилилось.

— Так, — продолжил Муфа. — Положенец сказал, что так как оба предъяву не доказали, то и будут оштрафованы на ту же сумму, которую предъявили.

Теперь Маре стало понятно, почему сам Али приехал на разборку. Сумма, которую Вадим требовал от Арсена была немалая, можно было купить дом и машину и еще обставить все мебелью. А так как Али был не в курсах, что Вадима подпирает Лавр, то они оба были ему безразличны, и доить он решил обеих.

Что мог Мара сделать в данной ситуации? Пойти против Али нерезально, но и бросить Вадима на растерзание он тоже не мог. Ситуация была тупиковая. В этот момент и Арсен, и Вадим стали возмущаться таким решением сходяка, но Дамир тут же осек их возмущение:

— Я не понял, барыги, что за кипеж, вы че борзеее? Вам Муфа решение объявил? Объявил. Так что бабки на стол! — приказным тоном сказал Дамир.

— Откуда у меня такие деньги, — стал возмущаться Вадим, — меня этот негодяй кинул, оставив без копейки, а вы, мало того что не помогаете их забрать, так еще меня напрягаете. Это что у вас такая воровская справедливость?

— Слышь ты, шиха, много будешь возникать, вдвойне загрузишься. — решительно сказал Дамир.

— У меня нет денег! — категорично заявил Вадим.

— Нет бабок, хату заберем, машину и бабу твою отгарабаним, шавка! — рывкнул на него Дамир.

— Да это же беспредел! — заорал Вадим.

— Подождите, — вмешался Нота и, повернувшись к Муфе и Дамиру сказал, — Муфа, Дамир, давайте отойдем, разговор есть.

— Да что ты за этого черта пишешься, — начал заводится Дамир. — Давай я его здесь завалю, зайдем в хату и все будет наше!

Мара понял, что надо это остановить. Он быстро вышел из машины, и подошел к>Note, Муфе и Дамиру, которые отошли в сторону.

— Кого вы валить собираетесь? — обратился Мара ко всем, но смотрел на Дамира.

Все трое повернулись к Маре. В глазах Муфы было удивление, а лицо Дамира стало еще злее. Он давно точил зуб на Мару, но из-за статуса Мары, как друга Лавра, он был бессилён что-то сделать открыто. Дамир брезгливо бросил:

— Кого надо, того и завалю, а ты, Мара, не лез бы лучше не в свои дела, а особенно в мои.

— А с чего ты взял, что в твои дела лезу, — спокойно сказал Мара. — Может ты не в свои полез?

— Не понял, — огрызнулся Дамир.

— Дамир остынь, — быстро сказал Нота. — Мара прав, он здесь не случайно.

Муфа и Дамир с удивлением посмотрели на Ноту.

— Поясни. — сказал Муфе>Note.

— Муфа, кто в машине, Али? — в свою очередь задал вопрос Нота.

— Да. — ответил Муфа.

— Ладно, — сказал Нота. — Прежде чем к нему подойти, я кое-что вам объясню, Лавр в курсах, и Мару послал он.

Глаза Муфы и Дамира округлились и полезли на лоб. Мара тоже удивился, но вида не показал. Но у>Note не было другого варианта. Ведь, по идее, это был его косяк, так как он не поставил Али в известность, и теперь ему надо было идти в открытую.

— Этот терпила, Вадим, сам напрямую к Лавру обратился, чтобы разрулить его рамс.

Муфа и Дамир чуть ли не в один голос спросили:

— А почему ты до сих пор молчал, что за ним Лавр стоит?

— Это все было так быстро сделано, что я даже не успел никого увидеть, всего один день прошел. А вчера я далеко отсюда был, только успел на стрелку приехать.

— Ладно нас, а почему ты Али в курс не поставил? — спросил Муфа.

— Я перед отъездом заезжал к нему, не застал, думал потом в курс введу, — сказал Нота.

— Ну ты, Нота, точно ноты попутал. — вставил Дамир. — И теперь Али в блудню ввел.

— Откуда я знал, что на эту фуфловую мелочь Али будет подтягиваться, — оправдывался Нота. — На горизонте простой рамс был, терпилу поддегивать. Если ксивы правильные, то и с полученной суммы в общак 20 процентов навар должен был идти.

— Вот иди сам и объясняй это Али, — сказал Муфа.

— Ну это я догоняю, — глухо произнес Дамир. — Но не улавливаю, почему Мара здесь, он же не блатырь, чтобы в наши разборки влезать, это как то не по понятиям.

— А с чего ты взял, что я в разборке участвую? — задал вопрос Мара. — Стою в стороне смотрю, как вы рамс разбиваете.

— Это кто тебя смотрящим поставил? — не успокаивался Дамир.

— Слышь, Дамир, — вмешался Нота. — Ты коней попридержи. Он же, действительно, в разборке не участвует. А смотреть он от Лавра добро получил. Короче, пошли к Али, я ему все объясню.

Нота, Муфа и Дамир пошли к машине, где сидел Али и разговаривали около двадцати минут. За это время Мара выдернул Вадима из толпы, отвел его в спокойное место и тихо сказал:

— Вадим, послушай меня внимательно, ты должен сделать все, что тебе скажет Нота.

— Да это же полный беспредел, — недовольным тоном сказал Вадим. — Они меня загружают на деньги, которые я должен был получить с Арсена, это что же за помощь такая?

— Тихо, Вадим, не шуми. Мне не хватает сейчас времени тебе все объяснить. Я тебя прошу об одном, слушай Ноту, поверь мне, он из всех единственный, кто действительно за тебя.

— Я уже видел, как он за меня. — обиженно произнес Вадим. — Не дай бог никому.

— Вадим, сейчас они вернутся и огласят решение человека, который сидит в той машине.

— А кто там сидит?

— Это их главный. Но это сейчас не важно. Главное, чтобы они сейчас уехали и ничего не сделали. Скоро приедет Лавр, и все станет на свои места, ты понял меня?

— А если они меня замочат? Ты же слышал как этот образина кричал?

— Прежде им надо меня замочить, а до этого я уверен не дойдет. Это не тот случай, чтобы за это мочить. И, самое главное, с Арсеном ни о чем больше не говори, только если Нота тебя попросит, понял?

— Да! — отрешенно ответил Вадим, не ожидая ничего хорошего.

— Хорошо, иди. Я рядом!

Вадим вернулся к дому, а Мара лихорадочно просчитывал в голове возможные варианты решения, которое мог принять Али.

Ясно было одно, братки явно приезжали, чтобы загрузить обеих коммерсантов, и все у них шло по плану до той минуты, пока Нота не раскрыл, что за Вадимом стоит Лавр. А это могло очень сильно спутать карты.

С другой стороны, Лавр с Али об этой ситуации точно не говорил, то ли спешил, то ли не до этого было. А в отсутствие Лавра главным был Али, и решение, естественно, должен вынести он, что, в принципе, тоже ничего хорошего никому не сулило. И даже если все происходящее можно было бы уладить, когда приедет Лавр, то присутствие неадекватного отморозка Дамира Мару настораживало. От этого подонка можно было ожидать любой гадости, тем более, что зарезать человека он готов, не моргнув глазом, и Мара это прекрасно осознавал.

В такой обстановке Мара первостепенно должен сохранить безопасность Вадиму. Поэтому Вадим не должен давать никакого повода Дамиру, а просто молчать и слушать Ноту, а там как карта ляжет. Нота, Муфа и Дамир вернулись назад. Стоя возле своей машины Мара внимательно слушал. Говорить начал Муфа:

— Короче, расклад такой, так как оба предьявы не обосновали, то штрафуются по полной суммы предьявы. На выплату дается один день. А в виде залога мы забираем у обеих тачки.

Арсен и Вадим стали возмущаться и высказывать свое несогласие. Кто-то из людей Муфы забрал ключи от машины Арсена, а Вадиму

сказали, чтобы он выгнал машину со двора на улицу. На что Вадим воскликнул категорически:

— Не дам я вам машину, хоть убейте меня!

Дамир резко подошел к нему близко, его рука полезла в карман, вытаскивая нож.

— Да что с этой сывкой вонючиться, — бросил он грозно. — Гасим его и заходим на хату.

Мара быстро подскочил и стал между ним и Вадимом.

— Не спеши, Дамир. Дай мне минуту поговорить с ним! — решительно сказал Мара.

— Если через минуту тачки не будет, то тебе бакланить будет не с кем, — сказал Дамир брезгливо сплюнув на землю и положив нож в карман.

Мара отвел Вадима к его калитке.

— Вадим, — начал Мара. — Я тебя очень прошу, отдай им машину.

— Зачем я должен им что-то давать? — говорил с досадой и обидой Вадим.

— Вадим. Ты тысячу раз прав, но сейчас послушай меня, это не игрушки и не кино. Дамир редчайший отморозок и убийца, я не хочу, чтобы он тебя зарезал.

— За что? — неподдельно удивлялся Вадим, не осознавая обстановку.

— В данном случае за машину. Пойми, это кусок железа, а жизнь не вернешь, просто отдай ее им. Когда приедет Лавр, все станет на свои места, и машину вернут. Но сейчас не провоцируй их и не подставляй ни себя, ни детей. Они не перед чем не остановятся. Иди и выгони им машину.

Похоже доводы Мары повлияли на Вадима, и он сказал уже полупшепотом:

— Хорошо!

Вадим зашел в дом. Через минуту он выехал на машине из своего двора, затормозил и вышел. В машину сел один из членов банды, резко газанул и сорвался с места. Дамир со злостью посмотрел на Мару, по его взгляду было видно, что тот у него, как кость в горле, но вслух произнес:

— Умеешь ты, Мара, выходить победителем из проигрыша. Но фарт когда-нибудь повернется к тебе задом.

— Проиграть может тот, кто воюет, а я человек мирный, на чужое не зарюсь, но и за свое могу постоять. А насчет фарта, так он после революции ко всем задом стоит, — невозмутимо ответил Мара.

— Дамир, ехать надо, — крикнул Муфа и, повернувшись к Маре, попрощался. — Пока, Мара.

Все сели по машинам, включая ворчащего и недовольного Арсена, который распаялся угрозами и проклятиями в адрес Вадима, и уехали. Остался только Нота. Мара подошел к нему:

— И что теперь, Нота?

— Завтра приезжает Лавр, будем разбираться, а сейчас мне тоже ехать надо. Я тебе завтра позвоню, — сказал Нота и, уже садясь в машину, повернулся к Вадиму. — А ты, Вадим, не ругать должен Мару, а благодарить. Ты даже не представляешь, куда он ради тебя влез и с какого крючка тебя снял.

Нота завел машину и уехал. Вадим выглядел потерянным, Мара спросил:

— Вадим, у тебя дома водка есть?

— Что?! ...Да.. а зачем?

— Пойдем вмажем по стаканчику!

— Да, конечно, есть, — пришел в себя Вадим. — Пойдем в дом.

— Тем более повод есть.

— Какой? — удивился Вадим.

— День рождения, как никак.

— У кого? У тебя? — обескураженно спросил Вадим.

— Думаю, у нас у обоих. В один день.

Они зашли в дом.

На следующий день ближе к вечеру Нота и Мара поехали на встречу с Лавром, который был уже в курсе вчерашней разборки. Выглядел он уставшим и болезненным, но с Марой поздоровался тепло. Они сели, Лавр сказал:

— Все уже знаю, Мара. Мне Али уже все рассказал. Я тогда так быстро уехал. В общем, рамс такой, машину он может забрать, бабки с него сняты, но чтобы об этом он нигде и никому не говорил.

— Спасибо, Лавр, — поблагодарил его Мара. — Нигде не скажет.

— Мара, я, действительно, его рамс закрываю ради тебя. Конечно не все получилось так, как он хотел, но реально он не смог обосновать свою правоту Арсену, который нехилые доказательства предъявил. Так что получить с него он все равно ничего бы не смог. Этого Арсена сейчас будут по полной прессовать, а твой Вадим легко отделался. Ты ему это объясни.

— Конечно, объясню! — с признательностью ответил Мара.

— Так он на самом деле тебе кто, кент или родственник? — спросил Лавр.

— И то, и другое. А почему спрашиваешь, Лавр?

— Вот, думаю, заслуживают ли они того, чтобы ты из-за одного из них в лесу оказался?!

— Нет, Вадим точно не такой, — решительно сказал Мара. — Да если честно говорить, то я сам обещал ему, что помогу его бабки отбить у Арсена, потому что тот его действительно швыранул.

— Не забывай, Мара, он не обосновал это. Как мне рассказывал Нота, он ни хрена не доказал. Али мог бы из него тесто лепить и был бы прав. А вот тебя, кстати, Дамир мог бы и положить вчера. Ты практически и фактически им дорогу перешел. Меня уважили, не тронули. Я это к чему, Мара. Ты бы так не пренебрегал своей жизнью, она у тебя одна, а родственников и друзей много. Так недолго и в ящик сыграть, только за что?

— Лавр, еще раз тебе спасибо. Но если бы я вчера не влез, то вполне возможно Вадима завалили бы, а как бы я после этого смог дальше жить? Нет, Лавр. Я, конечно не лев, но и не шакал. Лучше я смело сдохну, чем буду трусливо жить!

— Я тебя понял, Мара. Каждый человек сам выбирает свой путь по жизни. Ну да ладно, что-то я простыл. Не знаю, какое лучше лекарство принять, таблетки или водку?!

— Можно баньку затопить? — предложил Мара. — С водкой, вениками. Когда организовать?

— Это в самую масть было бы, да жаль, не могу, ехать надо. Через пару дней вернусь и тогда замутим.

— Хорошо, Лавр. Спасибо за все. Тогда я пойду за машиной Вадима.

Мара попрощался с Лавром и с Нотой. Забрал ключи от машины Вадима и вышел. Через полчаса он подъехал к дому Вадима. Вадим долго осматривал свою машину, после чего изрек:

— Они всю ее изуродовали!

— Да, Вадим ты прав. Твари они, то что хотели сделать с тобой, выместили на машине. Но думаю, это ерунда, машину можно починить.

— Не надо было мне ее отдавать!

— Конечно, лучше отдать жизнь за кусок железа. Послушай Вадим.

И Мара рассказал Вадиму содержание разговора с Лавром. На лицо Вадима было жалко смотреть.

— И это все, что мог сделать твой хваленый вор? — с упреком бросил Вадим.

— Вадим, я все понимаю, в тебе сейчас сидит большая обида, но ведь ты тоже фактически ничего не доказал.

— Они меня и слушать не хотели.

— Ведь, в конечном итоге, ты ничего не потерял, за исключением нескольких царапин на авто, а вот Арсена они по полной напрягли, на все, что ты у него требовал. Так что ты его по любому наказал, я думаю, он тебя надолго заполнит. И вот еще, самое главное, Лавр сказал, чтобы ты об этом ни одному человеку не рассказывал.

— А эти рожки уголовные больше ко мне не придут?

— Не должны. Но будь всегда осторожен, и если что то заметишь, сразу мне скажи.

— Понял. Заходи, выпьем.

— Не могу, Вадим, надо срочно на работу, может вечером. Давай, пока.

Они обнялись, и Мара уехал.

ГЛАВА 12

Похищение

Когда Мара приехал на работу, его в кабинете ждал Толик, один из родственников Мары. Выглядел он бледно, и его чуть ли не трясло. Они поздоровались, обнявшись.

— Толик, что—то случилось? Ты весь бледный!

Толик нервно зажег спичку, закурил и тихо произнес:

— Рому украли!

— Что??

Мара присел. Новость была шоковая. Рома был младшим братом Толика, совсем еще молодой парень, только что с отличием закончивший школу. Он никогда не был замечен ни в каких темных компаниях. Это было как гром с ясного неба.

— Как украли? Почему? Когда? — вырвалось у Мары.

— Сам ничего не понимаю. Вчера.

— А с чего ты взял, что его украли. Может он у девки какой?

— Его украли, я получил записку.

— Какую? От кого?

— Не знаю. Написали, что если пойду к ментам, то брата больше не увижу.

У Толика выступили слезы на глазах. Видно было, что он провел бессонную ночь. Мара приобнял его.

— Толик, успокойся,

— А если они его правда убьют?

— Перестань об этом даже думать! Хотели бы убить, записку не писали бы. Это стопроцентная доилровка. Что было в записке?

— Что если я не принесу бабки до завтра, то больше его не увижу.

— Какая сумма?

— Таких денег у нас нет! Мара, я не знаю, что делать?

— Так, Толян, успокойся. Где записка?

— Вот.

Он протянул Маре лист бумаги, на котором печатными буквами были написаны требования и угрозы. Мара внимательно и несколько раз перечитал записку.

— Значит так, — сказал Мара. — Я сейчас с этой запиской поеду к одному человеку, и он, надеюсь, решит эту проблему.

— А если нет? Может к ментам пойти?

— До завтра время есть. К ментам никогда не поздно, но давай я пробью сначала по моим каналам. Скажи, у тебя есть какие-нибудь подозрения, зацепки?

— Все сто раз передумал, голова от разных мыслей разрывается!

— Может он с кем не сошелся, сболтнул что лишнее?

— Ты же знаешь, Мара, он мальчишка домашний! Хотя...

— Что хотя?

— Не знаю, может быть, эти два подонка, которые его раньше напрягали.

— Какие?

— Ну, помнишь, это было давно, когда у нас из дома деньги отца исчезли.

— Да, да. Ну и что?

— Так они на самом деле не исчезли. Эти два подонка, Раша и Родя, еще когда он в седьмом классе учился, настолько его запугали, что он потихоньку все деньги им отдал.

— Да ты что? — поразился удивился Мара.

— Мы же не знали, — продолжил Толик. — Только когда пахан попал в неприятную ситуацию и нужно было ментам бабки отстегивать, он полез в тайник, а там пусто. Но Ромка нам не признался тогда. Представляешь как они его напугали, что он их не сдал.

— Ах, Ромка, Ромка. Ну а как вы об этом узнали?

— Я заметил, что они несколько раз его из дома вызывали, и потом его расколол. Тогда он мне и рассказал, но бабок уже не было.

— Много?

— Даже говорить страшно, полжизни работы отца. Его чуть сердечный приступ не хватил.

— И что потом?

— Видимо, когда он им все деньги отдавал, они его еще напрягли, а давать было уже нечего. Может они его украсть решили...?

— Толик, не накручивай себя. Он живой. Им просто бабки нужны. То, что ты мне рассказал, это уже хоть какая-то зацепка. Ты на машине?

— Да, а что?

— Ничего. Оставишь машину здесь, я тебя сам домой отвезу.

— Зачем?

— Тебе сейчас за рулем ездить не надо. Я завезу тебя домой и сразу поеду к этому человеку.

— Может я здесь останусь?

— Нет, я не знаю, сколько это займет времени, поэтому поехали.

Они вышли из кабинета. Мара усадил Толика в машину и повез домой. Ближе к дому он не подъехал. Там собрались родные, а у Мары не было времени с ними общаться. Он высадил Толика за углом и сразу уехал к Лавру. Ему повезло, Лавр был дома. Мара объяснил ему ситуацию и показал записку.

— Как ты сказал, зовут этих бродяг?

— Он сказал, что их зовут Раша и Родя. Так мелкие наркоты, — объяснил Мара.

— Мара, — усмехнулся Лавр. — Что-то много твоих родственников напрягают, может кто-то под тебя копает?

— Лавр, а че копать, пришли бы и спросили?!

— Спросить могут, если есть за что.

— Ты, правда, думаешь?

— Не думаю, говорю. Так давай о деле. Ты говоришь, эти Раша и Родя твоего парня на большие деньги раскрутили?

— У него пахан завбазой раньше работал, и все что накопил за жизнь, сынок им передал. Видимо сильно пацана прессовали.

— Как терпилу зовут?

— Кого?

— Ну, мальчишку этого?

— Рома.

— Заедешь ко мне через час-полтора. Записку оставь.

— Хорошо.

Мара отъехал недалеко и остановился возле угла. Во-первых, он не мог ехать к Толику без ответа, а во-вторых, ему хотелось издали видеть, кто подъезжает и отъезжает, а за это время несколько машин мотались туда сюда. Через два часа Мара зашел к Лавру.

— Значит так. Слушай меня внимательно, Мара. — начал Лавр. — На твоего родственника наколку дали те, кто его брата напрягал раньше. Про хрусты, которые они у него нагрели, они в отказе и в общак не отстегивали. А наколку они дали на голого ффраера, с которого доить уже нечего. Но мне сдается, что кто-то из твоего окружения через пацана Рому хотел доить твоего Толика.

— Как? За что? И почему из моего окружения? — не понял Мара.

— Это уже другой рамс, и в другой раз об этом побалакаем. Короче говоря, расклад такой, парня завтра утром вернут. С этими кидалами братва сама разберется. Но кое-что твоему родственнику придется отстегнуть в общак. Я думаю, сумма для него будет приемлемая. Так надо, Мара, братва работала.

— Лавр, я у тебя в долгу!

— Ты, Мара, у меня не в долгу, ты у меня, если не забыл, в друзьях. А родственнику скажи, так мол, поговорил с человеком, и он сказал, что брат утром будет дома. А потом ему нужно будет дать эту сумму.

Лавр написал сумму на бумаге и отдал Маре. Она была, действительно, божеской. Лавр продолжил:

— Желательно, чтобы он ее не через тебя отдал. К нему подъедут. Это чтобы у твоих родственников на будущее не было в тебе сомнений.

— Они у меня не такие...

— Такие не такие, нет тела — нет дела. Меня слушай, так будет лучше.

— Тебе видней, Лавр. Ты про баньку не забыл?

Мара поехал к Толику. Время уже было за полночь, но возле дома Толика было немало людей. Мара открыл дверь машины. Толик быстро подошел к нему. Он выглядел еще хуже, чем раньше. Мара вкратце пересказал ему суть. В глазах Толика вспыхнул огонек надежды, он обнял Мару и спросил:

— Ты веришь своему человеку?

Мара о том, с кем встречался, не сказал ни слова. Он просто уверенно произнес:

— На сто процентов.

— А он не говорил точно, когда, во сколько?

— Нет, сказал под утро. Видимо его издалека везут.

— Бедный Ромка, — глухо произнес Толик. — Лишь бы с ним ничего не случилось. Вся семья сидит на таблетках, матери несколько раз неотложку вызывали, лучше бы меня забрали.

— Лучше бы никого не забирали. И давай так, Толик, я тебе сейчас хорошую новость принес?

— Ты даже не представляешь, какая она хорошая.

— Тогда успокойся, и давай зайдем в дом, перекусим, выпьем, до утра еще время есть, дождемся Ромку!

— Да, да, конечно, Мара, пошли.

Они зашли в дом.

Где-то часов в десять утра появился Ромка. Он был очень испуганный и бледный, но целый и невредимый. А это было самое главное для семьи, где жизнь одного из ее членов висела на волоске. Конечно, в дальнейшем, было сделано все, чтобы его обезопасить. Мальчика вывезли за границу, где, к счастью, его жизнь изменилась в лучшую сторону. В будущем, из неопытного юнца получился хороший семьянин и прекрасный человек.

Через час Мара вернулся домой и, завалившись на кровать, сразу выключился. Этот день в его жизни был очень тяжелым. Трудно смотреть на близких людей, которые находились на грани помешательства от пережитого несчастья. Закаленные жизнью, с большим опытом за плечами и немалыми связями, они за одно мгновение превращались в беспомощных и бессильных людей, находящихся в полубезумном состоянии только от одной мысли, что их самый родной во всем мире человек может каждую секунду быть убитым, как животное, какими-то подонками в глухом темном подвале.

А как представить состояние отца и матери, у которых крадут родного сына и требуют за него такой выкуп, который им абсолютно не по карману. Они в любую секунду готовы отдать свои жизни взамен выкупа, но бандитам нужны только деньги. Как можно ощутить и прочувствовать их состояние? Это катастрофа для всей семьи.

Минуты, часы, дни ожидания в полной непредсказуемости происходящего, в огромном нервном напряжении хватаясь за любую соломинку помощи. Как можно не оказать содействие, если есть хотя бы малейшая, ничтожная возможность помочь им, вселить в них веру, что сын останется в живых и вернется домой.

Слава богу, что для семьи Толика и его брата Ромы все кончилось хорошо. Для Мары это было самое главное, несмотря на то, что он, как бы подкожно чувствовал то, о чем ему говорил Лавр. Он стал понимать, что помогая своим родственникам, тем самым развяжет языки врагам-завистникам, которые будут его чернить и навешивать на него обидные ярлыки. Пойдет слух, что раз он общается с ворами, значит он один из них и чуть ли не по его наколке преступники орудуют в городе.

Логика людей была железной, раз общается, значит сам такой же. А в такой ситуации очень трудно тем, кто искоса на тебя поглядывает, доказать, что ты не верблюд. Нельзя сказать, что Мару это не раздражало, но он, как мог, старался не обращать внимания на мелкие уколы.

Близкие друзья и родные на этом не заморачивались, но некоторые из тех, кто близко с ним не общался, начали сомневаться в его искренности и бескорыстии всех его поступков. Но, в случае с Толиком и его семьей, когда шла речь о жизни и смерти, Мара готов был пойти на любую сделку, чтобы вернуть мальчишку домой, несмотря на гнусные и гнилые разговоры подхалимов и трусов...

ГЛАВА 13

Револьвер

...Рано утром Мара проснулся от настойчивого стука в дверь. Открыв ее, он увидел Тимура.

— Я уже пять минут стучу, ты оглох что ли?

— Заходи, а сколько времени?

— Два часа дня, а ты еще спишь. Ты что не спал ночью?

— Я у Толика был, — отвечал спросонья Мара.

— Ну что, мальчишка уже дома? Как там? Что, с девкой загулял?

— Если бы. Три дня в чулане сидел, воровали на откуп!

— Кто?

— Сам точно не знаю, но говорят, якобы по наколке каких-то двух наркотков, которые раньше на него наезжали. Короче говоря, глубоко не лез, а ты что не работе?

— Саву менты закрыли.

— Что?

— Вчера ночью на хату к нему ОМОН подъехал, навели шмон, нашли револьвер и увезли.

— Куда? В какой отдел? — стал постепенно приходить в себя Мара.

— В Ленинский, — глухо сказал Тимур, будто их кто-то подслушивал. — Там начальник убойного отдела беспредельщик, наглый, как танк. Говорят, бабки не берет, выслужиться хочет.

— Давай, я сейчас быстро себя в порядок приведу и поедем к Ганзе. Ты кофе хочешь?

— Да. Ганза же прокурор?!

— Против прокурорских менты не лезут. В общем, разберемся. Я пойду умоюсь, а кофе на полке.

Уже через час Мара сидел у Ганзы в кабинете и вкратце обрисовал ситуацию. Ганза пояснил, что новый начальник отдела работал раньше в охране президента, и для них он пока темная лошадка. Было бы

хорошо, если у Мары найдутся в этой среде близкие люди, которые смогут на этого начальника надавить.

Такой человек у Мары был, его бывший одноклассник Богдан. Он работал при президенте в отделе по хищениям и преступлениям в высших эшелонах власти. Ганза предупредил Мару, что если там не получится, то, в конце концов, дело будет передано в прокуратуру, и он его постарается закрыть, но в любом случае было бы лучше, если бы вообще дела не было.

Мара позвонил Богдану и в двух словах объяснил, что случилось, назвав ему имена опера и Савы. Богдан попросил Мару перезвонить через минут десять. К условленному времени Богдан уже владел всей информацией. Оказалось, что он хорошо знает Оскара, так его звали опера, задержавшего Саву. Богдан предложил Маре, чтобы тот ехал прямо к Оскару в отдел и с ним поговорил. Он в курсе и пообещал Саву отпустить.

Богдан попросил, чтобы Мара попозже заехал к нему вечером, чтобы поговорить, но не по телефону. Мара все понял и пообещал вечером заехать. Он попрощался с Ганзой, и сразу с Тимуром поехал в отдел к Оскару. Как только ребята вошли в Ленинский отдел, то сразу увидели справа от дежурного за решеткой Саву. Вид у него был потрепанный, усталый, но собой он владел, прошлая школа тюрьмы не прошла бесследно. Дежурный не разрешил им разговаривать с Савой. Тимур остался внизу, а Мара поднялся на второй этаж и, найдя кабинет начальника криминального отдела, постучал.

Послышался голос: «Войдите.», Мара зашел. За столом сидел грозного вида молодой мужчина, примерно ровесник Мары или старше его на четыре—пять лет. Мара сказал:

- Добрый день, я к вам от Богдана по поводу...
- Знаю, — жестко перебил его Оскар, глядя на Мару так, будто он его сканировал рентгеновскими лучами.
- Документы подготовлены, его отпустят через полчаса.
- Спасибо.
- Спасибо Богдану скажешь, а так твой Сава через пять лет вышел бы. Ему повезло, что ствол чистый.
- Вы извините. Это он так, от воров держал. Время, сами знаете, беспокойное.
- Можно на ты, вроде одногодки. Богдана откуда знаешь?

— Одноклассники мы. Сам понимаешь, между нами денег нет.

— Вот и я думаю, вряд ли Богдан какого-то урку да еще со стволем просил отпустить. Теперь картинка прояснилась. Уже час голову ломал, для чего ему это нужно было. Сам чем занимаешься?

— Так бытовка, цех швейный.

— Барыга значит, — улыбнулся Оскар первый раз за все время беседы.

— Это если на блатном жаргоне, — также с улыбкой ответил Мара.

— Эти блатные у меня здесь каждый день под столом пощады просят, — уже без улыбки строго сказал Оскар.

— А на улице их все больше и больше. Видимо не для всех здесь места хватает, — с сарказмом произнес Мара.

— Ничего, зачищу отдел, и улицы сразу чистыми станут. Я наведу порядок в своем городе!

— Не запачкаться бы?

— А я грязи не боюсь, служба такая. Тебе этот Сава кто?

— Друга друг. Недавно приехал, помогаем обжиться. А пистолет у него действительно для самообороны, не мне тебе говорить про нашу преступность.

— Там, где он сидел, преступники пострашнее были, и я не думаю, что он бы местных испугался. А тебе бы посоветовал быть с этим другом поосторожнее. Сколько волка не корми, все равно в лес смотрит.

— Ну, еще говорят, волков бояться, в лес не ходить.

— Ладно, Мара. Вижу ты парень грамотный. Вот ты говоришь «друг друга», а ты друг Богдана. Вот тебе моя карточка, будут напряги из моего отдела, звони.

— Спасибо, Оскар, — вежливо ответил Мара, вставая со стула. — А если тебе я понадобится, тоже обращайся. Вот тебе мой телефон.

— Хорошо, — сказал Оскар и приподнялся, протягивая ему руку для рукопожатия. — Я сейчас позвоню вниз и можешь забирать своего «друга друга».

— Пока, — сказал Мара и, пожав руку Оскару, вышел из кабинета.

Спустившись вниз, он увидел Тимура и рядом с ним уже свободного Саву. Сава обнял Мару и с благодарностью произнес:

— Да, Мара, у тебя среди ментов связи крутые, век не забуду!

Они вышли на улицу и сели в машину. Мара спросил у Сава:

— Откуда у тебя пистолет? И почему менты к тебе пришли?

— Может какая-то сука накатила ксиву ментам, мол, подозрительные люди ошиваются, типа сходняк блатной. А пистолет не мой, братишка просил припрятать, но ствол чистый, я знаю. Я этим ментам и бабки предлагал и так и сяк, ни в какую. Этот их начальник новый, Оскар, бычара отморозенный. Его недавно назначили, так они его сами боятся. Он бывший спецназовец, менты говорят, что он в охране президента служил.

— Да, это правда, — подтвердил Мара.

— Это мне, как пить дать, пятерик светил. Как ты его уломал, Мара, ума не приложу.

— Если бы ты ума приложил, то сегодня в обезьяннике не сидел бы.

— Кстати, — вмешался Тимур. — Ты в нем неплохо смотрелся.

— Типун тебе на язык, — с беспокойством отозвался Сава. — Мара, а ствол они, как думаешь, вернут?

— Да, и ящик патронов в придачу, с почетной грамотой от органов, — съязвил Мара. — Ты что с ума сошел? Они его еще проверять будут, так что забудь. А вот с Оскаром попробуй как-нибудь навести контакт. Во-первых, в его районе живешь, во-вторых, его лучше в друзьях иметь, чем во врагах.

— И как с ним навести контакт?

— Надо обдумать. Телефон свой он мне дал, может домой пригласить, стол накрыть.

— Без проблем, давай сделаем.

— Хорошо, подумаем. А теперь езжайте домой. Тебе бы, Сава, отдохнуть от ночного курорта, а я пока поеду к человеку, который помог мне тебя вытащить.

— Мара, сколько нужно будет ему отстегнуть? Скажи, я дам. — спросил Сава.

— Сава, между моими друзьями бабки никогда не стояли, а этот человек мой друг с детства. Я хочу просто заехать и поблагодарить его, так что давайте, вечером увидимся.

Через 20 минут Мара остановил машину невдалеке от здания правительства. На улице его ждал Богдан. Мара вышел из машины, они обнялись и сели в машину. Богдан с упреком спросил:

— Значит, если бы твоего знакомого не посадили, ты бы меня не проведаль?

— Богдан, ну во-первых, тебе огромное спасибо, а во-вторых, мы действительно давно не виделись, так что моему знакомому спасибо, что дал шанс. Но я такого никому не желаю. Как ты, семья, дети?

— Да, слава богу, все хорошо! У тебя как?

— Тоже нормально. Также в швейном цеху работаю, особых изменений нет. А у тебя здесь что за работа?

— Я сейчас начальник отдела по контролю и борьбе с преступностью в высших эшелонах власти.

— Аха, значит преступность у нас с самого верха идет? — с улыбкой спросил Мара.

— Ну да, сам и выращиваю, как овощи, чтобы не остаться безработным.

— Шутки шутками, Богдан, но от блатных напряги сильные пошли, ко мне в цех несколько бригад приходило.

— Если есть проблемы, Мара, скажи, я их попробую от тебя убрать. Сам ни в коем случае в конфликт не вступаю.

— Да нет, спасибо, у меня все нормально. Я с ними вопросы свои решил, но другие под сильным давлением сидят, многие все бросают и уезжают. Богдан, неужели вы на них не влияете?

— Тут, Мара, не все так просто. Понимаешь, сверху приказа на их уничтожение нет, только следить и держать под контролем.

— Это что за контроль такой, полстраны уже в криминале, а вы не вмешиваетесь?

— Лес рубят, щепки летят. Пока наверху власть не утвердится и не решит свои вопросы, им нужны отвлекающие маневры.

— Ничего себе маневры, люди в панике от воровского беспредела.

— Вот это и есть отвлекающий маневр. Чтобы народ не напрягал власть и во внутрь не лез, на него и спустили с цепи криминал, чтобы особо головы не поднимали. Но это временно, пока не окончится безвластие во власти.

— Другими словами, спасение утопленников дело самих утопленников?

— Ну, если тебе нравится, что-то в этом роде, но я тебе говорю, скоро все станет на свои места.

— Дожить бы до этого скорого.

— Мара, я тебе говорю, если есть с ними проблемы, сразу скажи. Они у нас все под колпаком сидят, и поверь они не киношные, а настоящие убийцы.

— Богдан, может ты мне тогда сможешь добиться разрешения на оружие?

— Только на газовый пистолет. На огнестрельный нужно либо в органах быть, либо иметь особое разрешение. Думаю, с получением газового я тебе помогу, хоть сегодня возьмешь. Его кстати от настоящего почти не возможно отличить, если ты не спец. Я тебе дам адрес, скажешь от меня, и они выдадут разрешение.

— Спасибо, Богдан. Скажи, этому Оскару что-нибудь надо дать?

— Через меня нет. Поведи его в кабак, он парень неплохой. Мара, я уже должен бежать. — Богдан открыл дверь машины. — Еще раз тебе говорю, не высывайся и на рожон не лезь. Если что не так, сразу приходи. Не забывай, можно быть хитрей и умней одного, другого, но не всех. Богдан пожал руку Мары и вышел из машины.

— Давай, Мара, береги себя и не забывай, что дружба что?

— Удваивает радости и сокращает горести!

— Вот именно. Я пошел.

— Пока, Богдан. Дома привет!

ГЛАВА 14

Пистолет

После разговора с Богданом Мара, не откладывая, сразу поехал за разрешением на владение газовым пистолетом. Благодаря Богдану, это не заняло много времени. Мара, получив разрешение и квитанцию, пошел в специальный отдел, где выбрал себе пистолет с патронами и кобурой.

На обратном пути домой, когда он остановился на красный свет светофора, в его задний бампер въехала машина. От удара Мару втянуло в сиденье, после чего резко выбросило вперед на руль. Он быстро выскочил из своей машины и подбежал к машине, которая его ударила.

За рулем сидел мальчишка лет 12–13. Он был очень напуган, его руки тряслись. Рядом с ним сидел мужчина, который быстро вышел и, подойдя к Маре, взволнованно воскликнул:

— Ради бога, извините, пожалуйста. Вы не ушиблись?

Чувство гнева Мары сразу изменилось на удивление и, смягчившись, Мара спросил:

— Как вы дали руль мальчишке?

— Знаю, виноват, глупо получилось, — сказал мужчина смущенно. — Главное, что вы не повредили ничего себе, а бампер ваш мы заменим, у нас такой дома есть, новенький, в упаковке.

Маре как-то подозрительно верилось в эту вежливость и услужливость, но вдруг он по взгляду мальчишки, который не отрываясь смотрел ему на грудь, только сейчас понял, что тот смотрел на кобуру с пистолетом, висевшую у Мары на груди. И это все меняло, значит они принимают его либо за мента, либо за бандита. Оглядев свою машину, Мара не нашел ничего серьезного, только вмятый бампер.

— Ладно, — согласился Мара. — Черт с вами, поехали за бампером. Где вы живете?

Мужчина обрадовался и дружелюбно произнес:

— Отсюда всего три квартала. Вы можете ехать за нами.

Они сели по машинам и вскоре они остановились у ворот, за которыми виднелся большой дом. Мужчина быстро забежал за калитку и уже через минуту вернулся, неся в руках новый, в упаковке, бампер. Вслед за ним вышла женщина средних лет и внимательно посмотрела на Мару. Положив бампер в салон машины, Мара попрощался и уехал. От взгляда женщины он чувствовал себя так, будто не его, а он их ударил.

Мара подъехал к дому Савы. Перекусив, он в двух словах рассказал об аварии, которая только что произошла. Потом он подтвердил, что деньги Оскару давать не надо, а лучше пригласить его на застолье и ближе с ним познакомиться.

Посидев еще полчаса, Мара, сославшись на усталость, уехал. Хотелось отдохнуть от насыщенного дня, но едва он проехал несколько кварталов, как его машину обогнала темная машина без номерных знаков и стала подрезать к обочине.

Мара остановился. Из темной машины вышло четыре человека и направились к нему. По их виду Мара сразу отметил, что это не бандиты, но и на обычных ментов тоже не были похожи. Один из них попросил Мару открыть окно и, показав красную карточку, представился майором с отдела по борьбе с бандитизмом и попросил предъявить документы.

Мара дал ему документы на машину и водительские права. Он внимательно их осмотрел, после чего спросил:

— У вас есть разрешение на ношение оружия?

Мара забыв про газовый пистолет, удивленно спросил:

— Какое оружие?

— Два часа назад к нам поступило сообщение, что вас видели прохожие с пистолетом наперевес.

Только сейчас до Мары дошло, что он носит газовый пистолет.

— А, так вы о газовом пистолете спрашиваете?

— Он газовый?

— Да, а что-то не так?

— Покажите разрешение на пистолет и сам пистолет!

Мара вытащил пистолет из кобуры, и тут же стоящие за майором остальные трое резко вытащили оружие и направили в его сторону.

Мара медленно передал майору пистолет и документ — разрешение им владеть.

Мужчины, стоявшие у майора за спиной, опустили оружие. А майор отошел к своей машине и с кем-то по рации о чем-то говорил. После чего он вернулся к Маре и сказал:

— Вам нужно поехать за нами в отдел!

— Пожалуйста, — спокойно ответил Мара и тут же спросил. — А в чем дело?

— Там поговорим, езжайте за нами, — сказал он тоном, требующим подчинения.

Мара развернулся и поехал за ними. В голову приходили разные мысли, кому и зачем он понадобился. Эти люди ему сказали, что прохожие увидели у него пистолет. Но даже если так, то зачем это каким-то прохожим, тем более, откуда они знают, что он не мент. Может, думал Мара, это те, кто выдали ему разрешение, решили его проверить, но зачем, если он пришел от Богдана. Как то не сходилось.

Тем временем они подъехали к зданию, где кроме номера дома не было никаких вывесок. Это был обычный дом. При входе внутри сидел дежурный и внимательно смотрел пропуска. Майор показал свой пропуск, сказав, что Мара с ним. Они спустились в подвальное помещение и пошли по коридору. Все двери были из железа, больше похожие на тюремные, только без окошек. Майор остановился у одной из них, и открыв ее ключом, зашел во внутрь вместе с Марой. В центре стоял стол и два стула по бокам. Присев Мара почувствовал, что стол и стулья привинчены к полу. Майор дал Маре бумагу и ручку, сказав:

— Напишите подробно, когда и как вы приобрели пистолет и для каких целей?

— Как для каких? Для самообороны.

— Вот и напишите все подробно!

— Я не понял, я что, задержанный? — стал возмущаться Мара.

— Нет, пока для объяснения, — невозмутимо ответил майор.

— Мне нужно позвонить. — попросил Мара.

— Конечно позвоните, только сейчас напишите объяснительную.

— Ничего никому писать не собираюсь, — решительно заявил Мара. — Разрешение я вам предъявил и не вижу никакого основания для задержания и допроса.

— А вас никто не задерживал, это обычная процедура, проверка.

— Слышь майор, — не выдержал Мара, — Что ты здесь котлеты лепишь?!

— Ты бы лучше не дерзил, а написал все по-хорошему, — также спокойно произнес майор.

— По хорошему? — улыбнулся Мара. — привез меня, как какого то бандюгу в холодные подвальные казематы, представляю, что будет по плохому. Только вот догнать не могу, ты чей заказ выполняешь? С газовыми пистолетами полгорода ходит, не думаю что вы всех сюда привозите и объяснительную просите?

— Короче говоря, вы отказываетесь писать объяснительную?

— Писать кому? Вы кто?

— Начальнику особого отдела безопасности майору Кабанову!

— Слушай, майор, — смягченно сказал Мара. — Я тебе все напишу, только после того, как ты мне дашь позвонить Богдану!

— Какому еще Богдану?

— Я не думаю, что находясь на таком посту, вы не знаете помощника президента по борьбе с преступностью?

Майор на секунду задумался, видимо вороша в памяти, после чего спросил:

— У вас есть телефон?

— Думаю, у вас тоже он есть. Можете сами набрать его и спросить обо мне.

— Я скоро вернусь, — сказал майор и вышел, закрыв за собой дверь на ключ.

Его не было минут десять. Когда он вернулся, это был уже совсем другой человек. Он сел, и внимательно оглядев Мару, уже в доброжелательном тоне сказал:

— Вопрос закрыт. Мы приносим вам извинения за доставленные неудобства.

— И это все? — искренне изумился Мара.

— Вы хотели что-то еще?

— Майор..

— Меня зовут Аким.

— Аким, скажи честно, ты меня сюда из-за бампера привез? — высказал свою догадку Мара.

— Плевать на бампер. — также спокойно сказал Аким.

— Тогда что? Зачем?

— Послушай Мара. Оказаться с пистолетом на теле в доме, скажем так, очень серьезного человека, по сегодняшним временам, мягко говоря, вызывает очень серьезные сомнения.

— Так ты подумал, что я рэкетир?

— Я больше практик, чем теоретик, и мало верю в совпадения. Поступил сигнал, и мы его проверили. А бампер мог быть простым предлогом, чтобы попасть в дом. И мой тебе совет, постарайся в будущем этот квартал обходить стороной. Второй раз, думаю, и Богдан не поможет. Большого я тебе сказать не могу. Похоже, что у тебя сегодня есть повод повести Богдана в кабак.

— Бог любит троицу. Хочешь присоединиться? — предложил Мара.

— Я для этого ничего не сделал. А друзей хороших у тебя и без меня хватает.

— Друзей много не бывает.

— В этом ты прав. А теперь пора. Пойдем, я тебя выведу.

Мара ехал домой далеко за полночь, прилично измотанный. Интересно, думал он, столько всего и в один день. Да, в такой тяжелый день было бы хорошо выпить и забыться, но приехав домой, у него хватило сил только добраться до кровати и заснуть.

Через несколько месяцев люди Лавра нашли его обидчика и наказали. После этого самого Лавра уже мало что задерживало в этом регионе. Не смотря на общий хороший климат вокруг него, Лавр решил уехать. Ноту он забрал с собой. Предлагал и Саве с Марой уехать с ним, обещая жизнь, как у бога за пазухой. Под его прикрытием они могли бы заниматься любым бизнесом.

Но ребята вежливо отказались, обещая навестить его, когда он пришлет свой новый адрес. За главного теперь оставался Али. Отъезд Лавра и Ноты с ним был потерей для Мары. Как никак Нота помогал ему обходить острые углы в преступном мире, а Лавр прикрывал, хотя с Муфой у него были неплохие отношения. А вот с отморожком Дамиром они были в контрах. Он не мог смириться с тем, что Мара тогда вырвал Вадима из его рук, и он потерял на этом деньги, но и идти на Мару открыто он не хотел из-за Лавра.

Многие друзья Мары потихоньку стали уезжать в столицу в надежде на большие заработки, в том числе и Ясон, один из близких друзей Мары. Ему хотелось широты возможностей, так как по натуре он был

авантюристом и мог легко пойти на сомнительные сделки, не особо задумываясь о последствиях. Ясон был похож на канатоходца, который двигался по лезвию бритвы.

Кто-то из друзей Мары продолжал работать, но большинство задумывалось о переезде. Прибыль падала, преступность нарастала, люди все больше сомневались в том, что будет выход из окружающего беспредела и хаоса. Благо, друзья держались вместе и тем как-то скрашивали жизнь в это лихое время.

ГЛАВА 15

Напряга

В один из вечеров ребята играли в карты и пили пиво у Мары дома. Примерно около одиннадцати вечера кто-то постучал в окно с улицы. Мара вышел во двор и, открыв калитку, увидел четырех крепко сбитых ребят в кожаных куртках и черных шляпах на головах. На обочине стояла черная машина с тонированными стеклами и без номеров. Один из них вышел вперед и грубо спросил:

— Ты Мара?

— Я, — ответил Мара машинально.

— Короче, знаешь развилку за городом?

Первая мысль Мары была, что они его сейчас завалят. Но потом он понял, что если бы они хотели убить, то ничего не стали бы спрашивать. Растерянность прошла, и Мара спокойно поинтересовался:

— Ну знаю, а что?

— Завтра в девять вечера привезешь туда 300 штук, — сказал неизвестный в приказном тоне.

Теперь Мара уже точно понял цель их визита и уверенно ответил:

— Я вам даю минуту, чтобы вы отсюда убрались, а то..

— А то что? — перебил его вызывающе тот же тип.

— А то завтра для вас вообще не будет! — теперь уже пригрозил Мара.

— Ну, ну. Мы тебя предупредили. Асу завтра ждет бабки!

— Вон пошли, минута кончается!

Они усмехнулись и пошли к своей машине.

— Не забудь, — сказал бандит, садясь в машину. — Завтра в девять вечера 300 штук!

Машина резко развернулась и умчалась. Мара стоял, как вкопанный, все больше нервничая, что он их так отпустил, не спросив, кто они и кто их послал. Все произошло очень быстро. В этот момент

на улицу вышли Сава и Тимур. Они только успели увидеть отъезжающую машину. Сава спросил:

— Мара, ты че застыл? Что случилось? Это кто был?

Мара в двух словах передал им весь разговор.

— Так почему ты нас не позвал? — возмутились Сава и Тимур одновременно. — Мы бы их так не отпустили!

— Может ты узнал кого-нибудь из них?

— Нет, эти рожи я вообще раньше не видел нигде, — ответил в задумчивости Мара.

— Хорошо, а имя тебе назвали? — допытывался Сава.

— Да, — вспомнил Мара. — Кажется Оса или Аса.

— Может Асу? — старался уточнить Сава.

— Да, наверное, Асу. Типа, он меня завтра с бабками ждет.

— Вот это да. — протянул Сава, при этом присвистнув. — Он-то откуда здесь нарисовался?!

Сава вытащил сигарету и закурил. Было заметно, как он нервничает.

— Ты что, знаешь его? — спросил Тимур у Савы.

— Было бы лучше, даже очень хорошо, если бы это был не он. — бросил Сава, затаившись.

— Да мне плевать, — сказал Мара. — Он не он, волков бояться в лес не ходить.

— Волк перед ним ягненок, — без доли шутки произнес Сава. — Не хочу нагнетать, Мара, но если это действительно тот Асу, то дела более чем серьезные.

— Ты нормально объяснить можешь, что это за черт? — спросил Тимур.

— Асу главарь одной из кавказских группировок. Грабежи, убийства, беспредел, похищения, короче, полная обойма. Одно не могу понять, почему и как он на тебя вышел. Где он — где ты, ни хрена не понимаю. Это же какой шакал тебя ему слил?

— Что прям вот так все серьезно? — снова спросил Тимур.

— Да, Тимур. Да! Это очень и очень серьезная бригада. Они месяц назад, я слышал, полковника возле его дома завалили.

— Ты-то как это услышал? — спросил Тимур.

— Сорока на хвосте принесла, — пробурчал Сава. — Помнишь, Мара, я тебе рассказывал про пацанов, Глеба и Дениса, которые со мной чалились? Они мне в письме об этом начирикали.

— Но у меня что ему делать? — уже придя в себя, как бы задавая вопрос самому себе, заговорил Мара. — И вообще, интересно, как эти люди на меня вышли?

— Очень интересно, — также заметил Сава.

— Может надо к Лавру обратиться? — спросил Тимур, обращаясь к обоим.

— Для Асу воры не авторитет, — произнес Сава. — Но обратиться не помешает.

— Может мне ментов подключить? — задал вопрос Мара.

— Одно другому не мешает, если в деле Асу. — сказал Сава. — Я думаю, что надо нам всем у тебя на хате сидеть и днем, и ночью, пока не разберемся.

— Да зачем? — усмехнулся Мара. — Сава, я не боюсь никакого Асу-Масу. Появится, разберусь...

— Разберемся, — перебил его Сава. — Это он не к тебе, он к нам пришел. Если завтра наедут на меня, Тимура, Доната, да на любого из нас, ты что, дома будешь отсиживаться? Мало того, тебе, Мара, надо будет срочно семью из дома увезти. Дай бог, чтобы это был не он, но готовиться надо к худшему, береженого бог бережет. Его во врагах никому не желаю. Поэтому мы соберем всех наших с оружием и будем тихо на хате дежурить. Ты на всякий случай скажи своим ментам, пусть незаметно хату вокруг охраняют.

— Это не проблема, я к кое-кому заеду, поговорю. — сказал Мара.

— А мы тоже сейчас с Тимуром отправимся и всех соберем. Думаю нам часа два хватит.

Сава с Тимуром сели в машину и уехали. Через полчаса Мара уже был в кабинете Богдана. На его столе лежали все бумаги по группировке Асу. Рассмотрев их внимательно Богдан сказал:

— Хорошего мало, Мара. Документы подтверждают, что группировка Асу одна из самых опасных и мощных бандитских группировок. На ее счету очень много особо тяжких преступлений, даже со смертельным исходом. Не хочется тебя пугать, но это факты. Они давно

в разработке всех спецподразделений. Мара, я никак не пойму, каким образом и почему они на тебя вышли.

— Ума не приложу.

— Надо бы, Мара. Ой как надо. С ними шутить нельзя.

— Что ты предлагаешь, Богдан?

— Пойдем по цепочке, логическим вычислением. Допустим, это и есть тот, о котором мы думаем. Первое — ставим наружное наблюдение с прослушкой, второе — ты срочно увозишь семью в безопасное место.

— Интересно, как я это им объясню?

— Это не обсуждается, надо! И третье — откуда ветер?

— В смысле?

— Вспоминай, за последнее время с кем общался, кому дорогу перешел, обидел кого?

— Да, нет. Ничего в голову не лезет, вроде все было, как обычно.

— Думай, Мара, думай, кому ты в масть попал.

Мара задумался и вспомнил, как он у дома Вадима сцепился с Дамиром.

— Знаешь Богдан, не так давно я невольно оказался в одной разборке из-за родственника и сцепился с одним отморозком Дамиром.

— Так-так, это уже горячее. Кто он, откуда, в какой бригаде?

— Вроде ходит под местным авторитетом Али. Недавно с зоны вышел, говорят, мокрушник.

— Чем ты ему насолил?

— Ну, в двух словах, они хотели загрузить моего родственника на триста штук...

Мара запнулся и задумчиво посмотрел на Богдана.

— То есть, — продолжил мысль Мары Богдан. — Этот Дамир точно за такую сумму мог тебя и слить?

— Какая тварь, — вырвалось у Мары с негодованием. — Эту сволочь валить надо.

— Согласен, Мара, и не только его. Были бы руки не связаны, давно бы республику очистили от этой нечисти.

— А кто вам-то руки вяжет?

— Так, Мара, не отходи от темы. Может что-то еще вспомнишь?

— За последнее время, ничего. Но я думаю, это точно Дамир. Я сегодня же поеду к нему.

- Не спеши. Когда тебе забили стрелку?
- Завтра в девять вечера.
- Пока время есть. Значит действуем так. Я ставлю прослушку и оцепление. Ты увозишь семью. Завтра заедешь ко мне в часиков 8 утра и примем решение, как действовать дальше. Если повезет, может быть, завтра мы сможем его схватить!
- Кого, Дамира?
- Нет, Асу.
- Богдан, ты что сума сошел? — с укором произнес Мара. — Ты хочешь, чтобы через меня его менты повязали?
- Не менты, а служба безопасности.
- Какая, на хрен, разница! — воскликнул нервно Мара.
- Я тебя не понимаю, — сказал Богдан обескураженно. — Он угрожает тебе и твоей семье?
- Да, Богдан, ты прав, но я должен это разрулить не через ментов, — решительно сказал Мара. Ты не понимаешь мои связи в их мире. Они меня уважают. Я не могу иначе.
- Но ты же не один из них? — спросил расстроено Богдан.
- Да. Но и не один из вас. Я не блатной, но и не мент. Ты, Богдан, мой друг, и я пришел к тебе для того, чтобы ты меня и мою семью прикрыл. Но не для того, чтобы накрывать его через меня. Пойми, если его схватят из-за меня, то завтра все шестерки не только меня, но и мою семью вырежут. Ты этого хочешь?
- Да, он об этом и не узнает никогда.
- Богдан, я в этом мире немного поварился и поверь мне, у них не хуже, если не лучше осведомленность во всем. Это для меня не выход.
- Хорошо. А что твой выход воевать или бабки дать?
- Нет. Ни то, ни другое!
- То есть, ты хочешь сидеть и ждать, пока его люди тебя забьют?
- Нет, Богдан. Я хочу сам на него выйти и переговорить.
- И как ты себе это представляешь? Может в гости хочешь позвать?
- Вот здесь ты прав. Именно так я и сделаю. Я хочу его увидеть, не хочу, чтобы он думал, что я его боюсь.
- Ты что, действительно, с ума сошел? Для него нет ничего святого.

— Святое есть у любого человека. Богдан, я тебя прошу, если я на него выйду, не тронь его.

— А если при встрече он тебя грохнет?

— Вот если грохнет, тогда и забирай!

— Мара, тебе надо к психиатру обратиться. Ты с огнем шутишь?

— Богдан, я вечером все-таки поеду к этому Дамиру, а утром все тебе расскажу.

— Ладно, — сдался Богдан, — езжай, а я пока поставлю наружку. Давай, до завтра.

Мара поехал домой. На улице его уже встречали человек десять. Среди них Мара увидел двоих незнакомых ему ребят. Сава сразу объяснил:

— Это Глеб и Денис. Они со мной чалились на малолетке. Сегодня приехали ко мне в гости и как раз вовремя.

— Я Мара. Приятно познакомиться. Друзья Савы, мои друзья. А почему вы на улице?

— Тебя ждем.

— Ну пошли в дом, — сказал Мара и открыл калитку. Входя, ребята занесли в дом две большие коробки. Их встретила молодая хозяйка:

— Добрый вечер, я как раз приготовила ужин, сейчас накрою на стол.

— Нет, спасибо, — сказал Тимур. — Мы недавно поели.

Ребята с удивлением посмотрели на Тимура. Сава ответил:

— Я с ними не был, поэтому не откажусь!

— Ты накрывай, жена, а я с ними разберусь. — сказал Мара.

Она ушла на кухню.

— Мы сюда не жрать пришли, а охранять! — хмуро бросил Тимур.

— Может ты и перекусил, а я ребят встречал. Мы поесть не успели, я сразу забрал Глеба и Дениса. — уточнил Сава.

— Да вы что с ума сошли? — прервал их диалог Мара. — Тем более ребята только приехали и черт знает, что могут подумать. Тимур, ты друзей у себя тоже так будешь встречать?

— Нас здесь целая орава! — оправдывался Тимур.

— Это не орава, а мои друзья, — уточнил Мара. — Так, мойте руки, и все за стол!

Мара пошел помогать жене накрыть на стол. Через час после ужина ребята открыли коробки и стали вытаскивать из них пистолеты и гранаты. Чика проверял затворы и колечки на гранатах, вытаскивая и вставляя их на место. Сава, увидев это, запаниковал:

— Ты че вытаскиваешь, Чика? Ты что, хочешь Асу помочь нас изнутри взорвать?

— Не волнуйся, Сава. Все проверю и смажу, — спокойно и флегматично ответил Чика.

— Правда, Чика, может во дворе проверишь? — вмешался Донат.

— Вы мне доверили оружие хранить, так что будьте спокойны, — заключил Чика.

— Оставьте его в покое, — произнес Тимур. — Он знает, что делает. Мара, объясни, что там с ментами.

— В двух словах, поставили прослушку и посты за несколько кварталов. Но цеплять его не будут.

— Почему? — спросил Наум.

— Потому что, если его накроют на мне, то я думаю, не нужно объяснять, какие последствия могут быть для моей семьи.

— Мара прав, — поддержал Мару Сава. — А что твой друг предложил?

— Я его попросил никуда не лезть, только наблюдать.

— Ну и правильно, сами его грохнем, — вставил Тимур.

— Подожди-ка, Тимур, грохать, — остудил его Сава. Мара прав насчет того, чтобы менты этого... не вязали. Только, Мара, объясни мне, как завтра разруливать будем?

— Есть одна зацепка, — ответил Мара.

— Ну и..? — подтолкнул его Сава.

- Короче говоря, на 90 процентов я догадываюсь, кто это замутил.

— Кто? — спросили одновременно несколько ребят.

— Думаю, этот отморозок Дамир.

— Обоснуй, — сказал Сава.

— Не так давно, он грузил вместе с Али одного моего родственника, а я за него мазу держал.

— Ты пошел против Али? — удивился Тимур.

— Не я. Там был Лавр подключен. Он должен был этот рамс развести, но был в отъезде, и я как бы присутствовал вроде смотрящего от него.

— Ты что, Мара, погнал? — удивился Тимур. — Ты — смотрящий против Али?

— Да нет же, просто они оба были не в курсе, что за этим родственником Лавр стоит. А этот Дамир был на стороне того черта и привел с собой Али, чтобы обоих дельцов загрузить. В результате, я им оказался, как кость в горле.

— И ты хочешь сказать, что из-за этого Дамир тебя Асу слил? — спросил Сава.

— При том разборе их грузили на 300 штук, и точно такую сумму мне вчера выставили.

— Логично, — подтвердил Сава. — Сам он напрямую из-за Лавра не мог, а так, не пойман, не вор.

— Да и просто других вариантов я не вижу, — продолжал свою мысль Мара. — Все тысячу раз перебирал где я, где Асу. Да и здешние не все на него выход имеют, а Дамир недавно из тех мест освобожден.

— Допустим, ты прав, как проверим? — спросил Тимур.

— Я возьму ствол и поеду к ним! — решительно сказал Мара.

— Голый номер! — лаконично произнес Сава.

— Почему? — изумился Мара

— По кочану, — съязвил Сава. — У этого отморозка мы ничего не выьем, его только валить надо, а это тупик. Я думаю, надо на Муфу выйти, он его подельник.

— С Муфой у меня хорошие отношения, он на это не пошел бы, — пояснил Мара.

— Мара, ты в этих делах просто наивный лох, — пробурчал Сава недовольным тоном. — Какие отношения у тебя с ним? Он что, кент твой? Или вырос с тобой? Там закон один: свой, не свой — на дороге не стой.

— И что ты предлагаешь? — спросил Мара растерянно.

— Поехать к Муфе и брать его за жабры!

— А если он и вправду не при делах?

— Не смеди мои..., ...они всегда вместе, в одной упряжке. Сто пудов, он в теме. Поэтому едем к нему всей конторой, выдергиваем его и ставим на пушку. У него здесь семья, и ему есть что терять. Пусть нам

забивают стрелку с Асу, мол так и так, перетереть надо! — выпалил на одном дыхании Сава.

— Зачем всем ехать? — спросил Мара и добавил. — Я сам к нему поеду.

— Мара, завязывай в героев играть, — возмутился Сава. — Мы либо все вместе, как одна команда, либо все разбегаемся.

— Правильно! — подчеркнул Тимур. — Закрыли тему. Когда едем?

— Сейчас! — категорически сказал Сава.

Ребята взяли с собой оружие, сели в две машины и поехали к Муфе домой. Время было далеко за полночь. Муфа в трусах и майке вышел на крыльцо, где вдруг столкнулся лицом к лицу с Марой. Муфа с удивлением и скрытым испугом вскрикнул:

— Мара, ты что ли?

— Я, — тихо ответил Мара.

— Случилось что? Ты че так поздно?

— Отойдем, Муфа, побазарить надо.

Они отошли в глубь двора. Оглядевшись, Муфа увидел вокруг себя несколько человек и спросил с недоумением и волнением:

— Я че-то не догоняю, Мара, это кто?

Мара вытащил пистолет и передернул затвор. Муфа машинально отошел на шаг назад и, оглянувшись, понял, что окружен. Он спросил:

— Ты что, валить меня пришел?

— А что, есть за что? — переспросил Мара.

— А зачем стволом щелкаешь?

— Муфа, если бы я пришел тебя валить, то поверь мне, ты бы сейчас не задавал вопросы! — грозно произнес Мара.

— Тогда к чему это кино? — уже взяв себя в руки, спросил Муфа.

— Я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушал, не перебивая, и потом правильно ответил.

— Я внимательно тебя слушаю.

— Кто меня слил Асу?

— Не понял, ты о чем?

Мара взвел курок пистолета и размеренно заговорил:

— Значит так. Я тебе сейчас кое-что расскажу, а потом снова задам тот же вопрос. Только на этот раз очень советую, ответ подумав, хорошо?

— Хорошо.

— Так вот. Если человека ведут на расстрел или зверя загоняют в угол, то они готовы на все, потому что другого выбора нет. Сегодня в моей ситуации я хочу найти выход, и тот, кто со мной — друг, а кто нет — враг. Поэтому я хочу знать, ты мне друг или враг? Я знаю, кто меня слил Асу, и от кого это исходило. Поэтому я пришел к тебе сейчас, чтобы ты сегодня поехал к Асу и назначил стрелку в моем доме. Мне бояться и скрываться не от кого, а тот, кто это замутил, не очень хорошо меня знает, и не представляет, на что я способен, если меня напрягают. Я не коза, которую можно доить. Либо меня, либо я. Лес рубят — щепки летят. Ты просто можешь попасть под раздачу, как соучастник. Заметь, я сказал «соучастник», потому что, кто в этом главный — я знаю. Но я тебе, клянусь, Муфа, и не шучу! Если это дело не разрулится, то тебе нужно будет молиться, чтобы я не выжил, иначе я всю твою семью уничтожу. Я этого не хочу, но на войне, как на войне. И поэтому мы пришли к тебе, Муфа, чтобы ты помог мне этот рамс разбить в правильную сторону.

— Что ты от меня хочешь? — спросил подавленно Муфа.

— Чтобы ты пошевелил мозгами против кого идешь. Меня ты знаешь давно, в одной республике выросли, а этот отморозок Дамир, пришелец, который ради бабок хочет уничтожить меня, а заодно и тебя, потому что ты в теме. Ты также знаешь и мои связи в республике, поэтому я тебе сейчас даю возможность сделать выбор, что для тебя лучше, быть с ним, а значит сдохнуть, и это уже не обсуждается, другого варианта ты мне не оставляешь, или мы решаем этот вопрос и мирно живем рядом в своей республике?

Муфа мучительно думал и наконец выдавил из себя:

— Что я должен делать?

— Вот умница, твой выбор очень правильный, и не только для тебя лично, но и для всей твоей семьи. Поэтому нужно никому ничего не говорить, сейчас же сесть в машину и ехать к Асу. Забываешь стрелку на завтра у меня дома. Еще раз повторяю, никому о своей поездке не говорить, понял?

— Я тебя понял! Но поверь мне Мара, я не организатор этого.

— Верю, не организатор, но соучастник. Сейчас у тебя есть возможность очиститься. Я хочу тебе дать шанс все это остановить, а теперь выбор твой.

— У меня есть выбор?

— Выбор есть у всех, и у тех, кто сейчас пришел со мной. Они знали к кому и на что идут. Могли не пойти, но они здесь. И нас, пока не убьют, никто не сломит! Итак, твой выбор?

— Я пойду. Но хочу сказать, что те, кто это замутил, у меня не спрашивали, а люди они, сам знаешь, серьезные.

— Я знаю. Хочу тебя успокоить, никто здесь не собирается Асу вязать, я имею ввиду ментов. Он как придет, так и уедет, даю слово, ты будешь чист. Тебя это интересовало?

— Ты меня понял.

— Я тебя услышал, думаю, ты меня тоже. Все, жду тебя у себя дома.

— Когда бы не вернулся?

— Не имеет значения.

— Хорошо. Тогда я пошел?

— Иди, жду.

Мара с ребятами сели в машины и уехали домой. В машине Сава сказал:

— Стопудово он при делах, и рамс ты с ним развел, как академик. Может, Мара, уйдешь из цеха и пойдем рамсы разбивать?

— И стать такими же? — с упреком спросил Мара.

— Зачем? Аналитики везде нужны, и ты зря игнорируешь. Они большие бабки заколачивают.

— Чтобы делать большие бабки, нет необходимости лезть в дерьмо.

— А мы и не лезем, мы уже в нем!

— А я так не думаю, — заключил Мара.

— Ну, ну. В мушкетеры играешь. Только короли и кардиналы не скачут и рапирой не машут, а в дерьме в тысячу раз больше, чем мы. — продолжил Сава свою мысль.

— Ты это к чему? — удивился Мара.

— Знаешь, Мара, я в зоне столько честных и порядочных насмотрелся, особенно идейных и справедливых. Но ломали их и гноили далеко не честные и справедливые, а обычные урки, а тех, кто не подстраивался, или мочили, или в петушатник опускали. Такая вот жизненная реальность!

— Значит, по твоей философии, лучше быть уткой? — прямо спросил Мара.

— Нет. Приспособленцем, есть такой вид. Это означает: держать нос по ветру, не лезть на рожон и себя в обиду не давать, а там жизнь покажет в какой телеге корячиться.

— Ну да. Как ворон, триста лет падалью питаться, чтобы выживать?

— Слушайте вы, философы, — вмешался Донат, — не о том думаете. А вдруг этот Муфа сбежит?

— Не сбежит, — категорично бросил Сава, — Нет ему резона чужой косяк на себя вешать. Это Дамира прозвон.

— А с чего ты взял, что это косяк? — с интересом спросил Донат.

— Тут арифметика очень простая. У нас в республике сегодня положенец Али. Значит Али должен был знать о том, что происходит. Так?

— Ну? — ответил Донат.

— А он не знает.

— С чего ты взял, что не знает? Может он все это и замутил? — спросил Донат.

— Донат, там где я сидел, поверь мне, я время зря не тратил. Али явно не в теме. Объясняю. Во-первых, Али вор, и здесь он банкует, миновать его нельзя. А Мара — кент Лавра, значит, по любому где-то просочится, что Али, в обход понятий, правильных людей, и тем паче кента Лавра, на гоп-стоп ставит. С него спросят, а ему нет никакого резона с Лавром из-за этой мелочевки концы рубить. Во-вторых, Асу к вора не особо вхож, грубо говоря он их не признает. В третьих, ни один вор не впустит на свою территорию кого-то со стороны права качать. Это не по понятиям. Дамир все это хорошо знает и потому в обход пошел. Но в одном он прокололся!

— В чем?

— Его слабое звено Муфа. Он не просчитал что мы его вычислим.

— Хорошо, — сказал Донат. А если Муфа, вместе того, чтобы ехать к Асу, ломанулся к Дамиру?

— Тогда человек он конченный. Мы ему слово дали, что не будем его светить. У него нет выбора. Если он нам Дамира не сдаст, то ему придется за косяк перед Али отвечать, а за спиной вора мутить, это конец. Так что выбора у него нет.

— Значит? — спросил Мара.

— Значит, Асу должен к нам приехать, и нам не мешало бы продумать наш с ним базар! — ответил Сава.

— А что обдумывать, — бросил Мара. — Я ему все объясню.

— Объясним, Мара, объясним, — подчеркнул Сава. — Не тяни одеяло на себя. Давай приедем, перекусим, и мысль лучше пойдет.

Приехав домой, друзья сели подкрепиться. На часах уже было четыре часа утра, когда в окно кто-то постучал. Ребята передернули затворы в пистолетах, кто-то взял в руки гранаты. Мара, Чика и Донат вышли во двор.

— Кто там? — спросил Мара

— Мара, это я, Муфа, открой.

Мара быстро открыл калитку, и Муфа вошел во двор. Увидев перед собой человек десять вооруженных ребят, он немного опешил. Мара предложил ему сесть и выпить. Муфа согласился с удовольствием и сразу выпил полстакана водки.

— Ну? — спросил его Мара.

— Самого Асу я не видел, но его люди сказали что завтра в два часа дня он приедет.

— То есть сегодня? — переспросил Мара.

— Да.

— Ты дал им мой адрес?

— Да, как ты сказал.

— Дамира не видел?

— Мы же договаривались, Мара, а я свое слово держу. Только и ты свое держи.

— Ты меня знаешь!

— Муфа, — вмешался Сава. — Это тебе Дамир сказал, чтобы Али в курс не ставить? Только так без балды. Да — нет?

— Не хочу горбатого лепить, но я изначально был не в курсах насчет Мары. Только там на сходке узнал, когда Дамир назвал его имя Асу. А после этого ломиться к Али или Маре было уже поздно. — честно ответил Муфа.

— Да, Али не простил бы, а Дамир мог и замочить. Короче, слил ты Мару, — заключил Сава.

— Тогда у меня уже не было выбора, а сегодня, я думаю то, что я сделал, изменит ваше мнение обо мне.

— Поживем, увидим, — сказал Мара. — Хочешь еще выпить?

— Нет, я наверное домой поеду!?

— Муфа, я тебе совет дам, — решительно начал Сава. — Не перемудри. Хочешь домой, езжай, но больше ничего не предпринимай. Тем более защиты вора у вас не будет. Сам знаешь, какой будет спрос, если он узнает, что вы за его спиной мутили.

— Это Дамир, — попытался снова оправдаться Муфа.

— За вас сейчас никто мазу держать не будет. А нас, смотри сколько, да и вооружены не хуже вашего. Еще раз тебе говорю, Дамиру ни слова, понял меня? — спросил Мара.

— Да, понял. Ну я поехал?

— Давай, мы тебя завтра увидим.

Муфа уехал. Его сообщение немного сняло напряжение, хотя стопроцентной веры словам Муфы не было. Решили, что пока ребята будут спать, один или двое будут дежурить. Утром Мара уехал к Богдану. Он хотел ему сказать, во сколько приезжает Асу, и еще раз предупредить, чтобы они ни в коем случае его не брали. Получив от Богдана согласие, он вернулся домой. По дороге он объехал несколько кварталов вокруг дома, чтобы убедиться, что людей Богдана не видно. Мара никого не заметил кроме ремонтников-асфальтировщиков, которые сосредоточенно занимались своим делом. Подъехав к дому, Мара выключил машину и вошел во двор. Ребята сидели под навесом и пили чай. Донат спросил у Мары:

— Ну что, есть на улице менты?

— Объехал вокруг, вроде никого. Но это правильно, не могут же они рисоваться, а моего человека я предупредил чтобы Асу не трогали.

— Ты ему веришь? — спросил Савва.

— Да, — твердо ответил Мара.

— Лады, — ответил Сава. — И еще одно. Я, пацаны, что хотел сказать. Этот Асу тип жесткий, нагловатый, с ним расслабляться нельзя...

В этот момент кто-то постучал в калитку. Чика открыл и увидел на пороге невысокого роста, крепко сложенного мужчину лет 40—45. Острый нос, поломанные уши, мощная шея, и жесткий взгляд. Он спросил:

— Мара здесь живет?

— Да, — ответил Чика и, отодвинувшись, сказал. — Проходи.

Мужчина вошел уверенной твердой походкой и приблизился к ребятам. Все привстали и поздоровались. Он сказал:

— Я Асу, зачем просили приехать?

Сава мягко ответил.

— Ты с дороги в дом вошел, присаживайся. Я Сава, это Мара и наши друзья.

Асу присел. С ним никто больше не зашел. На улице его ждала тонированная машина. Сава продолжил:

— Я примерно с твоих краев и о тебе слышал много, еще когда в зоне чалился.

— Ты что, здесь разводящий? — спросил Асу.

— Абсолютно нет, — быстро ответил Сава. Я сюда к кентам жить приехал, и когда эта непонятка случилась, пришел к Маре, помочь ему этот рамс правильно вырулить да и с тобой лично познакомиться.

— Уже познакомился. — категорично ответил Асу. — Ну и в чем ты считаешь, тут непонятка?

— А вот Мара тебе сейчас сам объяснит, — ответил Сава.

— Тот, кто меня тебе слил, гнида, — так же категорично начал Мара, — и продвинул тебе фуффло.

— Можешь обосновать? — В том же тоне спросил Асу.

— Легко. Я о тебе, Асу, слышал, и заочно знаком. Прежде хочу задать тебе вопрос, судя по твоим разбитым ушам, ты боролся в вольном стиле или классике?

— В вольном! — ответил Асу.

— Тебе имя Бажо знакомо?

— Уважаемый тренер, знакомо.

— Я у него пять лет боролся, так что если тебе интересно знать к кому ты пришел, он тебе скажет.

— Я навел о тебе справки и заочно тебя знаю. Может быть, это одна из причин, почему я приехал. Так ты говоришь, мне подсунули фуффло?

— Да, именно дешевую наколку. Не хочу говорить имя, хотя точно знаю, кто и зачем. Этот человек на одной из разборок по беспределу хотел загрузить двух деляг на ту же сумму, из-за которой у них был сыр-бор, на 300 штук. Это та же самая сумма, которую выставили мне твои люди.

— И в чем же беспредел? — задал вопрос Асу.

— В том, что один из дельцов был выгнан из доли, не получив ни копейки. А когда он спросил свою долю, его бывший партнер привел на него свою крышу. Естественно, терпила ломанулся к вору в законе просить о защите, пообещав, что из полученного долга занесет в общак половину суммы.

— Имя вора?

— Лавр.

— Я не из их колоды, но я его знаю, авторитетный вор. Дальше.

— В день разборки Лавра не было. Он уезжал, а меня, как друга, попросил пойти с его человеком на сходку.

— Ты друг Лавра? — с недоверием спросил Асу.

— В прямом смысле этого слова, — подтвердил Мара. — Именно в друзьях и ни при каких делах, хотя имею цех, и от него в общак отстегиваю по всем понятиям. Так вот, в тот день, когда терпила объяснил, что бывший партнер должен ему 300 штук, и показал все бумаги, тот ломанулся к своей крыше, то есть к Дамиру, который вошел в долю.

— Ты сказал, Дамир? — переспросил Асу.

— Да, именно он. Дамир и привел с собой на сходку другого вора, Али, который не знал, что этот рамс разруливал Лавр.

— Ты хочешь сказать, что Дамир ввел в блудню двух воров?

— Вот именно. Причем, ради своей выгоды, заставил Али загрузить невинного еще на 300 штук.

— И терпила их отстегнул? — прямо спросил Али.

— Нет. Потому что я на сходке сказал, что этот рамс под контролем Лавра. На что Дамир заявил, что я, якобы, гоню и, мол, надо завалить терпилу и меня.

— И почему не завалили?

— Потому что я был с человеком Лавра.

— И что потом?

— Человек, с которым я был, сказал всем, что надо ждать Лавра. Но для Дамира я стал врагом номер один, потому что раскрыл его лицо и участие в доле с цеховиком. Проанализировав то, что произошло в последнее время, я понял, что эта гнилая наводка на меня пришла от него. Именно эти 300 штук он хотел бы, чтобы я отстегнул тебе. Но, во-первых, у меня таких денег нет, а во-вторых, если бы и были, то с меня ни по каким понятиям, только если по беспределу, брать нельзя.

— Теперь мне рамс понятен, — как бы про себя произнес Асу.

— Ты, Асу, пойми правильно. У меня во дворе мои друзья, готовые в любую минуту за меня плечо подставить, при чем никто за деньги не подставляется, хоть и слышали о тебе многое.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — в том же тоне сказал Асу.

— Был бы дешевка, кенты не пришли бы.

— Тем более против тебя, Асу. И мне, если честно, не хотелось бы видеть в твоём лице врага из-за чистого фуфла Дамира.

Асу встал. Ребята тоже привстали.

— Все что, мне надо я услышал, — металлическим тоном произнес Асу.

Сава быстро спросил:

— А накольщика нам дашь?

— Асу никому и никого не отдает. Мои внутренние вопросы я сам решаю. А тебе, Мара, скажу вот что. Сегодня я, прежде чем прийти, собрал о тебе достаточно информации. У тебя хорошие друзья, хотя в этом варианте они ничего бы не решили. А сейчас я должен идти.

— Может перекусишь, выпьем за знакомство? — быстро предложил Сава.

— Нет, прощайте.

Асу уже выходил из калитки, когда Сава крикнул ему вслед:

— Если мы встретим Дамира, то...

Но Асу не дал ему договорить, он бросил на ходу:

— Вы его никогда не встретите!

Эти жесткие слова были последними, которые он произнес, выходя за калитку.

— Не понял, — тихо произнес Чика. — Что он этим хотел сказать и почему ушел так быстро?

— Приговорил он Дамира, — прояснил ситуацию Сава. — А не остался потому, скорее всего, что если бы по времени не вышел, то дом могли бы атаковать.

— Это как? — удивился Донат.

— Просто, — продолжил Сава. Понаедут машины с бойцами, гранатами, пулеметами, и будут атаковать.

В доме зазвенел телефон. Мара быстро подошел и снял трубку. Лицо стало взволнованным. Он быстро отвечал: «Нет, не трогать..., ты дал мне слово... Все, хорошо, потом поговорим». Мара положил

трубку и подошел к ребятам. Сава понял, что ему звонил Богдан. Он спросил у Мары:

— Ну что, не тронет? Кстати, а где его люди?

— Нет, не тронет! А насчет его людей он сказал, что на нашей улице ремонт асфальта еще не запланирован.

— Так эти асфальтировщики менты? — изумился Донат. — Вот курвы!

— Ладно, ребята. Я думаю, что сейчас самое время сесть за стол и отметить нашу победу! — с радостью в голосе произнес Мара. — И выпить за нас, друзей. Тем более, что это нам сам Асу сказал. Так что давайте все к столу.

Ребята праздновали до глубокой ночи, после чего легли и заснули глубоким сном. На следующее утро все вместе позавтракали и разъехались по домам. А Мара поехал к Богдану. Переговорив с ним, он поехал к себе на работу.

ГЛАВА 16

Трагедия

Прошла неделя. Рано утром Мара быстро позавтракал и вышел из дома, собираясь поехать на работу. Не успев сесть в машину, он увидел, что к его дому подъезжает Донат. Они приветливо поздоровались, и Донат спросил:

— Мара, ты уже видел Макара?

— Нет, — удивился Мара. — А что он приехал?

— Да, вчера ночью. Мне Ясон сегодня сказал и попросил, чтобы я за тобой заехал и забрал тебя к Макару.

— А что за спешка? Я хотел на работу заскочить, проверить.

— Ну давай заедем, а потом поедем к нему.

Так и сделали. Приехав на работу и быстро дав указания сотрудникам, Мара сел в машину Доната и поехал с ним прямо к Макару домой. Макар уже давно работал в столице и очень редко приезжал, и то, только потому, что здесь жила его семья, отец, мать, брат и сестра. Почти два года он создавал свой бизнес в сфере торговли на основе «купи-продай», чем, в общем-то, занимались все, кому не лень. Сам Макар был по натуре авантюристом и человеком, не боящимся рисковать. Он все время влезал в какие-то аферы, правда с некоей долей везения, но шатко и хрупко. Макар успел завести неплохие связи с серьезными и видными людьми, имевшими деньги и вес в определенных кругах.

О его приезде никто не знал, обычно он звонил, но не в этот раз. Донат и Мара подъехали к его дому и вошли во двор. Вокруг стояли машины общих друзей. Ребята сидели во дворе за столом. В глаза бросилось, что лица их были мрачными, без улыбок. Чувствовалось сразу, что-то произошло.

Макар встал и подошел к ним. Они обнялись. Вид у Макара был очень озабоченным. Мара сказал:

— С приездом, Макар. Что-то случилось?

— Как дела? — присоединился Донат.

Поздоровавшись со всеми, они сели за стол.

— Что-то вы все пасмурные сидите? Давайте, говорите что произошло? — спросил Мара.

Ясон, брат Макара, ответил:

— У Макара большие проблемы по работе.

— Главное, жив-здоров, — произнес Донат. — А проблемы — ерунда, решим. Вот недавно у Мары тоже были, но все решилось хорошо.

— Тут немного другое..., — медленно сказал Ясон.

— Расскажи, Макар, что случилось, — предложил Мара.

— В двух словах, ситуация такая, — начал Макар. — У меня был серьезный канал, где я брал шмотки с большой скидкой. Но там по мелочам не отпускали, только вагонами. Короче говоря, я подтянул в долю моих деловых друзей, которые вложили бабло. Деньги перечислили, а там мой человек неожиданно умер.

— Убили что ли? — спросил Донат.

— Не знаю. Но он был в возрасте, сказали инфаркт. Вообще бабки, которые мы им перечислили, официально у них на счету, а отступные — те, что мы отстегнули ему налом, которые он должен был занести наверх за товар, исчезли. Может его за эти бабки грохнули?

— Это много? — спросил Сава.

— Больше чем до хрена. 20% процентов от всей суммы!

— А официальные бабки тоже исчезли?

— Нет, они у них на счету, никто не трогает, и бабки могут вернуть, если товар не отпустят.

— Другими словами, верх накрылся медным тазом, — изрек Сава.

— Вот именно — согласился Макар. — И на мне зависли эти 20% налом. Я должен либо товар забрать, либо вернуть бабки.

— А ты думаешь, товар точно не дадут? — спросил Мара.

— Не думаю, знаю. Они сказали что вообще не имеют понятия, почему мы им перечислили деньги и, якобы, этот товар вообще должен идти в другой регион.

- Стопроцентное кидалово, — бросил реплику Сава. — Стопудовый лохотрон. И ты в центре, и все стрелки идут на тебя.

— Мои партнеры, которые вложили деньги, дали мне срок, или товар, или бабки. — приглушенно произнес Макар.

— Но ты же их передал, Макар? — задал вопрос Мара. — Или нет?

— Мара, клянусь мамой, отдал. Но их это не колышет. Я бы на их месте точно также поступил.

— Может надо поехать туда, и все выяснить? — бросил Донат.

— Я посылал туда человека.

— И что?

— Он исчез, — изрек Макар с горечью.

— Как исчез? — изумился Донат.

— Вот так, исчез и все, ни ответа, ни привета, ищи-свищи. Короче говоря, я сейчас в дерьме по самые уши.

— И сколько у тебя есть времени? — спросил Сава.

— Вчера кончился срок, по которому я должен был вернуть бабки.

— И что ты решил, Макар? — задал вопрос Мара.

— Пока не знаю. Приехал сюда, потому что Ясон сказал, что возле дома какие-то тачки курсируют.

— Может мы все соберем бабки? — предложил Мара.

— Там сумма огромная, да и к тому же срок вышел. Уже счетчик включен. — пояснил Макар.

— Может поехать и перетереть с ними? — спросил Сава.

— Ты имеешь ввиду с деловыми, или где товар заказывал? — спросил Макар.

— Да. И туда, и туда. — пояснил Сава.

— С моими деловыми перетирать уже не о чем, там либо товар, либо деньги. А вот поехать на базу и найти концы, я об этом думал, чтобы с кем-то поехать. — ответил Макар.

— Ну вот. Так и сделаем, человек пять-шесть возьмем, соберемся и поедим?! — заявил Мара.

— Мне не хочется вас подставлять, — решительно произнес Макар. — Я думаю, поехать с Ясоном. А вы пока здесь за семьей присмотрите, — предложил Макар.

— Ты, Макар. нигде за друзей заднюю не включал, и мы не собираемся, — решительно возразил Донат.

— Давайте решим, кто поедет, а кто будет хату охранять, — предложил Мара. — я думаю, поедим я, Донат, Чика, Сава, Тимур и Макар, а брат Ясон и остальные ребята останутся с семьей.

— Стволы будем брать? — спросил Чика.

— Какие стволы в самолет? — удивился Макар.

— Так поездом поедем, — предложил Тимур. Это далеко ехать?

— Не близко. В Среднюю Азию, а там сильно шмонают. Приедем, тогда что-нибудь придумаем.

В этот момент из дома во двор вышли мать и сестра Макара. Они несли тарелки с едой, а следом шел его отец. Он немного болел, находясь уже в пенсионном возрасте. Все немного приутихли, разговор перешел на другие темы, чтобы родители не о чем не догадались. Оставшееся время ребята ели, пили, разошлись уже за полночь, договорившись, что утром, Макар закажет билеты, и сообщит, когда выезжать. Донат отвез Мару к его машине, после чего они разъехались по домам. Рано утром Мару разбудил телефонный звонок, Мара поднял трубку и услышал голос Ясона:

— Мара, пахана нет.

— Что, умер? — с испугом спросил Мара.

— Нет, он вышел за калитку покурить и пропал. — с болью в голосе произнес Ясон.

— Я сейчас же выезжаю! — воскликнул Мара и повесил трубку.

Он быстро оделся и поехал к Макару домой. Во дворе уже были родственники. В стороне стояли Ясон, Макар и несколько ребят. Мара подошел к ним.

— Что случилось?

— Когда все ушли, мама и сестра убрали со стола, а отец вышел, как обычно, калитку прикрыть. Прошло минут десять, все уже было убрано, и мать спохватилась, что отца нет. Мы все выбежали на улицу, но там никого не было. Мы с Ясоном обошли повсюду вокруг, после чего поехали к ментам, написали заявление, но пока результатов никаких, — рассказал с горечью Макар. — Я знаю, они его украли. Это моя вина!

— Если его и правда украли, то мы быстро с ребятами соберем, что у кого есть, и отдадим, — постарался успокоить семью Мара.

— Он очень больной, без лекарств. Если с ним что-то случится... — приглушенно сказал Макар и прослезился.

— Да успокойтесь вы, — постарался приободрить Мара. — Он им не нужен, им бабки нужны. Ты лучше звони им скорее и назначь встречу.

— Да, я думаю ты прав, — сказал Макар, вытирая слезы. — Я сейчас же поеду на почту и позвоню.

— Зачем на почту? — сказал Ясон. — Звони из дома.

Макар зашел в дом, а через десять минут вернулся и разочарованно произнес:

— Никто там трубку не берет.

— Они могут сейчас не отвечать, как бы помариновать немного, — решил успокоить их Донат. — Но звонить надо через каждый час.

— Может к ментам съездить? — предложил Чика. — Может быть какая-то информация появилась?

— Я звонил недавно, — пояснил Ясон, — пока ничего.

Макар тихо отошел в сторонку. Видно было, что он в жутком состоянии. Мара хотел было подойти к нему, но потом решил не мешать Макару побыть наедине с собой и выплеснуть хотя бы часть эмоций. Макар был крепкий калач и достойно выходил из многих передряг, даже в свое время отсидел небольшой срок. Но сейчас он стоял, как на краю пропасти. Жизнь так сильно ударила его в этот момент, что ошеломление не проходило.

Мара мысленно представил, что если бы из-за него, из-за каких-то его дел, пострадал человек, который подарил ему жизнь, вырастил, вложил свое здоровье, душу, кормил, одевал, обувал. У Мары непроизвольно навернулись слезы на глаза, так сильно он прочувствовал возможность такого горя. Видя беспомощность и подавленность Макара, он не знал, что ему самому в этот момент сделать, как помочь другу. Все ребята стояли молча, опустив головы.

Прошло три дня, потом еще неделя, но никаких следов найти не удалось. Деловые партнеры Макара на связь с ним не выходили. Мать все время причитала и плакала, говорила, что она чувствует — отца уже нет в живых. Мать знала, что муж был очень болен. За 10 дней ни ответа, ни привета. Это действительно наводило на грустные мысли.

Ребята всегда были рядом с Ясоном и Макаром, старались их поддерживать. В городе ходило много разговоров об этом ужасе, а также немало сплетен, направленных против Макара. Люди всегда склонны к преувеличениям и разного рода небылицам, которые появлялись

ежедневно. Но все это было ерундой по сравнению с продолжавшейся неизвестностью.

В какой-то момент Макар дозвонился до своих партнеров, но они от всего отреклись и даже не подняли тему о деньгах, которые на нем висели. Мол, всякое бывает. Это же бизнес, потеряли в этом, заработают в другом. Исходя из этого, можно было сделать заключение, что отца его действительно в живых уже нет. Ведь украв кого-то, рано или поздно ставят ультиматум: мол, мы его вернем, если вы погасите долг. Во всяком случае, так должно было быть по логике, но этого не происходило. Скорее всего, похитители отца сами стали заложниками и виновниками его, может быть, случайной смерти. Мало ли что могло в этот период произойти, мог случиться инфаркт, кома или еще что-то. Ведь все понимали, что отца не воровали, чтобы убить. Им нужен был близкий человек Макара, из-за которого он бы и не думал их кидать, нужна была надежная гарантия.

Ужас от происходящего, да еще на фоне тяжелой болезни, свалился на пожилого и нездорового человека и, скорее всего, повлек за собой неожиданную смерть отца Макара. Это все, что досталось похитителям. И, что самое трагическое в этой ситуации, умирая, отец этим спас своего сына, как бы защитив его собой. Как потом стало известно, сумма была очень большой, даже если бы Макар продал свой дом и еще десять таких, то и тогда этих денег не хватило бы на погашение долга

Те люди, которые не остановились перед похищением, были очень серьезными. И, видимо, смерть отца Макара остановила их. Они не захотели идти дальше и брать на себя еще больший грех. Ни один нормальный и здравомыслящий человек не захотел бы, чтобы на нем была смерть невинного, больного и беззащитного. Но были ли эти люди нормальными и здравомыслящими? Нет, разумеется, нет. Скорее всего, они испугались того шквала мести, который может последовать за таким бессмысленным и жутким преступлением.

Для всех друзей Макара случившееся было большим потрясением. Они впервые сталкивались с такой тупиковой ситуацией в жизни, где они не могли ничего сделать и ничем помочь. Хотя, по большому счету, многие и винили Макара в смерти отца, но, оставшись в живых, он пострадал больше всех и будет страдать всю свою жизнь.

Вскоре Макар уехал совсем, и ребята больше с ним не стыковались. За день до его отъезда, Мара подъехал к его дому, но заходить не стал, а позвал Макара к себе в машину. Они отъехали от дома, и остановившись за углом. Мара достал водку и закуску. Вытащив два граненых стакана, Марк налил в них водку и, не чокаясь, они выпили и медленно закурили. У Макара на глазах выступили слезы.

— Мара, спасибо, — медленно произнес Макар. — Я не знаю, что делать и как мне жить дальше! На мне большой грех, смерть моего родного отца., — и Макар начал плакать.

Мара налил еще водки и протянул ему стакан. Они молча выпили, чуть-чуть закусили, после чего опять закурили.

— Знаешь, Макар, я не знаю, что в таких случаях говорят и советуют, просто не представляю. Я не знаю, как и в чем тебе помочь, но одно я знаю точно, тот кто это сделал, должен быть наказан!

— Тот кто это сделал сидит рядом с тобой, — глухо произнес Макар. — Это я убил его, я, я... Макар закрыл лицо руками и опять заплакал.

— Перестань Макар, и не бери на себя вину убийц.

— Мара, боже мой, Мара, что я наделал! Лучше бы они меня убили, будь они прокляты, — почти крикнул Макар, после чего уже шепотом продолжил. — Хотя я уже тоже живой труп.

— Живых трупов не бывает, — ответил ему в задумчивости Мара. Хотя знаешь, иногда мне кажется, что, может быть, всего этого нет.

Макар на мгновение задумался и, протянув стакан, сказал:

— Наливай!

Мара налил ему и себе.

— Чего ты сказал нет?

— Всего. Тебя, меня, этого мира!

Они выпили и снова закурили.

— Ну смотри, Макар, — продолжил Мара, будучи во хмелю и все больше углубляясь в философские темы. — До рождения ничего для тебя не было, и после смерти тоже самое.

— Ну? — также находясь во хмелю, с интересом спросил Макар.

— Значит мы с тобой ничего не знаем, ни до, ни после. И ничего не видели, только во время нашей жизни, так?

— Ну?

— Вот я и говорю, может его тоже нет, нашего существования? А мы так и плаваем, как молекулы, в пространстве.

— Это как?

— Ну посмотри. Не знает же муравей ничего о рыбах, а те, в свою очередь, о нас. То есть, измерения другие. И мы все видим во время жизни то, что нам позволено видеть. Вот смотри, например, порезал ты палец, он у тебя болит, пока он с тобой. А если ты его отрезал, то ты не знаешь, что с ним происходит без тебя. Так и мы, я думаю.

— Ты это все к чему, Мара?

— Да, наверное, как-то пытаюсь тебя успокоить, говоря о несовершенном мире вокруг нас. Знаешь, как говорят, от судьбы не уйдешь, имеется ввиду, что рожденный утонуть не повесится.

— Ты хочешь сказать, что такая судьба была у меня и моего отца?

— Думаю, да. И ты, хоть лбом о стенку бейся, этого не избежишь!

Мы, видимо, ничтожные винтики в этом мировом механизме, и как нас закрутят, так мы и вертимся, считая, что это мы всем руководим.

— Мара, ты в бога веришь?

— Люди говорят, веришь не веришь, это ничего не меняет, что бог в каждом из нас, и мы сами себе бог!

— По мне, Мара, люди не боги а звери. Да и звери перед людьми ничто, так божья роса. А все самое мерзкое, жестокое, пагубное происходит от людей. Вся история человечества протекает в войнах, убийствах, изнасилованиях, погромах. Такого страшного чудовища, как человек, нет на всей земле!

— Ты, Макар, видишь все в негативе. А как же те люди, которые восстали против людей-чудовищ, жертвуя своими жизнями, защищая идеалы любви, радости, тепла. Ведь рождаются все одинаково и растут, окруженные материнской любовью и желанием матери, чтобы ее дитя было добрым и светлым. Это потом они становятся гитлерами. А суть происходящих в человеке изменений никто толком не объяснил и не осознал. Пришел в мир, прожил, ушел, и никто не знает, как это все работает; по крайней мере из живущих еще людей. А то, что ты спросил про веру в бога, я думаю, что человек не в состоянии остаться один на один в окружающем его мире, мы все несовершенные существа, которые кому-то в конечном счете должны подчиняться.

— Ну ты, Мара, в философию подался?

— Да нет, какой из меня философ. Это я на примитивном уровне личного состояния души и чувств иногда задумываюсь о том, кто мы на самом деле, для чего рождаемся, живем и также неожиданно исчезаем. Вот смотри, Макар. Мы с тобой сейчас находимся, согласно истории мира, в своем отрезке времени. То, что происходило до нас, было кое-как людьми описано, но мы не знаем, что происходит сейчас, и что будет потом. Мы можем только воспользоваться догадками разных ясновидящих, экстрасенсов и прочих шарлатанов. И, только, воспользовавшись сведениями из истории, мы понимаем, что в мире доминируют добро и зло, которые исходят от самих же людей. Вот ты как считаешь, Макар, ты и я, мы люди добра или зла?

— Ну я-то точно зло, если из-за меня убили моего отца.

— Ладно, задам тебе вопрос по другому. Ты хотел, чтобы отца убили? Смог бы ты сам это сделать ради чего-то?

— Ты что, Мара, с ума сошел? Как я мог бы даже подумать об этом?

— Вот. Значит ты не хотел, чтобы это произошло.

— Тут даже спрашивать не надо об этом!

— Значит, опять-таки ты считаешь, его убили из-за тебя? Так?

— Да!

— Значит он непредумышленно оказался орудием возмездия за то, что хотели сделать с тобой?

— Ну, примерно так. — согласился Макар.

— А теперь представь себе ситуацию. Скажем, кристально чистая, добрая, красивая женщина, которая хочет любить, рожать, созидать, полюбила человека, за которого ее не хотят отдать, а ее возлюбленный начинает за нее бороться. Как ты считаешь, она — зло или в чем-то виновата?

— Думаю, нет.

— А теперь представь, что эта женщина, допустим, принцесса, а ухажер — глава другого государства, и он начинает войну за любовь со всей ее страной. В истории эти случаи известны и описаны. Во время этой войны умирают десятки тысяч прекрасных, умных, талантливых, молодых людей, которые росли в добре и были вынуждены, чтобы выжить, перерезать друг другу глотки. А все это ради добрых побуждений и любви к женщине.

И кто же эти люди, добро или зло? Те, ради которых погибло огромное количество других людей, идущих на войну из-за кого-то, или чего-то. Те, кто до этого были добром, становятся для кого-то злом. И те, кто стал этим злом, казнят себя пожизненно, хотя лозунги, с которыми они шли на войну, провозглашали, что все эти убийства совершаются во имя добра.

— Но ведь эта женщина не виновата, что он из-за нее начал войну!

— Да, попал в точку. Она чиста и добра, но невольно стала причиной катастрофы.

— Ты хочешь сказать...

— Да, Макар. Я хочу тебе сказать, что ты никого не убивал, не грабил и никому не хотел причинить вреда, а все равно косвенно стал причиной действий злых и жестоких людей, готовых ради денег убить человека. Знаю, от этого тебе не легче. Но мы все уверены, и ты понимаешь, что никогда не желал такого ни себе, ни чужим людям!

Наступила пауза. Макар налил еще водки и, подняв стакан, тихо произнес:

— Спасибо, Мара! Ты меня подлечил, но не вылечил. Мне с этим всю оставшуюся жизнь идти надо. Нет мне прощения ни перед родными, ни перед отцом, ни перед богом. Спасибо Мара!

Макар выпил, после чего обнял Мару и, попрощавшись с ним, вышел из машины...

ГЛАВА 17

Бандюги

...В один из вечеров Мара, сильно простыв, лежал дома и смотрел телевизор. К нему зашел Наум. Он пришел со свадьбы.

— Ну, как была свадьба? — спросил у него Мара.

— Как обычно, нормально, если не считать инцидента с Тимуром, Донатом и Денисом, — с огорчением произнес Наум.

— Какого инцидента? — настороженно спросил Мара. — Они что в аварию попали?

— Нет, они избили водителя автолавки.

— Какой автолавки? Зачем?

— У Тимура есть водитель автолавки, который возит с Денисом и Донатом товар на реализацию.

— А зачем они его били?

— Как я понял, этот водила возил их за определенную сумму, а потом, когда он увидел, какие бабки они заколачивают, решил с этой поездки удвоить сумму.

— И что?

— Они ему сказали, что договор есть договор, а в следующую поездку дадут больше.

— Ну? — с нетерпением спросил Мара.

— А он им нагрубил. Денис когда пришел на свадьбу, рассказал об этом Тимуру, и они втроем, пьяные, поехали к водиле и вызвали на разговор, а тот их послал. Тогда Тимур ему въехал.

— Сильно?

— Говорят, что отвезли в больницу.

— Вот идиоты, — возмутился Мара. Они что, совсем пьяные были?

— Да, видимо.

В этот момент кто-то позвонил в дверь. Мара открыл, на пороге стоял Донат. Он был очень взволнован. Мара и Наум почти одновременно спросили:

— Что-то случилось?

— Толком не знаю. Я пришел домой, и сестра сказала, что меня искали человек десять, похожих на уголовников, и Тимура спрашивали. Я поехал к Тимуру домой и понял, что они уже у него были и вырубili его ударом монтировки по голове.

— Живой?

— Да, еле очухался. Он поехал к Саве домой, там сбор всех ребят. А я за вами пришел.

— Сейчас едем, — сказал Мара. — Я быстро оденусь.

— Ты же болен? — заметил ему Наум.

— Дайте пять минут, и я буду готов.

Через десять минут они уже ехали домой к Саве.

— Это что, водитель автолавки привел на вас эту бригаду? — поинтересовался Мара.

— Нуда, его же Тимур сильно поколотил. — оправдывался Донат.

— А почему сбор у Савы? — спросил Мара.

— Этот водитель забирал Дениса из дома Савы, поэтому к нему пришел человек и забил стрелку через час.

— А как себя Тимур чувствует? — спросил Мара.

— Говорит, что сильно голова болит.

— Может ему срочно к врачу поехать? Мало ли что может быть, сотрясение, кровоизлияние? — спросил Наум.

— Сейчас приедем, увидим. — заключил Донат.

Они подъехали к Саве домой и зашли во двор. Там уже почти все собрались. В центре сидел Тимур с перебинтованной головой. Мара спросил:

— Что происходит? Тимур, как голова? Может быть тебе надо в больницу, вдруг сотрясение мозга?

— Привет, Мара — ответил Сава. Конечно, ему надо в больницу, может там ему новые мозги выдадут.

— Опять начинаешь, глухо произнес Тимур. — И так тошно.

— Так что случилось? — повторил вопрос Мара.

— В двух словах, — начал объяснять Сава. Эти три мерина наклюкались на свадьбе водяры и поехали оттуда к водиле домой, выдернули этого бедолагу из хаты и отоварили. А он, видимо знает каких-то бомбил, которые сразу поехали на хату Доната и, не найдя его дома, поехали к Тимуру. Эти деятели вызвали его на улицу и сразу

отоварили дубинкой, после чего он так и лежал без сознания, пока соседи не нашли. Хорошо еще, что живой остался, видно, голова деревянная, — уже язвительно закончил Сава.

— И что потом?

— Потом они ко мне нарисовались, искали Дениса. От меня же водила его все время забирал, а я им через форточку крикнул, что Дениса дома нет. Как почувствовал неладное. А они мне ответили, что через час вернутся.

— А что за черти? — спросил Мара.

— Не знаю, — ответил Сава. — я через окно мельком разглядел, но такие рожи, скажу по опыту, не видел. Ясно, что беспредельщики явные. Они Тимура насмерть били, просто у него голова крепкая. Мне моя чуйка подсказывает, что с ними надо быть наготове ко всему. Стволы мы все приготовили, и как только типы эти подведут, чуть что, их сразу валить надо. Они не подарок.

— Денис, а что это за водила с такими крутыми связями? — спросил Чика?

— Он даг!

— Кто?

— Даг. Ну дагестанец безбашенный.

— Вполне возможно он своих и привел. — пояснил Сава. — А они звери жестокие, их только шмалять надо.

За калиткой в этот момент послышался шум нескольких машин. Сава погасил свет во дворе. Чика выглянул через забор и насчитал около пяти машин. Почти все без номерных знаков и с затемненными стеклами.

Друзья быстро вышли на улицу и, вытащив пистолеты, передернули затворы. Против них стояло человек пятнадцать также хорошо вооруженных, крепко сбитых парней. Чика выдернул чеку из гранаты и, замахнувшись, крикнул:

— Всех положу, стволы бросайте!

Напряжение зашкаливало. Обе группы направили оружие друг на друга. У некоторых из них были и автоматы Калашникова. Но никто не решался сделать первый выстрел. Через несколько секунд, от них вышел коренастый парень и спросил:

— Кто из вас Сава?

Сава тоже сделал шаг вперед.

— Я Сава, ты кто?

— Я Муса. Отойдем, поговорить.

Сава, Мара и Муса с одним парнем из его команды, отошли в сторону. Первым завел разговор Муса:

— Вы кто и под кем стоите?

— Под собой стоим, ответил Сава. — В зоне под Гурием ходил, если слышал о нем?

— Это не из Камской зоны? — спросил Муса.

— В десятку попал, — подтвердил Сава. — Значит знаешь его.

— А ты там Беру видел?

— Конечно видел, мы с ним кентовались. Он даг, откуда его знаешь?

— Мой кореш, я тоже даг!

Муса повернулся к своему помощнику и что-то ему повелительным тоном сказал на своем языке. После чего тот быстро подошел к своим ребятам, и многие из них опустили оружие, а некоторые сели в машины. Мара тоже подошел к ребятам и сказал им чтобы они не кучковались, а разошлись друг от друга на расстояние, но оружие держали наготове, хотя накал напряженности резко спал. Мара вернулся к Саве.

— За что сидел? — спросил Муса у Савы.

— По малолетке, кесарем чирканул одного лоха, — сказал Сава. — А ты откуда, и кто это с тобой?

— Это моя бригада, — пояснил Муса. — Мы здесь сейчас залегли немного, слишком много шума на Украине замутили. Может слышал о нас, я Мусадаг.

— Так это ты Мусадаг? — искренне удивился Сава. — Мне Бера немало рассказывал о тебе. Надо же, как мир тесен. А здесь как оказались? Неужели из-за водилы?

— Да какой на хрен водила, — ухмыльнулся Муса. — Мы здесь отсиживаемся у одних наших братков, пока там буза уляжется. А водила этот одного из наших знает, так, иногда харчи нам подкидывает. Он нам поплакался, что его, как лоха, на бабки развели, да еще и отварили, вот мы и подтянулись за него!

— Так он вам туфту прогнал, его никто на бабки не швырял. Он за штуку подписался, а когда увидел навар от рейса, то сразу слюнки потекли и хайло свое раскрыл, мол, еще штуку подкатите.

— За базар отвечаешь? — серьезно спросил Муса.

— А ты, Муса, его спроси при нас. Я за свой базар всегда отвечаю, — в том же тоне ответил Сава.

Муса окриком подозвал одного из своих, и тот через минуту подвел к ним водилу. Муса у него спросил:

— Ты за сколько грузился ехать?

— Муса, брат, так дело не в этом. — стал оправдываться водила. — Они меня одного втроем отоварили.

— Ты что глухой или вопрос не понял? — грозно спросил Муса.

— За штуку, — быстро ответил водитель.

— Значит ты за штуку подписывался?

— Ну, Муса...

— Отвечай на мой вопрос, — жестко прервал его Муса.

— Да, точно. За штуку.

— А зачем просил две? — продолжил пытаться его Муса.

— Так я же говорю, они на этой ходке хороший навар сняли...

— Заткнись — бросил Муса, и что-то сказал ему на своем языке.

Водитель, чуть не плача, стал извиняться перед Мусой, но Муса резким ударом в челюсть просто вырубил его. Двое парней подобрали бедолагу и унесли в машину. Муса повернулся к Саве, и, как ни в чем не бывало, спросил у него:

— Скажи, Сава, а ты с Гурием контактируешь?

— Иногда маляву запускаю, а что?

— Просто передай ему от меня привет.

— Базара нет, передам.

— Добро. С этим дебилом мы сами разберемся, он правильных людей в непонятку ввел. Если, в будущем, будешь на Украине, найди меня! — сказал Муса.

— Хорошо Муса, — ответил дружелюбно Сава. — Буду в тех краях, обязательно заеду. Мой дом ты уже знаешь. Если надо заходи, двери открыты!

— Спасибо, Сава, — сказал Муса и протянул ему руку. — Мы поедем. Если есть хорошая тема, цынкани, подтянемся.

— Лады, — сказал Сава, тоже пожав ему руку.

Муса также пожал руку Маре, после чего пошел к машине. Они уехали.

Подошли все ребята, Тимур хмуро спросил:

— Это что за зверьки были?

Пацаны, вы даже не представляете, с какого мы крючка соскочили! — с большим облегчением сказал Сава.

— Может они? — отреагировал Тимур.

— Я его сейчас первый раз в жизни увидел, а так в зоне о нем легенды ходили, — не обращая внимания на слова Тимура, продолжил Сава.

— Что за легенды? Жуткий тип! — спросил Мара.

— Короче, это бригада мокрушников. За ними вот такой шлейф убийств тянется, — сказал Сава. — Они, в основном, по Украине промышленяют. Этому жуткому типу пол-Украины платит. С ними одно правило, если нет мирного расхода, то они всех валят, третьего не дано. Я так скажу, Донату повезло, что его дома не было, а Тимура они валили. Просто у него башка дубовая, уцелел. И сюда они ехали всех нас валить.

— Ну, и почему же не завалили? — задал вопрос Чика.

— Во-первых, мы же вышли тоже с пушками, хорошо еще, что Чика вовремя гранату вытащил. Видимо, их это удивило. А во-вторых, при базаре мы обосновали, что этот водила им прогон засветил. Ну, и в-третьих, я с ним общих знакомых нашел. Думаю, просто повезло.

— Кому? — не успокаивался Тимур.

— Хорош, Тимур, в героев играть. Я вам говорю, что это очень серьезная и жестокая бригада убийц. Просто сегодня карты в нашу пользу легли.

— Волков бояться... — начал было Донат, но Мара прервал его.

— Сава молодец, сделал все правильно. Нам эти головные боли были сейчас совсем не нужны, тем более они все наши хаты высветили. Так что, мы удачно с ними разбежались. Кстати, уже два часа ночи, давайте прощаться, а то дома все волнуются, особенно после приключений Тимура. Да и я тоже болею прилично. Так что по домам, друзья!

С мудрым советом согласились все.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

«ЖИЗНЬ БЕЗ ШУТОК?!»

Во второй части книги вы опять встретитесь с Марой и его друзьями, узнаете о новых испытаниях, которые выпали на их долю, вы прочитаете и о борьбе за выживание, и о вынужденной необходимости исхода многих семей за пределы республики и страны...

Вы познакомитесь еще с одним моим героем, вернее героиней — маленькой хрупкой женщиной, которая смогла стать лидером общины и даже депутатом Верховного Совета республики. Она, благодаря своей смелости, непримиримости и неподкупности выходила победителем не только в противостоянии с бандитами и взаимодействии со структурами власти, но и в мирном урегулировании различных конфликтов.

С уважением, автор

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГЛАВА 18

Доилловка

На следующий день Тимуру стало хуже. Все-таки уговорили его лечь в больницу. Врачи диагностировали у него сотрясение мозга. Вокруг раны у него образовались гематомы. По странному стечению обстоятельств, в его же палату положили водилу, из-за которого он пострадал. У того была выбита челюсть, заплывший глаз, половина рта оказалась без зубов. Этому бедолаге досталось с двух сторон, от тех, кто его обидел и от тех, у кого искал защиты. Теперь старая поговорка «жадность фраера сгубила», относилась к нему на сто процентов.

Тимур пролежал в больнице две недели, после чего врач выписал ему таблетки и отпустил домой, наказав ему строго — настрого соблюдать постельный режим и принимать лекарства.

За несколько месяцев в среде криминального мира произошли перемены. Почти все отрасли, приносящие деньги в казну, были обложены оброком. Власть и криминал окончательно соединились и доили все, что шевелилось, хоть и дышало на ладан. Дошло до того, что брали деньги, ладно бы еще со свадебных торжеств, но и с похорон, а несогласным угрожали, что вместо одного покойника, будет несколько. В этой круговерти безнаказанности, мародерства, жестокости, насилия очень многие оставляли дома, работы, собрав скудные вещи, ночью убегали из этого болота.

За полгода, с момента отъезда Лавра в другой регион, алчность Абу, который плотно сидел на наркотиках, не имела границ. Если Лавр как-то выстроил более менее доверительные отношения между криминалом и бизнесом, то после него Абу зверствовал. Его отморозки внаглую заходили в дома, грабили, насиловали, брали заложников, требуя за возвращение непомерные суммы. Каждую ночь, люди делились новостями — к кому пришли, кого забрали. Все это напоминало сводки с поля битвы, только убитыми были не фашисты, а те, кто были твоими соседями, друзьями, знакомыми, родными.

Все это не могло не угнетать Мару и его друзей, которые еще, где-то в глубине душе надеялись, что это временно, но к сожалению этому временно не было конца. Мара заехал к Ноте передать ему месячную посылку в зону, и застал его в глубокой задумчивости и озабоченности.

— Что-то случилось? — спросил Мара у Ноты. Ты какой-то от-решенный.

— Абу умер! — с волнением в голосе ответил Нота.

Мара присел на стул и присвистнул.

— Умер или убили? — спросил Мара.

— Сам в непонятках, — задумчиво произнес Нота. — Муфа сказал что от передозировки, а там иди и гадай!

— А когда это случилось?

— Вчера ночью! Я когда у него был, одну тему перетирал, он выглядел как обычно!

— И что думаешь,? — спросил Мара. — Ему кто-то помог?

-Да, по ходу думаю, не без этого, уж больно многим деловым он воздух перекрыл.

— С ним постоянно Дамир и Муфа, думаешь они?

— Вряд ли, также задумчиво продолжил Нота. — Дамир безмоз-глый, и с ним он был как у Бога за пазухой, так что Абу для него выше крыши и на все дела его поганые глаза закрывал. И, кстати, Дамира я давно не видел. После той разборки с Асу у тебя дома, так и не появ-лялся, может на Асу шестерит?

— Тут я без понятия! — ответил Мара. — А Муфа?

— А Муфа на это без меня не пойдет, он не безпредельщик, по понятиям живет! У Абу была одна телка из больницы, она ему только уколы делала, причем давно. Я только в этом зацепку вижу.

— Допустим, сказал Мара. — Тогда другой вопрос, кто ее к этому принудил?

— А вот тут прозвон может быть разный, — оживился Нота — либо наши, либо власть, либо деловые!

— Давай прикинем, — так же заинтересованно продолжил Мара. — Пойдем логически по цепочке. Начнем с блатной, ты в этой теме больше варганишь. Кто на его место метит?

— Ну тут долго думать не надо, сказал Нота. — В республике две большие нации. Хотя в преступном мире национальность не в счет, но все равно идти по этой дорожке, то большинство за ним, процентов

восемьдесят. Так что остаток не в пользу их авторитета Омара, и они не плохо между собой варились. Поэтому шансов здесь мало, хотя и есть. А деловые?

— Деловые все отстегивают, — начал Мара. — И честно говоря, я бы хоть краем уха об этом знал. Все-таки мы пересекаемся, ну какой-то слушок был бы, хотя тоже на 100% не уверен. А вот насчет власти, тут пицца богатая. Прикинь, Лавр уехал и пошел полный беспредел. Даже с похорон стали дань брать. Народ сильно недоволен властью, могут бунт сделать, а этого они допустить не могут, сами себе яму наруют.

Абу оборзел, как кость в горле стал власти, а им лакей— беспредельщик не нужен. Так что Нота, сдастся мне, тут власть подсуетилась. Я попробую через свои каналы пробить. Но в любом случае, Абу нет. Кто вместо него?

— Тут воры решать будут. У них скоро сходка будет, увидим! — Ты про Омара замолвился. Что он за тип? — спросил Мара. — Хитрый, на рожон не лезет, границы не загибает. А что спрашиваешь, где до рогу перешел?

— Мне нет, но у моей жены родственник на их территории, на базаре шмотками торгует, и они наехали на него, прессуют, все отобрали и еще напрягают!

— Это не проблема. Давай завтра после похорон Абу, он там тоже будет, вместе к нему подойдем и перетрем. — Спасибо Нота, а во сколько похороны?

— Думаю в 11 утра!

— Хорошо, я у тебя в 10 буду. Давай я поеду, еще надо с ее родственничком поговорить, узнать что к чему.

Мара приобнял Ноту и уехал. Подъехав к дому он увидел на обочине машину. Мара вышел. Из машины появился мужчина и пошел в его сторону. Это был его родственник Леня. Мара очень удивился, но виду не подал. Они приобнялись. Лицо Лени было очень серьезное и испуганное, он сказал:

— Я тебя здесь уже час жду!

— А что в дом не зашел? Что-то случилось?

— Да, и очень серьезное!

— Заходи, поговорим, сказал Мара, открывая калитку.

— Нет, давай сядем в машину, я не хочу, чтобы наш разговор кто-нибудь слышал!

Мара недоумевал, но, прикрыв калитку, сказал:

— Хорошо в твоей? Моей?

— Не имеет значения, — бросил Леня и пошел к машине Мары.

— Давай в твоей.

Мара и Леня сели в машину.

— Ну скажи, наконец, что случилось. Ты какой-то сам не свой?

— Пропал Гошка, уже второй день его нет.

— Сын Гошка? — Глаза Мары от удивления округлились. Как пропал, он же не ребенок?

— Вот именно, я уверен, его похитили!

— С чего ты так думаешь? Может загулял с какой-нибудь девахой, и отдыхает.

— Нет, не отдыхает. Я был у моих людей в следственном отделе и дал им номера машин, которые позавчера кружились вокруг моего дома. Соседи записали и дали их мне. Они сказали что это машины от банды какого-то Омара! Мара, это могут быть те же люди Абу?

— Ни хрена себе вечерок начинается, — вырвалось у Мары. Он вспомнил разговорой с Нотой об Омаре.

— Ты говоришь, бригада Омара? Тут нет никакой ошибки?

— Нет, они назвали его имя. Кто это? Ты о них слышал?

— Буквально полчаса назад я о нем услышал от одного человека.

Но именно сейчас в день смерти Абу.

— Какой смерти? Что Абу умер? — удивился Леня.

— Да, сегодня. А завтра похороны!

— Мара, я не знаю, что делать!

— Хорошо. Успокойся Леня. Скажи мне, никто с тобой не связывался?

— Пока нет!

— Понятно, значит мурыжат!

— Что? — недоуменно спросил Леня.

— Это я так, про себя. У них тактика такая, дать помучаться, а потом требование выдвигают, то есть бабло качать!

— Мара, я тебя умоляю, помоги. У тебя же с ними большие связи. Менты сказали, что надо ждать, пока они свяжутся. Что будет с Гошкой, ведь он по сути еще пацан. Я вчера попросил моего партнера поехать к этому Омару, он знает каких-то людей из его команды. Он с кем-то говорил, но пока никаких результатов.

— Не накручивай себя, они его не взяли, чтобы убрать. Им нужны бабки, а не Гошка, — сказал Мара и, подумав, продолжил, — Так, Леня, давай сделаем вот что. Ты езжай домой, а я кое-куда поеду и попробую пробить по моим связям.

— Может мне с тобой поехать?

— Нет, в этот раз я сам. Один поеду!

Леня быстро посмотрел на Мару, явно понимая намек на старое, но тут же опустил глаза, только сказав:

— Никому не возможно вернуться в прошлое и что-то изменить, подвластно только будущее, чтобы исправить ошибки.

— Не надо, Леня, проехали. Прошлое ворошить, в настоящем плохо жить. Ты поезжай домой, а я попозже к тебе подъеду.

— Хорошо, Мара, я тебя жду. Леня вышел, пошел к своей машине и уехал.

— Интересное кино получается, думал Мара, только о нем поговорили с Нотой, и он появляется, как черт из табакерки. Если это Омар, то он, наверное, знал, что Леня сидит под Абу, и вряд ли внаглую полез бы. Но Абу умирает и еще не остыл его труп, как пауки зашевелились. Опять будут пирог заново резать.

С этими мыслями Мара подъехал к>Note. Через пять минут, он все ему рассказал, тут уже Нота присвистнул от удивления.

— Да, Мара, весело тебе с родственниками, Бог тебя не обделил!

— От даров Бога мы не можем отказываться! — философски заметил Мара.

— Ладно, сказал Нота. — Сейчас поедem к Омару, у меня с ним свои отношения, и я думаю, если это его дела, то пацана я у них заберу, но этот рамс будет очень дорого стоить!

— Ты о деньгах, Нота? Думаю Леня не будет за сына торговаться!

— Нет, здесь речь не о деньгах, хотя его босоте какуюнибудь кость кинуть надо будет.

— Тогда о чем?

— Ты об этом не знаешь. Лет десять назад, еще при хороших временах, ты помнишь, я вольником боролся, пока не перешел в классику!

— Да!

— Так вот тогда Омар в нашей команде был. Короче говоря, мы ехали в Ростов на соревнования. Отборолись, я тогда взял два места в «юношеской», а Омар призером стал, и решили это отметить. Мы

пошли на дискотеку, выпилии, курнули и с телками зависли. А под утро к этим телкам их хахали пришли, человек пять их было. Мы вышли на ступеньки в подъезде и стали спускаться вниз, а они, неожиданно, сзади напали, с дубинами, кастетами. Началась свара, мы двоих уложили, а снизу еще подскочили пару человек. Омар к ним спиной был, а я увидел как один из них замахнулся на него с пером в руках, я только успел Омара оттолкнуть, и поймать перо себе в живот.

Я упал, а Омар их отогнал. В общем, меня увезли в скорую, еле выжил, и с тех пор он мой кровный должник. А это, ты сам знаешь, дорого стоит, за деньги не купишь. Просто я тебе сразу же хотел рассказать, но теперь ты знаешь все. Поэтому если это он, то твоему Лене фарт по жизни.

— По этим рассказам, если ты его даже убивать будешь, он это схавать должен. А это действительно ценно, и не получить ни за какие бабки!

— Ну до этого, я надеюсь, никогда не дойдет, а остальные проблемы с ним решаемы. Ну что ж, поехали!

Через полчаса они заехали в тупиковую улицу прямо к большому забору, около которого стояли две машины. В них сидело несколько человек.

Едва Нота с Марой остановились, они вышли и сразу обступили их машину.

— Кто такие, — спросил один из них, видимо главный в их команде.

— Скажи Омару, что его хочет видеть Нота. И, повернувшись к Маре, тихо сказал:

— Будем сидеть в машине, пока не позовут.

— Нехитро он обложился, — промолвил Мара, оглядываясь по сторонам.

Через минуты три, крепыш вернулся и сказал>Note:

— Идите за мной, Омар сидит в доме! Нота и Мара вышли из машины и последовали за ним. Пройдя ворота, они увидели в глубине двора огромный особняк с колоннами и большой террасой! Крепыш провел их в холл дома, предложил сесть на диван, а сам вышел из комнаты.

— А почему они нас не шмонают? — тихо спросил Мара у Ноты. — Может мы с пушками пришли валить его?

— Через одно из этих высоких зеркал кто-то стопудово за нами наблюдает, а я думаю, что увидев меня, ему не надо будет нас шмонать!

Дверь в центре зала распахнулась, и из нее появился парень крепкого телосложения. С улыбкой он подошел к Ноте. Мара и Нота встали.

— Какие люди и без охраны, — сказал он, приобняв Ноту. Протянув руку Маре, добавил: — Я Омар!

— Я Мара, — сказала Мара, вплотную рассматривая Омара. В глаза сразу бросились поломанные уши, первый признак принадлежности человека к борцовским видам спорта. Также понятен был и прямой острый взгляд, который выдавал цельность характера.

— Я тебя тыщу лет не видел, Нота. Какими судьбами? — сказал Омар, предлагая им сесть, и присаживаясь напротив них.

— Я тебя тоже, — сказал, садясь, Нота. — Вот жизнь пошла, ощущение такое, будто к папе Римскому на прием пришел. Охрана, замок. Давно мы не виделись!

— Ты на это не смотри, это так, шелуха. Статус обязывает, да и молодым пример, куда стремиться. Думаю, что ты в час ночи приехал не в музей. Кстати соболезную, знаю ты с Абу очень близок был. Царство ему там, завтра обязательно буду на похоронах. Но я не думаю, что ты из-за этого здесь. Что случилось, Нота?

В зал зашла женщина и принесла чай. Поставив все на стол она вышла.

— Может что погорячее? — спросил Омар. Там в баре есть.

— Спасибо Омар, лучше чай! — сказал Нота и, отхлебнув глоток, продолжил:

— Да, Омар, к сожалению то время, как раньше, когда мы не расставались, ушло. Это кент мой, Мара. Мы с ним в классике боролись. Короче говоря, тема такая. Хотя их две, начну с маленькой. У его жены родственник недавно откинулся и на вашем базаре барыжничать начал, а его твои люди прессанули, товар забрали и вход закрыли.

— Ну это, я понимаю, не то, ради чего ты приехал, — прервал Ноту Омар. — Это не вопрос, назови имя и с завтрашнего дня у него зеленая дорога! Говори о главном. Хотя я догадываюсь, о чем базар будет. Он что, родственник твоего кента?

— Да, он его племянник, — ответил Нота.

— Где прокол был? Напрямую спросил Омар у Ноты.

— Года два назад Абу его под себя подмял, но у этого дельца крутые подвязки и с ментами, и с политиками. Короче говоря, он за свою хату ментам приплачивает, и они наружку ведут. Номера тачек засветились, и концы к тебе привели. Но терпила ментам фас не дал, а Мара его родственник, ну а так как мы с ним кенты, он его торпедой запустил, сам понимаешь!

— Нота, ты даже себе не представляешь насколько он фартовый! Кто бы не пришел, кроме тебя, у него были нулевые варианты. Он не в рубашке, он в шубе родился!

Мара сидел и молча слушал их разговор, понимая, что Нота сам все разрулит.

— Омар, ты меня по жизни знаешь, мне тебе нечего объяснять. Отпусти пацана, любой другой вариант неприемлем. Ты знаешь, я не могу требовать, я к тебе, как к кенту пришел, это ради меня!

— Нота, ты мой кровник по жизни. И все, что касается тебя, для меня табу. Завтра пацан будет дома, ты же понимаешь, он не здесь, я бы его с тобой отпустил.

Омар повернулся к Маре и произнес:

— А ты передай своему родственнику, чтобы он приземлился и не дергал быка за рога. А свои бравые связи пусть засунет, они нам не преграда. Пусть на Ноту молится, единственный в этой ситуации шлагбаум. А ты, я вижу, парень достойный, раз за тебя Нота пришел, — сказал Омар и, встав, протянул руку Маре.

— Вот тебе моя рука, друг Ноты навеки мой друг.

Мара пожал руку и ответил прямо:

— Спасибо, Омар!

— Спасибо Ноте скажешь!

— Да и это, — продолжил Мара, — я понимаю ситуацию, может где-то, кому-то помощь нужна, я имею ввиду денежная, так мой родственник готов.

— За то, что я сейчас делаю для Ноты, твой родственник никакими деньгами не откупился бы. Хватит об этом. А теперь пойдете в гостинную, а то уже барашек на вертеле. Как ни как, но за встречу без угощения я вас не отпущу!

Омар увел их в гостинную. Через два часа, после позднего ужина, Мара и Нота ехали обратно. Будучи под хмельком, оба закурили, и Мара произнес:

— Нота, я у тебя в большом долгу, ты сейчас, конкретно, охрени-тельную боль снял!

— Да брось, Мара, ты тоже самое сделал бы.

— Нота, может действительно бросишь всю эту мазуту и пойдешь ко мне в цех?

— Мы с тобой об этом перетирали уже, у меня только один выход, сам знаешь куда!

— Да никогда ничего не поздно, ты же не из них.

— Я не говорил тебе, у меня в детстве мечта была, хотел космонавтом стать, да видимо рылом не вышел, может в следующей жизни получится. Ты как думаешь, есть другая жизнь?

— Ты знаешь, я с одним священнослужителем говорил, он, типа, меня хотел прихожанином сделать, мол приходи к нам и все у тебя будет, как по маслу. Ну я ему вопрос задаю. Его распяли, и он за себя не смог постоять, как же он за меня будет? Или война была, двадцать миллионов полегло, старики, женщины, дети, почему их не отмазал?

— И какую он тебе отмазку дал?

— Это, типа, ему решать, а наше дело верить и благословлять! Ты понимаешь, людей до хрена на земле, и все лебедь, рак и щука, по разным религиям. И каждый одеяло на себя тянет, мол мы самые избранные, а остальные, типа, проходимцы.

Пусть они все к единому мнению придут, тогда посмотрю. Слушай, ты хотел быть летчиком, а стал налетчиком, так что наполовину мечта сбылась!

Мара и Нота рассмеялись.

— А с другой стороны, — продолжил тему Мара, — конечно человеку без веры тоже тяжело, как собаке без кости, что должна грызть. Знаешь, человек, если ему внушить, во что хочешь поверит. Один прекрасный парень женился, деток заимел, молодой, здоровый, почитал законы, верил, и внезапно раком заболел, медики уже отказались, так как последняя стадия, и ничем помочь нельзя. И сразу же нашлись подонки, якобы ясновидящие, под Богом ходят, помогут, вылечат, и все бабки у его жены, на то время матери троих детей, высосали. Он, бедолага, в мучениях умирал, а те спокойно по земле ходят, прикрываясь именем Бога, и до сих пор живы, паскуды. Таких бы каленым железом вырезать.

— Ты че, Мара, в философию подался?

— Да так, знаешь, иногда хочется душу излить. Ну вот смотри, Нота, сегодня этот Омар вроде как благородно поступил, вопрос чести, долга решил, ради тебя пацана отпустил. А по мне, Нота, не обижайся, его стрелять на месте надо, как выродка. Грабит, ворует, людей убивает, ведет себя будто наместник Бога на земле. Кто он такой, и кого он из себя возомнил, чтобы кого-то прощать, а кого-то наказывать?

— Ты и обо мне так думаешь?

— Ты, Нота, не приказываешь, а исполняешь, как солдат. Твое крышевание бизнеса, это не торговля людьми.

— Нет, этим я не занимался. У меня разборки, стрелки, собирание дани за крышу. Они меня в это не втягивают, для таких дел у них есть отморозки типа Дамира. У меня в этой иерархии место типа аналитика-счетовода, я в боях не участвую. Я выбрал свой путь сам, так же как и ты, и за него, если там Бог есть, сам отвечу. Иногда и таким, как ты, правильным пригожусь. Так что, кое-что с меня спишется!

— Какой же я правильный, если тебя из этого болота вытащить не могу.

— Ты лучше, Мара, когда день придет, свечку мне поставь!

— Ты что, Нота, от меня соскочить хочешь? Не получится, ты же знаешь, у меня хватка мертвая!

— Ну значит я в точку попал. Ладно, будем жить пока не умрем. Ты мне завтра дай знать, если пацан уже дома. А Омару пусть твой родственник что-нибудь отстегнет за издержки производства, — усмехнулся Нота.

Он вышел из машины и попрощался. Мара поехал к Лене. Подъехав к его дому, он закрыл машину и зашел во двор. Из дома доносился шум, смех. Войдя в дом, Мара увидел, как вся семья и родственники обнимают и целуют Гошку. Мара подошел и обнял всех. У Лени он спросил:

— А когда он вернулся?

— За ним мой партнер ехал, он с этой бригадой через своих людей переговоры вел, и они ему недавно позвонили и сказали чтобы он забрал Гошку в Центральном парке возле карусели.

— И что это за бригада?

— Он потом расскажет, а ты где был?

— А деньги они просили?

— Наверное. Он еще ничего не рассказывал. Самое главное, что смог его вернуть. Молодец, вот настоящий друг и брат!

— Да, молодец, загадочно произнес Мара. Ему вдруг не захотелось ничего говорить. Главное, Гошка был дома.

Видимо, подумал Мара, в то время, когда они ели шашлык у Омара, он уже приказал отпустить пацана, а его исполнители, которые знали партнера Лени, сами ему позвонили и сказали, где забрать. Мара решил ничего Лене не рассказывать, а вслух произнес:

— Я очень рад, что Гошка дома, и что у тебя такой хороший партнер.

Утром Мара позвонил Ноте, сказал ему, что Гошка дома, и передал ему разговор с Леней.

— Ну так и не надо ему ничего говорить, главное пацан дома — сказал Нота.

— Хорошо! Слушай, Нота, как думаешь, мне нужно на похороны прийти?

— Ни в коем случае, там менты будут скрытую съемку вести, и тебе нет никакого резона светиться, тем более ты ни при каких делах.

— Лавр будет?

— Не думаю, во всяком случае малявы не было, посмотрим.

— Кто пока вместо него рулить будет?

— Это воры на сходке решать будут, а пока может Муфа исполняющим станет, до их решения.

— Ладно, Нота, будем на связи, давай!

— Давай, Мара!

ГЛАВА 19

Тема

Мара позавтракал и сел в машину, чтобы поехать на работу, но в этот момент подъехал Сава. Мара вышел из машины и сразу направился навстречу Саве, который был очень взволнован.

— Ты что такой возбужденный? Себя что ли в зеркало увидел? — с усмешкой спросил Мара.

— Мара, тут тема одна. Только ты ее можешь с понятием замутить. Недавно двое бродяг нарисовались, тоже раньше по малолетке сидели, короче говоря, они один в один грузинские вина шпарят, Ахашени, Киндзмараули, могут шампанское гнать...

— Стоп, стоп, Сава, — перебил его Мара. — Ты коней попридержи, какое Ахашени, какое шампанское? У меня цех трикотажный, ты что с дуба рухнул?

— Мара, ты даже не догоняешь, какое бабло можно состричь, это Клондайк бездонный. Они все привозят сами, этикетки, порошки, оборудование. Наше дело бутылки, место им подогнать и, естественно, крышу дать.

— Сава, это какой-то абсурд, где мы, где Ахашени?

— Да ты пойми, у тебя же связи бешеные. Помнишь, ты мне говорил, что тебе этот воротила Лазарь предлагал вместе что-нибудь открыть. Я с Филиппом уже договорился, он тоже в делегу входит, будет внутри сидеть, за рабочими наблюдать.

— Лазарь меня на пушнину звал, у него фабрика в районе, но он ее закрыл. Да и делать нелегальное шампанское, это с пищепромом связано, люди забухают, что-то не так, траванутся, а это уже тюрьма, нелегкая работа!

— Да они по всей России эту бурду уже гонят, у них все рецепты с заводов, точно по ГОСТу двигают. Они мне образцы дали.

— Сава подбежал к машине и вытащил несколько бутылок вина и шампанского, которые выглядели абсолютно идентично с магазинным товаром. Мара усмехнулся и сказал:

— Они это в магазине купили и тебе дали, а ты веришь?

— Мара, я никому не верю!

— И себе?

— Прежде всего себе, я же не лох. Я с ними в соседнюю республику ехал, они там прямо на хате у одного авторитета это все гонят. Говорю тебе, комар носа не подточит!

Мара внимательно осмотрел бутылки и уже серьезно сказал:

— Так, навскидку, их не отличить, а как они на вкус?

— Один в один, я в магазине купил, и их бутылку открыл. Тот же цимус! Это ассы в своем деле, их отпускать нельзя!

— Хм, надо подумать! — бросил задумчиво Мара.

— А что тут думать? Зуб даю, такие бабки наварим, всем хватит! Переговори с этим Лазарем, может он нам эту фабрику даст, и мы там линию запустим. Пусть в деле будет.

Мара призадумался.

— Хорошо, дай мне подумать, попозже встретимся и поговорим, а то я уже на работу опаздываю.

— Лады. Я тебя вечером жду и Филиппа позову.

— Хорошо, Сава, давай, до вечера.

Мара и Сава разъехались.

По дороге на работу, Мара стал обдумывать предложение Сава, которое сначала казалось ему диким, но постепенно стал мысленно представлять картину с работающим конвейером, ящиками вина и шампанского. Он успел подумать и об оптовой продаже в другие районы, и о сбыте в магазины, которые торгуют таким товаром. Если вина и шампанское будут действительно сделаны по ГОСТу и пригодны, то почему бы и нет? Все таки связи есть, а у Лазаря вообще бешеные завязки, не только в республике, но и в центре, в Москве. Надо думать, сказал себе Мара, и с этими мыслями подъехал к работе, где увидел, что весь персонал стоит на улице, а вход в цех опечатан.

ГЛАВА 20

Ментовский наезд

Завидев Мару, рабочие его обступили и стали рассказывать, как они начали работать и приехали сотрудники ОБХСС, выгнали всех за ворота и опечатали вход. Кто-то дал Маре от них бумагу, где было написано, кто опечатал, и куда ему прийти. Рабочие стали спрашивать, что им делать, и Мара разрешил всем идти домой.

Мара заметил, что его партнера нет, и спросил у закройщика:

— А где Ян?

— Так он с ними уехал!

— Хорошо, идите домой сегодня, а завтра всем к 8 утра на работу.

Мара сел в машину и поехал к Ганзе. Через минут пятнадцать он вошел в кабинет Ганзы и с порога сообщил:

— Ганза, мой цех опечатали!

Ганза привстал, протянув ему руку для пожатия, и пододвинул стул.

— Когда опечатали? Кто?

— Не знаю, вот бумага! — И Мара дал ему лист. Ганза внимательно его изучил, после чего изрек:

— Это обэхээсэсники из Ленинского РУВД, там, где работает Оскар. Я ему сейчас позвоню.

Ганза набрал номер, и после двух гудков Оскар поднял трубку. Ганза понес палец к губам, призывая Мару молчать, и включил селектор громкой связи.

— Оскар слушает! — послышалось в динамике телефона.

— Привет, Оскар, это Ганза. Как настроение с утра?

— Боевое, — усмехнулся Оскар. — Раз прокуратура звонит, значит нужно кого-то атаковать. — пошутил он.

— Наоборот, защищать, — ответил Ганза. — Как дела? Как дома?

— Спасибо, все нормально. Что-то случилось?

— Скажи мне, у вас в ОБХСС Тимченко работает?

— Новый следователь. Его недавно из Октябрьского района перевели, а почему интересуешься?

— Подожди минутку, — сказал Ганза, выключая селектор, и быстро спросил у Мары, — Кто у тебя в Октябрьском районе враги?

— Не знаю, — задумался Мара и вдруг вспомнил Агапа, с которым он сцепился перед цехом. — Знаешь, был там один, Агап зовут, он меня шантажировал через моего реализатора, мол без накладной торговал. Ну, я ему кинул немного, чтоб дело закрыл и реализатора выпустил. Теперь, видно, он решил дело на конвейер поставить и через подставных доить! Вот сука!

— Тихо, — бросил Ганза и снова включил громкую связь. — Извини, Оскар, говоришь Тимченко, а он тебе докладывал, что закрыл кооператив сегодня и оставил сто человек на улице без работы.

— Дай взгляну, — ответил Оскар, и в трубке послышался шелест бумаг, — Нет, не нахожу, а чей цех и когда?

— Это цех моего друга Мары, я тебя с ним знакомил. Помнишь?

— Да, помню.

— По моей информации полгода назад следователь Агап из Октябрьского района ловил какого-то реализатора, который брал товар у Мары, и несанкционированно пришел к Маре в цех, якобы помочь ему очиститься от нехороших реализаторов. Ну, в общем, мой друг отблагодарил его, и реализатора тот выпустил, хотя должен был передать все дела в твой отдел. А сегодня, видимо, через своего друга Тимченко, они решили, что Мару можно доить, как дойную корову. Цех опечатан, а документов у тебя на столе нет. Тебе это ни о чем не говорит? Даже если мы забудем на минуту, что Мара мой друг, и я тебе не звонил. Кстати, он забрал с собой его партнера по цеху Яна, и я думаю, что он сейчас у него в кабинете ужасы выслушивает. Цех закрыт, проверки нет. Что думаешь по этому поводу?

— Дай мне минут десять, Ганза, я тебе перезвоню.

— Хорошо. — Ганза повесил трубку.

Оскар зашел в кабинет Тимченко, который сидел с Яном, партнером Мары, и что-то ему внушал Увидев Оскара, он привстал, поднося руку автоматически к голове, отдавая честь. Оскар повелительным тоном приказал Яну выйти за дверь и подождать. Ян вышел. Оскар сверлящим взглядом, буквально прожигая Тимченко, грубо сказал:

— Я тебя суку в порошок сотру. Ты за моей спиной харчеваться решил?

— Я... я..., — стал запинаться от страха Тимченко, мгновенно побледнев, на лбу появились испарины пота.

— Заткнись, — рявкнул на него Оскар. — Где документы о закрытии кооператива? Ты какое имеешь право за моей спиной доиловкой заниматься, мразь?

Тимченко вообще потерял дар речи, только указывая пальцем на лист бумаги на его столе.

— Ты, паскуда, сто человек без работы оставил. Ты их детей кормить будешь? Поживиться решил в тихую? Подашь рапорт по собственному желанию, и не дай Бог, я тебя где-то в органах увижу. На месте расстреляю! Ты понял?

— Да... да..., — заикаясь промямлил Тимченко.

Выходя из кабинета, Оскар так хлопнул дверью, что со стены посыпалась штукатурка. Увидев в коридоре Яна, Оскар бросил ему:

— Идите работайте!

— А печать на двери? — робко спросил Ян.

— Порвите, — сказал Оскар и ушел.

... Звонок телефона прервал беседу Ганзы и Мары.

— Слушаю, — сказал Ганза в трубку. С минуты он слушал молча, после чего сказал:

— Спасибо, Оскар, на нас и так всех собак вешают, но за нашей спиной, это уж перебор! Давай, обнимаю! — Ганза повесил трубку.

— Ну что? — вопросительно смотрел Мара на Ганзу. — Он разобрался?

— Он только что уволил этого Тимченко, а твоего Яна отпустил. Этот следак действительно хотел вас раскрутить по-тихому, навариться, так что, Мара, он не смог, а я вот тебя все равно раскручу. Ты слышал, возле озера шашлычную открыли, вина из Грузии, минералка?

Мара, услышав слова вина из Грузии, вспомнил слова Савы и, рассмеявшись, сказал:

— Да, слышал. Тем более, что вина я делаю!

— Что делаешь? — удивился Ганза.

— Шучу, — бросил Мара. — Во сколько поедем? Тем более, что я сегодня безработный!

— Вот это я понимаю, ответ не мальчишки, а мужчины. Давай после двух, добро?

— Хорошо, поеду Яна успокою и в два за тобой заеду!

— Жду, — бросил Ганза и проводил Мару до выхода.

Мара сразу поехал к Яну и узнал у него, как все происходило. Ян пересказал Маре, как следователь шантажировал и запугивал его, напрягая дать бабки, чтобы закрыть дело, и то, как неожиданно зашел Оскар и наехал на следователя по полной программе. Видно было, как Ян угнетен и напуган. Он был совсем не похож характером на Мару, и ему вся эта процедура была непривычна, Ян был очень подавлен, испуган. Он даже предложил Маре продать цех и уйти вместе или же отпустить его, выплатив ему его долю. Мара успокоил Яна и предложил ему отдохнуть, а на следующий день поговорить. На этом они и разошлись.

В два часа дня Мара, как и обещал, заехал за Ганзой, и они поехали в шашлычную, где просидели допоздна. К одиннадцати ночи Мара завез довольно подвыпившего Ганзу домой и поехал к себе.

ГЛАВА 21

Нет друга

Войдя в дом, Мара увидел, что у них был гость, его младший по возрасту кузен. Все пили чай. Мара обнял его и сел за стол.

— Какими судьбами, Артем? — спросил его Мара. — Давно я тебя не видел. Как дела? Как дома? Мама?

— Спасибо, — улыбнулся Артем. — Дома все хорошо.

Артем был близким родственником Мары, но очень редко появлялся на семейных встречах и праздниках. Несмотря на молодость, Артему пришлось пережить немало трудностей. После смерти отца и неудачной женитьбы он еще успел отсидеть в тюрьме, и все это его тяготило и угнетало. Он стал реже появляться в обществе и ушел с головой в совместный бизнес со своим зятем. Они занимались перепродажей кожсырья, то есть находили первоисточники и, купив у них весь товар, добавляли свои проценты и продавали оптом закупщикам, которые, в свою очередь, ложили сверху свой интерес и сдавали на перевалочные базы.

Мара с Артемом вышли во двор и присели на лавочке.

— Ну, давай, колись. Что случилось? — напрямую спросил Мара.

— Я его завалю! — ошеломил своим ответом Артем Мару.

— Кого ты собрался валить? — с удивлением спросил Мара.

— Тошу!

— Тошу? — еще больше удивился Мара.

— Да, и я пришел тебе это сказать, потому что он твой кент!

— Подожди, не гони гусей, Артюха. Давай все по порядку. Что произошло?

— Мы с Максом, моим зятем, ты знаешь, вместе шкуры продаем, а Тоша сказал, что купит у нас товар оптом, но прежде ему надо его посмотреть.

— Да, я слышал, он тоже шерстью занимается, у него какие-то родственники базу держат. Ну и что дальше?

— Короче, мы его повезли на нашу точку и показали хозяина и весь товар. Он сказал, что подумает, и мы разъехались. А сегодня мы с Максом поехали к хозяину, а он нам говорит, что уже договорился с тем человеком, кого мы привозили, дороже, и тот берет все оптом.

— Как так? — перебил Мара.

— Вот так. Этот козел вернулся к нему без нас, он же уже место знает, и предложил ему цену лучше нашей.

— Ну?

— Ну, мы этому хозяину говорим, что так не бывает, что мы же договорились, а ему по одному месту, хотите берите по новой цене или не берите, мол, клиент у меня есть. Мы ему говорим, мол, это наш клиент, и мы его привели, а он в отказе!

— И что дальше?

Ну, мы ему сказали подождать и с Максом поехали к Тоше. Мы его на перекрестке выловили и перегородили ему дорогу. Я подхожу к его двери и так спокойно ему говорю, мол, как ты мог без нас к нашему клиенту прийти и наш товар покупать?

— А он что? — спросил Мара, заметно нервничая.

— А этот мудака выбежал на нас с топором и попер, размахивая им на меня с Максом!

— Да ты что?! Задел вас?

— Нет. Мы быстро сели в машину и отъехали. Он кинул топор в машину и разбил заднее стекло. Я хотел остановиться, но Макс не дал. Говорит, менты повяжут, и нас виновными сделают.

— Ну, это Макс молодец, ты сидел, тебе сейчас с властью тише воды ниже травы быть надо! Когда это было?

— Сегодня днем! Я ему это так не спущу! Мара, просто я знаю, что он твой кент, тебя в курс ввожу.

— Значит так, Артем, ничего, ни шагу без меня не делаешь. Я сейчас сам поеду к нему домой и поговорю.

— Да он замороженный бычара. Его валить надо за его беспредел, — возмущенно сказал Артем.

— Никого валить не надо, — строго произнес Мара. — Сейчас идешь домой, а завтра утром я к тебе подъеду, и разберемся, понял?

— Хорошо, я тебя могу и сегодня подождать?

— Не надо, я не знаю, как долго я там буду, да и нет необходимости горячку пороть. Давай езжай.

Они вышли за калитку, но не успели попрощаться, как подъехал Макс. Он вышел из машины запыханным.

— Слава Богу, что вы здесь, — бросил Макс на ходу. — Артем, тебе домой нельзя, тебя менты ищут!

Мара и Артем переглянулись.

— Этот козел, — продолжил Макс, — написал заявку, мол, на него мы напали, избили, побили машину!

— Вот гнида, — вырвалось у Артема. — А ты говоришь, Мара, по-хорошему?

— Так, успокоились, — сказал Мара. — Тебе домой нельзя идти, у меня останешься.

— Зачем? Он ко мне может поехать, там его никто искать не будет. Жена говорит, что меня никто не искал. Он, видимо, только на тебя накатал, чтобы снова посадить и спокойно наш товар закупать.

— Ладно, езжайте к тебе, Макс, а я поеду к Тоше. А мать дома была, когда менты приходили?

— Да, она меня и послала Артема найти и предупредить, чтоб дома не появлялся, а то на улице их машина дежурит.

— Хорошо, езжайте, я утром сам вас найду.

Они попрощались и разъехались.

Мара подъехал к дому Тоши и, выйдя из машины, подошел к калитке и позвонил.

— Кто там? — услышал Мара голос Тоши.

— Я, Мара! — ответил он.

Калитка открылась, и Мара увидел Тошу с топором в руке.

— Ты что, всех теперь с топором встречаешь? — усмехнулся Мара.

— Заходи, — сказал Тоша, и прежде чем закрыть калитку, выглянул на улицу и оглянулся по сторонам.

— Да я вижу, у тебя паранойя, ты от кого окапываешься? — в том же тоне продолжил Мара.

— Я тебе сейчас все расскажу, — бросил серьезным тоном Тоша и, закрыв на засов калитку, провел Мару в дом.

Войдя в дом, Мара увидел мать Тоши и поздоровался с ней.

— Добрый вечер, тетя Мария.

— Здравствуй, сынок, — приветливо ответила Мария и продолжила, как бы уговаривая Мару поддержать ее, — Мара, дорогой, я не

знаю, что с ним случилось, он как будто с ума сошел. Может быть, ты на него повлияешь?

— Мама, дай нам поговорить, уйди в другую комнату, — почти грубо попросил Тоша мать.

Она послушно вышла. Тогда Тоша повернулся к Маре и спросил:

— Ну, ты, наверное, все знаешь, Мара, раз пришел? И учти, я им ничего прощать не буду. Я их посажу, даже не проси меня изменить свое решение!

— А с чего ты взял, что я тебя о чем-то просить пришел? — невозмутимо произнес Мара.

Он знал характер Тоши, упертый и противоречивый во всем. Он был очень настырным и наглым. Если Тоша что-то себе внушал, то его было не переубедить. Друзья редко спорили с ним, чаще всего уступали ему, чтобы не связываться. Но для Мары, прежде всего, Тоша был другом детства, и ему хотелось этот неприятный инцидент закрыть. Мара мягко спросил:

— Хочу от тебя узнать, в чем тебе мой братишка дорогу перешел?

— Они напали на меня, машину ломали!

— А напали за что? — как бы наивно спросил Мара, стараясь не напрягать обстановку.

Тоша на мгновение запнулся. Было видно, что он растерялся, но вслух сказал:

— Он же сидел, вот и решил, что может делать, что хочет!

— Ну, все-таки, Тоша, может, ты расскажешь, за что Артем на тебя напал. Он же сидел в тюрьме, а не в сумасшедшем доме?

— А при чем здесь это?

— Тоша, я с ним разговаривал, просто хочу услышать твою версию!

— Какую версию? О чем?

— Ну, как ты хотел у него купить товар, а он отвел тебя к своему поставщику, показал его; и ты, вернувшись обратно без него, решил перекупить товар! Или это все не так?

— То, что они показали место, ни о чем не говорит. Может, я этого человека раньше их знал? И даже если это так, то это не дает им право среди бела дня нападать на меня!

— А ты бы сам, если бы оказался на их месте, что сделал бы? Спасибо сказал бы?

— Мне на моем месте не плохо, и чтобы ты не говорил, я им этот наезд не прошу. Я уже дал заявление в ментовку. Он — бандит, и его место в тюрьме.

Неожиданно вошла мать Тоши, упав на колени перед Тошей, со слезами на глазах сказала:

— Умоляю тебя, Тошенька, не делай этого. Ты что, с ума сошел? Это же брат Мары. Ты же с детства с ним вырос. Опомнись!

Тоша отскочил от матери, а Мара быстро подошел к ней и приподнял с колен.

— Что вы, тетя Мария, Вы не волнуйтесь. Он этого не сделает. Не переживайте!

— Никто меня не остановит, я его посажу! — крикнул Тоша и выскочил в другую комнату.

Мара понял, что ему лучше уйти, чтобы не видеть тетю Марию в таком положении.

— Тетя Мария, Вы не волнуйтесь. Это он так, сгоряча. Никого он не посадит. И, пожалуйста, не переживайте. Я Вам тоже как сын. Я рос на Ваших глазах и никогда Ваше тепло не забуду.

— Я тебя как сына прошу, Мара, не делай ему плохого, он не понимает, что делает, умоляю, Мара, — слезы стекали с ее лица на пол.

Маре было невыносимо на это смотреть. Он поцеловал ее в щеку и пообещал.

— Что Вы, он же друг детства, а с друзьями я не воюю. Но брата моего он не сможет посадить, я этого не допущу. Мне очень жаль, что так случилось, тетя Мария, простите меня, но после сегодняшнего дня я никогда не буду ему врагом, но и другом тоже! До свидания!

Мара, привстал, оставив Марию плакать, и вышел из дома. Возвращался он с тяжелой печалью на сердце. В голове был сумбур. Вспомнились все годы дружбы с Тошей, с детства по сегодняшний день. Сидеть в школе за одной партой, часто есть из одной тарелки, вместе выходить из разных передряг, и в одно мгновение все это перевернуть, оплевать. Как же это может быть? Первый раз в жизни он теряет близкого друга, но не от смерти, а по глупости, и, видимо, ничего уже изменить нельзя. Не этого он ожидал, идя к Тоше, но действительность повергла Мару в шок.

Ему приходилось в жизни сталкиваться с разными ситуациями, порой и совсем безвыходными, но становился при этом только силь-

нее. А сейчас, если воспользоваться шахматной терминологией, он был в полном цейтноте. Тупик. Как воевать с другом, и как бросить брата? На какое-то мгновение он стал жалеть сам себя, но надо было действовать, потому что у братишки была судимость, и он может снова загреметь на нары. Мара решил с утра поехать к Ганзе и узнать, в каком отделе лежит заявление Тоши. По пути он заехал к матери Артема, чтобы успокоить ее и скоординировать действия, которые он хочет предпринять для защиты ее сына. К его удивлению, в такой поздний час никто не спал. Тетя обняла Мару и спросила:

— Ты не голодный? Я такие голубцы вкусные приготовила. Давай садись, я сейчас подогрею.

— Спасибо, тетя Лена, — поблагодарил Мара, — Я только что из-за стола. Как у Вас дела?

— Ой, не спрашивай, — присев, сказала она. — Мир перевернулся. У этого негодяя Тоши вообще какая-то совесть есть? Мой мальчик доверяет всем. Думает, он человек, поэтому и повез ему показать товар, а эта сволочь узнал место и поехал туда скрытно, предложил хозяину продать товар ему! И эта гадина еще моего же сына посадить хочет! Ну где справедливость?

— Никто ему не даст его посадить! Он же не дома?

— Нет. Я ему сказала, чтобы не приходил, а то на улице его караулят!

— Хорошо! Завтра я поеду к моим друзьям в прокуратуру, и они дело закроют!

— Мара, пожалуйста, скажи, что мы отблагодарим. Все сделаем. Я не выдержу, если он снова сядет. Я сразу умру!

— Тетя Лена, успокойтесь, все будет нормально. Я поэтому и пришел Вам сказать, что с утра этим займусь. Вы ложитесь спать, я пойду. Уже поздно. Я к Вам сразу от друзей заеду!

— Хорошо, дорогой, езжай. Я буду тебя ждать.

Мара уехал домой. Заснул он далеко за полночь. А к десяти утра Мара уже сидел у Ганзы в кабинете. Выслушав рассказ Мары, Ганза позвонил в два разных районных отделения милиции, но там ему ответили, что никаких заявлений по поводу Артема у них нет.

— Нет заявления! — сказал Ганза.

— Не может быть, — удивился Мара. Я сам видел машину возле дома братишки!

— А номера видел?

— Нет, не было номеров!

— Так, — подумал несколько секунд Ганза, размышляя. — Я сейчас приду.

Он вышел из кабинета и вернулся минут через пять. Вид у него был расстроенный.

— Что? — спросил Мара.

— Ну дела! — загадочно произнес Ганза. — Этот кент твой, редчайший тип!

— Что, говори же?

— Он накатал нам заявление и копию в комитет!

— Что?

— Сам в шоке! Он, видимо, по-настоящему хочет его упрятать. Видно, место твой братишка ему доходное нарисовал!

— Что же делать? — встревоженно спросил Мара.

— Ну, ничего. Не с теми связался. Я ему рога пообломаю! Это же надо, дал заявление нам и в комитет, чтобы мы, боясь друг друга, дело не закрыли! Я сейчас наберу Акима, он там замначальника, чтобы взял под свой контроль!

Ганза набрал телефон и минут пять объяснял Акиму, что и как сделать, и повесил трубку, полностью удовлетворенный результатом беседы.

— Ну все, этот хрен под двойным колпаком! А давай посадим его?

— Ты че, Ганза, ни в коем случае, просто пусть заберет заявление и все! — категорично сказал Мара.

— Ладно. Аким его немножко прижмет, а потом он к нам прибежит! А что с твоим напарником Яном все в порядке?

— Да! Никак нет времени даже на работу пойти!

— Мара, иди лучше к нам на работу, у тебя каждый день уже с нас начинается, хоть зарплату будешь получать! — со смехом произнес Ганза.

— Знаешь, пословица есть: дальше будешь — ближе станешь! Да и еще твою рожу каждый день видеть — это уже наказание!

— Ты б на свою посмотрел бы, вообще спать перестал бы! Так где мы сегодня ужинаем?

— Ганза, тебя легче удушить, чем прокормить! Что понравились вчерашние шашлыки? Хочешь, туда же сходим?

— Нет, давай в Олимпию поедем, там, говорят, новое варьете!

— Можно и туда, только пока я родню свою не успокою, я сам отдыхать не смогу!

— Хорошо, успокоим. Мне нужно, чтобы ты поехал к братишке и взял у него заявление к нам в прокуратуру вчерашним числом. Пусть опишет так, что это Тоша на них напал с топором и им разбил машину. Подпишется, и привезешь мне.

— Хорошо, я быстро вернусь, — сказал Мара и вышел от Ганзы с более легким сердцем, но продолжая волноваться.

В течении часа Мара успел поехать к тете и успокоить ее. Потом нашел Артема и взял у него нужное заявление, при этом строго наказав ему на улице не светиться.

Ганза прочитал заявление и остался доволен. Копию он отправил Акиму в комитет, после чего послал наряд для задержания Тоши. Через час Тоша уже сидел в кабинете прокуратуры, предназначенном для допросов. Ганза провел Мару в невидимую для посетителей часть кабинета, где они могли видеть через затемненное стекло Тошу и следователя, а также слышать через динамики их разговор. Следователь вел допрос.

— У нас есть Ваше заявление, датированное этим числом, — и следователь показал Тоше его заявление. — Это правильно?

— Да! — ответил Тоша, — почему меня задержали?

— Мы все Вам объясним, сейчас отвечайте на мои вопросы!

— Спрашивайте.

— В заявлении написано, что Артем и Макс перекрыли Вам дорогу своим автомобилем, номерной знак Вами не указан, и напали на Вас, избili и также нанесли удары по машине, отчего на ней появились вмятины?

— Да, точно так! — подтвердил Тоша.

— А чем они наносили удары по машине?

— У них в руке был топор; ударяли им!

— То есть, они напали на Вас с топором в руке?

— Да!

— А в заявлении Артема написано, что топор был Ваш, и Вы его запустили им в заднее лобовое стекло, которое разбилось вдребезги!

— Какое заявление Артема? — резко встrepенулcя Тоша.

— Поданное к нам в прокуратуру, кстати, на час раньше Вашего.

— А где оно?

— Как где? У нас! Давайте продолжим. Потерпевший Артем и Максим утверждают, что Вы набросились на них с топором, и они ели успели сесть в машину и уехать с Вашим топором на заднем сидении. Топор находится у нас в лаборатории, и экспертиза показала на нем Ваши отпечатки пальцев. Также у нас есть имена свидетелей на улице, подтверждающих это.

— Какие еще свидетели?

— Очевидцы, простые прохожие. У нас есть их имена, фамилии и их свидетельские показания.

— Сволочи! — вырвалось у Тоши. Он стал заметно нервничать.

— Вы кого имеете в виду, говоря «сволочи»? — спросил следователь. Ганза поставил на допрос одного из опытных и приближенных к нему следователей. — Это мы сволочи?

— Нет, — замешкался Тоша. — Они... Они все врут!

— У нас есть два встречных заявления, и мы разберемся, кто врет, и кто не врет. Скажите, у Вас есть свидетели?

— Какие свидетели, они на меня напали! — стал нервничать Тоша. — Я в Москву напишу, в генеральную прокуратуру!

— Вы можете писать куда хотите, а мы здесь разбираемся по фактам! Мы не можем сейчас вынести решение, кто потерпевший, а кто обвиняемый. Я возьму у Вас повестку на следующую встречу с нами.

Следователь дал Тоше подписать бумаги и отпустил его.

— Ну что? — спросил Ганза у Мары. — Как тебе мой следак?

— Да, не зря в народе говорят, срок шьют. Хорошие портные работают.

— Да, веников не вяжем! — улыбнулся Ганза. — Но это только первое отделение. Сейчас второе начнется!

— Не понял, просвети! — удивился и заинтересовался Мара.

— Его сейчас люди Акима будут перехватывать и закрывать!

— Не понял? — уже с испугом спросил Мара. — Как закрывать?

— Как обычно: остановят, якобы для проверки, подкинут травки и с наручниками в СИЗО, пока заяву не заберет!

У Мары глаза полезли на лоб.

— Надо их остановить. — крикнул Мара и побежал на улицу.

— Да стой ты, куда рванул? — успел крикнуть Ганза.

Но Мара уже был на улице. Осмотревшись по сторонам, он увидел на углу машину Тоши в окружении людей с автоматами в руках. Мара подбежал к ним и, увидев Акима, быстро подошел к нему. Аким держал в руках права Тоши. Увидев Мару, Тоша сильно удивился и машинально протянул ему руку, чтобы поздороваться, но Мара, не подав ему руку, отвернулся к Акиму и сказал:

— Привет, Аким, как дела?

— Привет. Это ты снова?

— Аким, могу я у тебя наедине спросить что-то?

— Ну, давай, — сказал Аким, и они отошли в сторонку.

— Аким, Ганза послал меня к тебе передать отбой! — соврал Мара, не имея другого выхода.

— Как отбой? — удивился Аким.

— Я передал, что он просил! — снова соврал Мара.

Аким оглянулся по сторонам и, сплюнув на пол, дал команду своим людям.

— Осмотр закончить, всем в машину!

Все быстро сели в машину, и они уехали.

Мара с облегчением вздохнул и повернулся к Тоше.

Тоша смотрел на Мару, ничего толком не понимая, после чего спросил:

— Теперь я понял, откуда заявление Артема и эти люди!

— Тоша, — сказал Мара и после паузы продолжил. — Мы же с тобой с детства вместе росли, когда тебе или мне было трудно, мы поддерживали друг друга. А сегодня ты стал глухой и немой от алчности к деньгам. Даже допустим, что Артем не мой родственник, как ты можешь идти на чужое место и швырять людей, которые тебе, может и ради меня, поверили? Ты же не только себя, но и меня в грязь ваптываешь. Скажи, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты. Ты предал меня и нашу дружбу. Ты для меня после этого нерукопожатный. Ты только что потерял то, что ни за какие деньги не купишь, и тебе с этим жить в будущем. Последний раз тебе говорю сейчас, заberi заявление и остановись, пойдешь дальше, значит, это война мне. Тебе сейчас решать, но знай, тех, кто на моей стороне, пока я живой, я в обиду не дам. Это не с Артемом, Тоша, это со мной надо будет драться. Прощай, я тебе все в глаза сказал. Пусть Бог будет нам судьей. И напоследок, Тоша, маму пожалей, если в тебе хоть это чувство осталось.

Мара развернулся и ушел. На душе скребли кошки, первый раз в жизни ему было так мучительно больно и обидно. Раньше он только приобретал друзей, а сегодня потерял.

... Тоша забрал свое заявление. Тетя Мария заставила Мару передать дорогие подарки Ганзе и Акиму. Артем с Максом продолжили свой бизнес. С Тошей Мара больше никогда не общался...

ГЛАВА 22

Виноделы-1. Ополченцы

... Мара и Ян встретились утром на работе. Ян был очень подавлен. Мара пытался его успокоить.

— Ян, я понимаю, что это неприятно, когда тебя забирают в ментовку и допрашивают, но это издержки нашего бизнеса. Все же кончилось благополучно, пойми!

— Нет, Мара, дело не только в этом. Я не вижу семьи, белого света не вижу. Я, в конце концов, устал, и не мое это. Я хочу детьми серьезно заняться. Я решил, я ухожу.

— Ян, ты не руби с плеча, хочешь больше быть с семьей, будь. Мы можем меняться, три дня ты в цеху, три дня я?

— Мара, ты не обижайся, но я уже решил и с женой все обговорил. Мара понял, что Ян уперся, и сейчас бесполезно настаивать.

— Ну, хорошо. Возьми отпуск и поезжай с семьей. Отдохните с полмесяца, а потом видно будет.

— Мара, если хочешь, вместе уйдем. Я же вижу, не твое это. Крутишься, как белка в колесе, расходы увеличились, а прибыль вдвое упала. Люди в Китай, в Турцию едут, товары оптом привозят, и отдыхают, и деньги большие делают. Из Москвы люди фурами продукты привозят, по всем регионам здесь раздают, спиртные напитки, вина на ура идут...

— Подожди, — прервал его Мара, — ты говоришь вина на ура?

— Да, Мара, все и вина тоже, в магазины не успевают привозить, уже очередь стоит. Только мы с тобой в этом дерьме сидим. Видимость большая, а толку? Почти в убыток работаем. Помнишь, к нам Муслим и Рафик приходили, предлагали нам цех продать под их трикотажную фабрику, как филиал?

— Ну?

— Давай им продадим, если не хочешь без меня оставаться?

— Надо все обдумать, Ян! — умиротворительно сказал Мара.
— Давай не будем горячку пороть! Если хочешь, позвони им. Пусть придут. Сядем, поговорим, а там видно будет!

— Когда созвонюсь, на когда их звать?

— Да хоть завтра пусть приходят!

— Хорошо! Кстати, тебе Сава звонил.

— Когда?

— Утром.

— Не сказал, что хотел?

— Сказал, чтобы ты ему позвонил!

— Хорошо! Я должен к одному человеку поехать, и на обратном пути к нему заеду!

Мара встал и вышел. Перед встречей с Савой он хотел увидеть Лазаря и обсудить с ним возможность производства вина на его территории. Выбор Лазаря в качестве партнера был оптимальным для такой ситуации, с его связями и прикрытием можно было бы начать новое дело, да и человеком он был деловым и умным.

Мара подъехал к фабрике Лазаря. На входе дежурный осведомился у Мары, к кому он пришел, после чего по селектору переговорив с Лазарем, показал Маре, куда идти.

Большая приемная с цветами на окнах и очень симпатичная секретарша в окружении этого шика выглядели солидно. Улыбнувшись Маре, девушка подошла к двери в кабинет Лазаря и, постучав, открыла дверь:

— Лазарь Михайлович, к Вам Мара!

Через секунду Лазарь появился в проеме двери и с улыбкой подошел к Маре. Они обнялись, и Лазарь пригласил Мару в свой кабинет. Он был гораздо старше Мары, где-то на десять лет. Он скорее был очень близок с его старшим братом, но к Маре он относился особенно. Ему импонировали действия Мары и его образ жизни. Ему всегда хотелось привлечь Мару к какому-нибудь совместному бизнесу за его решимость и готовность к смелым экспериментам. Сам Лазарь был человеком очень обеспеченным. Он занял свою нишу в республике и чувствовал себя уверенно. Лазарь предложил Маре стул. Кабинет был роскошно отделан. Это подчеркивало солидность и успешность хозяина кабинета в делах. Лазарь спросил:

— Как дома? Как семья?

— Спасибо, Лазарь, все хорошо!

— Ну, рассказывай. Какими судьбами?

— Солидно у тебя здесь все, красиво!

— Спасибо, Мара!

— Лазарь, я к тебе с одним интересным предложением пришел, хотя полностью детали не знаю. Как бы с ходу, мне недавно предложили, и я сразу подумал о тебе!

— Уже интересно, — улыбнулся Лазарь. — Ну давай, рассказывай! Кстати, ты что будешь: чай, кофе.

— Лучше кофе!

Лазарь по селектору попросил секретаршу сделать два кофе.

— Ну, выкладывай, что за тема?

— В общем, у одного из моих друзей есть связи с людьми, которые производят грузинские вина: Ахашени, Киндзмараули, шампанское. Короче говоря, он предложил мне запустить линию по производству этих вин, а так как этот бизнес более ответственный, то я пришел к тебе предложить эту тему.

Лазарь призадумался. Вошла его секретарь и поставила на стол поднос с кофе и конфетами. Она улыбнулась и вышла.

— Хорошая штучка, — сказал Мара, когда она вышла.

— Ну что ты, она только секретарь! — сказал с улыбкой Лазарь. — А что это за друг?

— Ты его не знаешь. Он приезжий, с Натаном познакомился, когда учился в Москве. А сейчас приехал с семьей, работает с Натаном в цеху. Вроде парень с головой. В общем, он мне об этом вчера сказал, и говорит, что надо быстро решать, а то их могут перехватить другие дельцы. Он говорит, что они в двух соседних республиках уже наладили цеха, и мне показал образцы.

Мара вытащил из сумки два образца вин, которые взял у Сава. Лазарь внимательно осмотрел бутылки.

— Да..., — сказал Лазарь с удивлением, — Не отличишь! Может, это не с их цехов, а настоящие?

— Нет, это точно они делают! Сава сам ехал с ними в цех и привез оттуда ящик!

— Сава — это приезжий друг Натана?

— Да.

— А ты пробовал это вино?

— Да, если хочешь, открой, попробуй!

— Ну, допустим, попробовал. Допустим, нормальное, но как ты себе это все представляешь? Это же пищевпром, это не трикотаж, Мара! Если люди отравятся, все кончится очень плохо!

— Люди все пьют, и одеколон и денатурат, и не травятся. Это очень хорошее вино. Я его пил, и со мной все в порядке. Они давно его делают. В других республиках все его пьют, и никто не отравился. Просто кто-нибудь их без нас все равно заберет и будет это вино делать, а мы эту возможность провороним.

— Надо поразмыслить, — задумался Лазарь. — Это не так все просто!

— Конечно непросто. Я поэтому к тебе пришел. Но как они говорят, от нас нужно только место и тара, а все остальное они завозят. Нужно только проплатить.

— Мара, ты же неглупый парень. Как ты себе все это представляешь? Нужно, во-первых, место...

— Но ты же говорил, что у тебя в каком-то районе фабрика закрытая пустует.

— Да. Но это шерстяная фабрика! А чтобы делать вина, нужны ГОСТы, санэпидстанция должна дать добро, да и многие другие контролеры должны поучаствовать!

— Мы пока запустим экспериментальную партию в закрытой фабрике, проверим и, если все нормально, поставим на широкую ногу, возьмем все разрешения! — не унимался Мара.

— Я знал, Мара, что ты смелый и рискованный, но это очень серьезная тема и решать ее с наскака нельзя!

— Давай попробуем в закрытом режиме, посмотрим, что получится?

— Ты узнай, что для этого требуется и от нас, и от них, а я пока поговорю в министерстве, как это все делается, и что для этого нужно. Я думаю, что завтра у меня уже будет вся информация. Хорошо?

— Хорошо! Тогда я поеду узнавать у них все детали и завтра вечером к тебе заеду.

Они пожали руки, и Лазарь проводил Мару к выходу.

Через полчаса Мара подъехал к дому Савы. Войдя во двор, он увидел Саву и двух мужиков грузинской внешности. Они обедали.

— Хороший человек всегда к столу приходит, — громко произнес Сава и, встав, пожал руку Мары. — Давай садись. Познакомься, это ребята из Грузии, о которых я тебе говорил.

Они привстали и, протянув руки, каждый назвал свое имя.

— Я Тамази! — сказал один из них.

— А я Тиграни! — сказал другой.

— Мара, — сказал Мара и присел.

У ребят был акцент, который ни с кем не спутаешь, и он сразу выдавал их принадлежность к грузинской нации. Пили они вино, которое сами изготавливали.

Вот видишь, радостно произнес Сава. — Это то самое вино, которое они делают.

Сава налил вина Маре в стакан.

— Попробуй, — сказал Сава.

Мара поднял стакан и сказал:

— Ну что, за знакомство, — все подняли стаканы и выпили.

— На здоровье! — сказали Томаз и Тигран, выпивая.

— Как мой вина, генацвали? — спросил у Мары Томаз.

— Хорошее, — ответил Мара, закусывая.

— Это молодой вино, эта год! — продолжил Томаз.

— Вы пока хавайте, — бросил Сава ребятам. — А мы с Марой отойдем, перекурим.

Сава повел Мару вглубь двора, где стояла лавочка, они присели.

— Ну, что скажешь? — спросил Сава.

— Короче говоря, я был сегодня у Лазаря и предложил ему эту тему. Он ждет меня завтра с полной информацией о том, что нужно, и какие бабки нужно вложить!

— А этот Лазарь нас не швырнет?

— Лазарь — не барыга с базара и не блатной с зоны. Это совсем другой уровень и другие запросы. У него завязки на самых верхах, и ему фуфло двигать нельзя. Меня он знает и уважает, поэтому заинтересовался!

— Что конкретно он хочет знать?

— Его интересует весь принцип работы, и что для этого нужно.

— Ну, нам эти мерини все сейчас напишут и объяснят.

— Теперь смотри, Сава. Допустим, они нам все объяснят. Скажи, как ты себе представляешь все это?

— Что ты имеешь ввиду?

— Ну, смотри. Лазарь дает нам добро, дает помещение, прикрытие, но он в этом сам физически не участвует, то есть он нам, как бы, шеф. У меня тоже есть своя работа, и я еще не знаю, как с этим разбираться, а, насколько я понимаю, то, что мы хотим открыть, требует ежедневной отдачи. Как ты себе это представляешь?

— Да что там пахать, Мара, если он дает хату и прикрытие, а эти мерины наладят конвейер, все привезут и установят, нам только их контролировать надо и товар сбывать.

— Кто будет с ними каждый день?

— Филипп, — быстро сказал Сава. — Я же тебе говорил, что Филипп пойдет с нами. Вот он будет за всеми следить!

— А ты?

— И я с ним вместе! Нужно только запустить линию, и все как по маслу пойдет, чики-чики! А долю на сколько делить будем? На четыре части?

— Это кто четыре?

— Я, ты, Филипп и грузины!

— А Лазарь где?

— Ну, будем ему отстегивать за помещение и прикрытие!

— С Лазарем это так не работает. Он должен минимум иметь 50%, если не больше. Остальные пятьдесят мы будем делить между собой.

— Да это же грабеж! — возмутился Сава.

— Где ты видишь грабеж? Человек за все отвечает, подставляет, а мы, нигде не оформленные и ни за что не отвечающие, должны все бабки иметь? Ты прав, это был бы грабеж, но не с его, а с нашей стороны. Это даже не обсуждается. Будет хорошо, если он на пятьдесят процентов согласится и если вообще согласится. Не надо делить шкуру неубитого медведя! А где Филипп, кстати?

— Должен был прийти, но за него не волнуйся. Я с ним 100% перетер. Он согласился.

— Хорошо, давай напишем все, что надо, чтобы я мог завтра дать Лазарю полную раскладку.

Ладно, пойдем к ним. Я возьму бумагу, и все запишем.

Они вернулись за стол. Сава принес ручку и бумагу. В течение часа ребята дали всю информацию Маре, что им нужно, сколько и что это может стоить. В принципе, по деньгам это выходило меньше, чем Мара

себе представлял. Все ингредиенты они обещали привозить сами. От Мары и Савы требовалось вовремя поставлять тару и реализовывать товар. Использованные бутылки они могли приобрести в любом приемном пункте тары, а с реализацией продукции проблем быть не должно, потому что пили все. Лазарь должен был дать помещение и прикрытие от официальных властей. С преступным миром они могли договориться сами. Согласовав все между собой, Мара попрощался с ребятами и уехал.

ОПОЛЧЕНЦЫ. Подъехав к дому, Мара увидел машину Яна. Это было очень необычно для Яна приехать в такой поздний час. Мара подошел к машине и, открыв дверь, спросил:

— Ян, что-то случилось? Почему ты в машине сидишь, а не зашел домой?

— Да, случилось! — с тревогой и волнением в голосе произнес Ян. Мара присел на сидение и закрыл дверь.

— Что случилось?

— Влас сейчас в больнице. Его пытали в лесу!

Влас был реализатором и торговал их товаром на большие суммы.

— Я тебе говорю, Мара, — нервно продолжил Ян, — Эти отморозки ни перед чем не остановятся. У меня семья, дети, Мара, я по ночам кошмары вижу. Я решил, что точно ухожу. Я сегодня звонил Муслиму и Рафику, чтобы они приехали к нам в цех. Они сказали, что завтра придут. Мара, давай продадим все и тихо, спокойно поживем или вообще свалим отсюда.

— Ян, успокойся, — мягко сказал Мара. — Не надо паниковать. Во-первых, скажи, в какой больнице Влас. Ты был уже у него?

— Нет, тебя ждал! Он в городской больнице. Говорят, в реанимации.

— Значит так. Заводи машину и поехали в больницу. Хочешь на моей поедем?

— Не надо. — Ян завел машину, и они поехали.

— Ян, я тебя прошу, успокойся. Ты пойми, проблемы есть везде, и от них не убегать, а решать надо. Да, время сейчас тревожное, но мы не перед танком с гранатой в руке, у нас есть много выборов.

— Перед танком хотя бы понятно, — перебил его Ян. — А здесь ни хрена не знаешь, откуда получишь удар, и еще повезет, если в нас, а семья, дети. Я тебе говорю, у них ничего святого нет!

— Хорошо, продадим цех. Чем ты будешь заниматься, чтобы прокормить семью?

— Да хоть чем. Поеду в Китай или в Турцию, привезу товар и сдам на реализацию. Или в Москву поеду и привезу хавушку, рыбу. И никто не будет знать. А здесь трехэтажный цех у всех бельмом на глазу, а прибыли уже давно нет, только видуха. Вот Гаврош, мой кент, полбазара продуктов привез, миллионами ворочает, и никто не знает!

— Я тебя услышал, Ян. Да, конечно, цех сегодня в убытке, и я тебе говорил, что можно продать, но не потому, что кого-то воруют и напрягают, это сейчас везде происходит в любом бизнесе, и не факт, что те, кто привозит товары из заграницы, спят спокойно и никому не отстегивают. У меня, Ян, для этого могут быть две причины: первая, что цех убыточный, а вторая, что, наверное, главнее первой, что если мой партнер уходит, то мы уходим вместе, независимо прибыльный бизнес или нет. Ян, давай без накручивания. Мы сейчас проведем Власика, а завтра встретимся с твоими людьми, и пусть будет так, как будет. Договорились?

— Да, — произнес Ян, немного успокоившись. — Мара, я знаю, что мы немало вложили в наш цех сил, здоровья, денег, и я бы не хотел, чтобы ты, если не хочешь, уходил!

— Эта тема закрыта, мы вместе создавали и вместе уйдем! — Мара улыбнулся и продолжил. — А знаешь, Ян, как говорят, что не делается, все к лучшему!

— Ты это о чем?

— Так, мысли вслух! Хочешь, будем вино выпускать?

— Ты хотел сказать выпить вина?

— Нет, Ян, именно его выпускать.

— Из трикотажного полотна? Или из эластика?

— Я, кстати, не шучу. Просто я тебе еще не успел об этом сказать. Только сегодня предложили, так что может все ко времени!

— И кто тебе это предложил?

— Сава. У него есть люди в Грузии, они специалисты, все берут на себя. Мы только даем место, крышу и реализацию! Что думаешь?

— Думаю, что не мешало бы тебе к врачам пойти, как раз туда и едем!

— Ян, эта тема очень интересная.

— То, что она исходит от Савы, сразу же убивает во мне всякий интерес!

— Чем тебе Сава не угодил?

— Мара, человек, который связывает свои дела с Савой, как минимум, либо безумный, либо большой авантюрист!

— Почему ты так думаешь, Ян? — удивился Мара. — Ты же его хорошо не знаешь? Или тебя смущает, что он сидел?

— Мара, насколько я разбираюсь в людях, этот человек, который и шага не сделает без корысти и своей выгоды! Мой тебе совет: держись от него подальше!

— Ян, когда мне и моей семье угрожала реальная опасность, этот человек, рискуя всем, пришел и сидел со мной рядом, представляя, чем это все может для него закончиться. Ты его плохо знаешь!

— Мара, не будь наивным. Ты для него очень нужный человек. Зная твои связи во власти и в милиции, то ты для него незаменимый человек. Он сидел в тюрьме и наверняка попадал в сложные ситуации, тоже рискуя жизнью за нужных ему там людей. Эта его такая жизненная тактика: любым путем войти туда, где ему будет больше выгоды. Еще раз тебе говорю, не сделай ошибки, никуда с ним не встречай!

— Ладно, Ян, мы уже подъехали. Перенесем эту тему на потом.

Они подъехали к больнице и, поставив машину на стоянку, зашли в приемное отделение. Через пять минут они уже нашли комнату, где лежал Власик. Смотреть на него было больно. Он был весь изрезан, множество ссадин, переломы ребер и синяки по всему телу.

Увидев ребят, Власик хотел привстать, но застонав, лег обратно.

— Лежи, лежи, не вставай, — сказал ему Мара, и они присели возле кровати.

— Вот такие дела, — медленно произнес Власик, смотря на них. — Они застали меня врасплох, когда я подъехал к дому. Только я зашел за калитку, как получил сильный удар в лицо, после чего, видимо, потерял сознание и пришел в себя уже в лесу. Они привязали меня за ноги и подвесили вниз головой.

— Ты знаешь их? — спросил Мара.

— Нет. Они были одеты в камуфляжные военные одежды и почти все бородатые с автоматами в руках.

— Странно, — задумчиво сказал Мара, — они не похожи на местных уголовников, и почему именно ты, что они хотели?

— Что хотели понятно, бабки, но вот почему я, мне до сих пор не понятно!

— Что они говорили, и был ли у них акцент? — спросил Мара.

— Акцент особо не понял, они что-то гнали, что они какие-то освободители, типа все деловые и блатные будут под ними ходить.

— Он тебе имя свое назвал?

— Имя не говорил, но сказал, что они продолжают дело Фуды или Фады!

— Может, Фуада? — переспросил Мара.

— Да, наверное, Фуада!

— Да, — присвистнул Мара, — для полной картины этих не хватало!

— Ты их знаешь?

— Был такой местный авторитет, не из блатных. Он со своей группировкой в Абхазии воевал, но его в свое время воры приговорили, а теперь, как я понимаю, кто-то их воскрешает, и этот кто-то из сильных мира сего. Но что-то мне непонятно. Почему ты? Их методы? Они действуют хуже блатных. Как-то нелогично.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ян.

— Ну, понимаете, по логике, они должны были какую-то предьявудать, сумму обозначить. И если клиент противится, то идти на такие меры. А тут как-то задом наперед. Влас, может ты с ними где-то пересекался раньше? Ты можешь вспомнить?

— Нет, не помню!

— Хорошо, а где ты последнее время торговал. Может, там кто подходил?

— Стоп, — оживился Влас. — Я на своей автолавке в соседней республике торговал, а когда выезжал, меня на границе на посту тормознули. Проверили документы, накладные, и среди них был один бородач, который дал мне конверт. Я потом его по дороге открыл. Там какое-то было послание, мол, внести взнос за очищение или освобождение республики от каких-то элементов, короче говоря, точно уже не помню. Но когда обратно возвращался, меня там же остановили, и тот же бородач спросил меня об этом.

— И что ты ему сказал?

— Да послал я его с его организацией, сам знаешь куда. Так, постой, это получается....

— Теперь что-то вырисовывается. — сказал Ян. — Это что-то типа той поговорки: сначала мы жили очень плохо, а потом нас обокрали. Это просто официальный беспредел. Плати или убьем? Это, кстати, Мара, то, о чем я тебе сегодня говорил!

— Это что получается? — продолжил Власик. — Ментам плати, блатным плати и этим освободителям платить? Я не знаю, как вы, ребята, но как только из больницы выйду, заберу семью и свалю отсюда.

— Да, хорошего мало, — согласился Мара. — Они, видимо, на тебе сделали показательную порку, мол, так будет с каждым, кто не согласится отстегивать! Но что для меня ребус, это кто за ними стоит?

— Какая разница, движение уже есть, — сказал Ян. — Либо менты, либо уголовники.

— Смотри, Ян, — прервал его Мара. — Мои люди из власти или ментов, меня об этом бы предупредили. Также из среды блатных новость всплыла бы. Но и самостоятельно они не могут рулить, тем более стоять на официальном посту. Вопрос открытый: кто они, и кто за ними стоит?

— Я и выяснять не хочу, — вставил Влас. — Если ты не против, Мара, я оставлю тебе доверенность на продажу хаты и заберу семью, а как на новом месте устроюсь, напишу тебе!

— За это не беспокойся, — ответил Мара. — Все, что нужно, помогу. Честно говоря, и не знаю, что тебе в этой ситуации посоветовать: оставаться или ехать. Тебе решать! Никаких гарантий безопасности в этой ситуации сегодня тебе дать никто не может: ни мы, ни менты, ни уголовники, ни власть. Делай, как считаешь нужным. Если хочешь, Влас, я попрошу своих ментов за твоей хатой присмотреть пока ты здесь?

— Да, Мара, я заплачу им, было бы так надежнее!

— Хорошо. Ты давай, выздоравливай. Мы тебе потом продукты занесем. Завтра мы к тебе заедем.

Они попрощались и вышли. Настроение было гнетущим.

— Мара, эти изверги на нем живого места не оставили, — подавленно произнес Ян. — Как можно жить и работать в такой обстановке?

— Ян, давай сейчас не будем снова нервничать. Лучше отвези меня к моей машине. Мне нужно будет, наверное, поехать к Оскару из Ленинского отдела и попросить его поставить людей к дому Власа. Кто его знает, сейчас ни в чем нельзя быть уверенным, что у этих от-

морозков на уме. А завтра мы увидимся на работе. Во сколько должны прийти покупатели?

— После двух часов.

— Вот и хорошо, перед их приходом все обсудим.

Ян подвез Мару к его машине и уехал.

Через полчаса Мара уже сидел у Оскара в кабинете. Он специально решил обратиться к нему, потому что отдел уголовного розыска был непосредственно в его подчинении. Оскар тепло встретил Мару.

— Привет, Мара, ты что на ночь глядя? Не спится?

— Заснешь тут с такими делами, что ни день, одни сюрпризы.

— Ну, давай, выкладывай, какой у тебя для меня сюрприз?

Мара рассказал ему все, происходящее с Власиком. Оскар внимательно, не перебивая, выслушал Мару, и когда он закончил, спросил:

— У него следак был уже в больнице?

— Я это не спросил, не до этого было! Что ты думаешь об этом? Кто это?

— Скажем так, Мара. Во-первых, он не первый пострадавший от них, а во-вторых, я не могу тебе об этом говорить, но между нами скажу, что этому Власику лучше с ними не связываться, и было бы хорошо, если он после больницы уехал из республики.

У Мары от удивления не было слов.

— Вижу твое удивление, но действительность такова, Мара, что плохо сейчас везде! Пока верхи не определятся, по какому пути они пойдут, то жизнь утопающих будет в руках самих утопающих. У меня раньше воры под столом сидели, не цыскали, а сейчас, как короли ходят. Половина ментов на ставках сидят у них, а такие как я, сами за свои семьи беспокоимся. А эти, которые твоего Власика в лесу подвешивали, идейные отморозки параллельно свою власть устанавливают в республике. У них публика, неудавшиеся политики, руководящие, якобы, добровольными ополченцами, вернувшимися с горячих точек Абхазии и других регионов. Действующая власть открыто с ними не конфликтует, нет команды из центра. Их немало, и они неплохо вооружены. Их лозунги, типа, народный фронт против врагов страны и республики, и их гонцы со всех дельцов собирают мзду, якобы на правое дело. И еще непонятно, что из всего этого получится. Официально они, как общественная организация, способствующая укреплению и развитию республики, имеющая охрану с разрешением ношения ору-

жия. Во главе у них уважаемые люди, я не могу тебе назвать их имена, и они тесно связаны с властью. В общем, картина Репина «Приплыли». Власик твой, как и многие другие, которые не хотели платить, попал под раздачу. И если он официально напишет заявление, то мы должны отреагировать и попробовать обеспечить ему безопасность, а на самом деле, ты понимаешь, что не все так просто. Мой тебе дружеский совет: во-первых, не лезь в это дело, а во-вторых, если хочешь действительно ему помочь, забери из дома на время его семью и спрячь их, пока они не уедут. А насчет его охраны, я могу поставить у его палаты пару моих сотрудников, и то, если напишет заяву, хотя бы на время его нахождения в больнице. Потому что, реально, их никто искать не будет.

— Да... — присвистнул Мара. — Дедушка Ленин в гробу крутился бы, видя последствия своей революции. Оскар, неужели кучка воров, продажных ментов и беспредельных ополченцев, вы, государство не можете остановить и защитить свой народ от них? Или уже все государство, как паутина, накрыла раковая опухоль, которую некому убрать? Неужели чтобы нам, которые не хотят быть в их рядах, нужно все бросить и бежать в другие страны? Знаешь, рыба гниет с головы, а голова в нашем государстве абсолютно бестолковая, трусливая, парализованная, и если ее не вылечить, то разрушится весь организм. Неужели мы обречены ради всей этой нечисти бросать свои дома, друзей, могилы предков, неужели нет силы, способной отрезать голову этого дракона?

— Есть, Мара, и скоро эти головы полетят, но надо выждать!

— Понятно, будем жить, пока не умрем!

— Умирать я не собираюсь, а те, кто этого хочет, сам получит смерть. И давай, Мара, не разводи жижу, не забывай, мы народ, победивший фашизм, а с бандитизмом тем более справимся. А насчет Власика, ты меня понял, это пока все, что я могу сделать.

— И на этом спасибо, Оскар. Давай, я поеду.

Они приобнялись, и Мара вышел. На следующий день утром Мара заехал в больницу к Власику и передал ему содержимое разговора с Оскаром. Влас написал заявление, которое Мара завез к Оскару в отдел, после чего он послал в больницу своего опера охранять палату, где лежал Влас. Семья его переехала на время в другой город к родным жены.

ГЛАВА 23

Покупатели

После двух часов дня Мара приехал на работу, где его уже ждали покупатели, Муслим и Рафик. Ян как раз закончил показывать им цех. Они сидели в кабинете и пили чай. Мара поздоровался со всеми и сел.

— Как Влас? — спросил его Ян.

— Сегодня получше!

— Слава Богу, — сказал Ян и, обратившись к гостям, продолжил, — Мы с Марой партнеры. Вы уже все видели, можем говорить.

— Если Вы не возражаете, я бы хотел задать откровенный вопрос? — спросил Муслим.

Он был одет с иголочки: в хорошем костюме, галстук, начищенные туфли, хорошо выбрит, благоухал хорошим одеколоном. Его друг одет был скромнее: джинсы, куртка, небритый. Видно было, что в этом тандеме Муслим был главным и имел хорошую должность.

— Конечно, — ответил Мара. — Можете задавать любые вопросы, мы не кот в мешке продаем! Пожалуйста!

— Понимаете, прежде чем прийти к вам, я навел справки, поинтересовался о вас, о производительности вашего цеха, и то, что мы уже здесь, говорит о многом. Все выглядит идеально. Я директор большой трикотажной фабрики в соседнем городе, Ян знает это. И мы ищем кооператив в центре, где начальником будет мой друг Рафик. Это будет как бы наше подсобное предприятие с ограниченной ответственностью!

— Я все понимаю! — прервал его Мара. — Вы, Муслим, можете задать любой вопрос, мы будем с вами на 100% искренне!

— Почему вы его продаете? Он действительно хороший!

— Ян уходит, а без него я не останусь.

— Это главная причина?

— Это порядочно, в будущем легче жить будет.

— Жертвуя настоящим?

— Ничто не вечно под луной. Жертв здесь нет! Это, действительно, главная причина того, что я не остаюсь.

— Понятно! Это многое объясняет! Насчет цены. Она приемлема, но у нас есть условие.

— Какое?

— Понимаете, я не только директор завода, я еще и депутат, и времени у меня заниматься этим цехом нет. Как я говорил, здесь все время будет Рафик. А он в кооперативном предприятии еще не работал. Короче говоря, нам нужна будет от вас помощь.

— Какая?

— Мы хотим оплату разбить на три месяца, дать вступительные 30%, и каждый месяц по 30%, но в течении этого периода вы или кто-то один из вас, это вы решите сами, должен быть здесь, и ввести в курс дела нас, точнее Рафика!

— Нет проблем! — ответил Мара. — Или я, или Ян, или мы вместе будем здесь!

— Но это еще не все, — Муслим сделал небольшую паузу. — Вы неплохие специалисты, и в течении этих трех месяцев, если вы передумаете и захотите остаться, то можем работать вместе!

— Честно говоря, необычное предложение, — сказал с удивлением Мара. — Спасибо, но вместе я не работаю.

— Почему? — удивился теперь Муслим.

— Я по указке нигде не работаю.

— Понятно, но это так, не обязательно, я просто предложил.

— Хорошо, у меня ответное предложение.

— И какое?

— Работая здесь, естественно, мы кое-кому отстегивали, и если мы уйдем, то я их всех буду ставить в известность.

— Я понял, — сказал Муслим. — Это не проблема для нас.

— Ну, насчет ментов, официальной власти я понимаю, но есть еще и криминальный мир, и мы, так сказать, откупались мизерной платой, по цене мешка картошки, и если вы хотите, я подведу к вам человека?

— Платить блатным, — уже вмешался Рафик, — мы никогда не будем!

— Мы им тоже не платили, просто передавали мелочь на зону через нашего человека, и это стоило нам копейки, но если вы не хотите, дело ваше!

— Не хотим и не будем! — категорично бросил Рафик, хотя по взгляду Муслима было заметно, что он не так уверен, но дипломатично смолчал.

— Ну что ж, — подытожил Мара, — тогда все хорошо! Когда вы хотите начать?

— Хоть завтра. — произнес Муслим. — Договор у нас с собой, мы можем его подписать и отдать вам первый взнос.

Мара посмотрел на Яна убедиться, не передумал ли он, но Ян был очень доволен. Он взял договор и, внимательно его прочитав, передал Маре.

— У меня вопросов нет, — сказал Ян.

— У меня тоже, — сказал Мара и, взяв ручку, подписал договор. Ян тоже расписался. Рафик поставил свою подпись и передал Яну первый взнос. Ян все пересчитал.

— Все точно, — сказал Ян. — Ну что, можем это отметить!

— Давайте позже, — вставил Муслим. — просто у нас сегодня депутатское заседание и, если вы не возражаете, мы поедем. А с завтрашнего дня Рафик выйдет на работу, и мне бы хотелось, чтобы вы его представили коллективу.

— В качестве нового начальника? — спросил Мара.

— Нет, пока вы здесь, это было бы не корректно, — сказал мягко Муслим. — Скажите, что это новый технолог, а дальше будет видно. Если он быстро войдет в колею, то может вы и раньше уйдете!

— Договорились, — сказал Мара.

Ребята попрощались и ушли. На душе у Мары стало как-то неуютно, все-таки огромный труд был вложен в цех, и вот так просто, за несколько минут, он стал чужим.

— Мара, — прервал его мысли Ян, понимая, что у него на душе. — Ты же сам говорил, что «что не делается, все к лучшему»!

— Да, Ян, говорил, а еще говорят «отдай жену дяде, а сам иди к б...». Ладно, не будем об этом. Что сделано, то сделано. Я сейчас занимаюсь одной темой, я тебе говорил, это связано с производством вина.

— Я не пойду, — прервал его Ян. — Я буду уезжать отсюда, Мара.

— Ян, давай так. Мы еще здесь с ними три месяца проживем, увидим, а я пока буду эту тему продвигать, и дверь для тебя всегда открыта. Так что не будем сегодня эти вопросы поднимать.

— Хорошо, Мара. Я знаю, что у тебя времени мало будет, я буду эти месяцы с ними, обучать Рафика, и давай за эти месяцы им не будем говорить, а всем будем также платить сами от себя, а когда уйдем, поставим в известность.

— Договорились. Я должен ехать, Ян, завтра увидимся. Хорошо?

— Да, да. Езжай, а я начну все дела приводить в порядок, проверю бухгалтерию.

Мара поехал сразу к Лазарю на встречу. Мысли путались в голове, наплывая в хаотическом порядке. Маре было досадно и обидно, что он с Яном должен расстаться спустя годы работы вместе, вложив в свое дело огромный физический и умственный труд. Неужели, думал он, в других странах тоже так или Бог наказал только нашу страну, что работаешь, как вол, с большими рисками, раздавая налево и направо почти все, что зарабатываешь, чтобы выстоять, выжить, как-то обеспечить семью хотя бы необходимым. Инспекции, проверки, менты, воры, боевики — все стоят в очереди за своей долей, ни в чем не помогая, просто, чтобы не мешали. Да и плюнуть на все и пойти куда, на завод, фабрику, что зарплаты не выдают годами, расплачиваясь всякой ерундой, и это все в самой большой стране мира с огромными природными ресурсами?

ГЛАВА 24

Лазарь

Мара подъехал к конторе Лазаря. Секретарь оповестила по селектору о приходе Мары. Дверь кабинета открылась, и с улыбкой на лице появился Лазарь.

— Мара, привет дорогой, проходи!

Он приобнял Мару, и они зашли в его кабинет.

— Давай садись, кофе будешь?

— Не откажусь! — вежливо ответил Мара.

Лазарь по селектору попросил секретаря приготовить им кофе.

— Ну что, рассказывай, какие новости? — спросил Лазарь.

— В общем, встретился я с этими химиками-виноделами и полностью получил от них информацию.

Секретарь занесла кофе. Мара подробно рассказал Лазарю о содержании его беседы с виноделами. Лазарь призадумался. Лицо было спокойное, но по глазам было видно, как непросто он принимал решение. Наконец он произнес:

— Мара, допустим, я дам вам место, где это делать, добьюсь разрешение на производство шипучей газировки, но выпускать шампанское или вино легально мы не можем, это подсудное дело. Нам нужно брать разрешение и проходить тысячу инспекций. Ты вообще понимаешь, что это большая авантюра?

— Ну, ведь вокруг столько водочных цехов открылось, и почти везде кустарное производство почти на техническом спирте, и ничего. Люди все пьют. А у нас все будет один в один, комар носу не подточит. Как ты сам сказал, официально возьмем разрешение на газировку. Цех будет закрытым, внутри будут только свои люди. Готовую продукцию будет по магазинам леваком развозить!

— Ох, Мара. Ты рискованный!

— Да какой риск, Лазарь! У тебя же везде все схвачено, а с блатными я разберусь. Я мог бы и ментов на себя взять, да думаю, твои покруче! Дай нам помещение и прикрытие, за остальное я отвечаю!

Лазарь внимательно и серьезно посмотрел на Мару.

— Знаешь, Мара, глядя на тебя, я вспомнил поговорку: молодость и смелость города берет!

— А я, глядя на тебя, вспомнил другую: возраст дает опыт и мудрость!

— Ты обо мне хорошего мнения!

— Не я один, весь город!

— Ну, опыт у меня есть, а вот мудрости, кажется, не хватает, если в такую авантюру лезу.

— Значит, мы в деле?

— Была не была, — как бы с облегчением сказал Лазарь и протянул Маре руку. — Давай рискнем.

Они пожали руки. Лазарь подвел Мару к карте города и, показав рукой на ней место, сказал:

— Вот в этом районе, он за городом, там тихое место, у меня есть закрытая кожевенная фабрика. Вот тебе ключи. Поезжай, посмотри, и если тебе место понравится, ставь там цех. Начальник в том округе — мой друг, проблем быть не должно. Пока я буду делать разрешение, вы поставите линию. Думаю, что наше доленое участие 50 на 50 будет правильным.

— Да, согласен. — ответил Мара. — Мы сегодня же поедem и посмотрим место.

— Эти ключи от цеха, а ворота вам откроет сторож. Его зовут Степаныч. Я ему позвоню и предупрежу, что вы приедете.

— Хорошо, Лазарь, спасибо! Ну, тогда я поехал?

— Да, Мара, езжай. Будем на связи.

Они попрощались. Мара вышел из кабинета.

ГЛАВА 25

Виноделы-2. Старт

Через час Мара, Сава, Филипп и двое виноделов уже осматривали фабрику. И хотя последние пять лет она не работала, все корпуса были в приличном состоянии. Свет, вода и газ работали исправно. Ребята выбрали себе подходящее помещение, распределили обязанности каждого на следующую неделю и, угостив сторожа Степаныча пачкой сигарет и бутылкой вина, договорились встретиться завтра и начать строить линию разлива. Всю следующую неделю ребята трудились с утра до позднего вечера и почти закончили сборку, оставалось только завезти ингредиенты, тару и вино. Договорились, что виноделы поедут за ингредиентами и всем необходимым, что было в их компетенции, а тару, бутылки и вино Мара, Филипп и Сава завезут сами.

Мара отвез виноделов на железнодорожную станцию, где Тамаз с Тиграном сели в поезд, уходящий в сторону Грузии. Проводив их, Мара поехал домой. По дороге он остановился возле гастронома, чтобы купить продукты.

ГЛАВА 26

Рамиль

В магазине он встретил священнослужителя Матвея.

— Здравствуй, Матвей, — сказал Мара, протягивая ему руку с улыбкой.

— Здравствуй, Мара, — также с добром ответил Матвей и пожал ему руку. — Как здорово, что я тебя встретил. Весь день тебя искал и звонил домой!

— Я был за городом, Матвей. Что случилось?

— У меня к тебе есть разговор. Если можешь, поехали ко мне домой и там поговорим.

— Нет проблем, конечно, Матвей. Я на кассе рассчитаюсь, и можем ехать.

— Очень хорошо, я тебя подожду на улице.

Через минут двадцать они уже сидели у Матвея дома. У Матвея в доме был гость, которого он представил Маре.

— Мара, познакомься. Это Рамиль. Он из соседней республики.

— Мара, — сказал Мара и протянул Рамилю руку.

— Рамиль, — произнес Рамиль.

Выглядел он лет на 45-50, полуседой, невысокого роста, с видом очень уставшего и видавшего виды человека.

— Собственно ради него я тебя пригласил, — продолжил Матвей. — Давайте мы присядем за стол и за ужином поговорим. Жена Матвея накрыла им стол и ушла из кухни. Они остались втроем. Немного выпив и закусив, Матвей произнес:

— Мара, не хочу долго объяснять, но Рамиля я знаю давно. Только скажу, что в свой жизни он через многое прошел и хорошего, и плохого. В свое время он немало помогал нам в постройке нашего божьего храма, делая немало пожертвований в разные программы нашей общины, в том числе и Сонины программы. Я имею в виду нашего депутата Соню, заведующую просветительским центром нашего района

и отстаивающую интересы всей нашей общины. Она, кстати, должна была быть с нами, но у нее собрание в доме советов. Думаю, завтра она к нам присоединится. А теперь к сути нашей встречи. Я знаю тебя, Мара, с детства: из какой ты семьи, и какой ты сам человек. Мы все тебя в нашей общине уважаем и ценим. Зная твои возможности и связи, я бы очень хотел, чтобы ты, выслушав Рамиля, сделал выводы и помог бы нам вместе сориентироваться в происходящем процессе вокруг всех нас. Заранее тебе скажу, что после его рассказов, я хотел бы тебя посвятить в то, что происходит и в Сониных делах, и в моих, но пока я бы хотел, чтобы ты внимательно его выслушал.

Такое вступление было для Мары удивительно и неожиданно. Мара спросил:

— Спасибо, Матвей, что ты обо мне такого мнения, и я даже не знаю, как на это реагировать...

— Мара, — прервал его Матвей. — Не скромничай. Я знаю тебя хорошо, и как ты влияешь на своих друзей, и через что тебе пришлось пройти. Если ты не забыл, то я действующий священнослужитель. Многие прихожане рассказывают, как ты им помог, и как они тебя уважают за это. Сейчас я хочу, чтобы ты послушал Рамиля, а потом вместе сделаем выводы.

— Хорошо, — сказал Мара, — я внимательно слушаю.

Рамиль закурил сигарету и начал свой рассказ.

— Я не буду заходить издалека, просто расскажу, что происходило у нас в республике за последний год. — начал свой рассказ Рамиль. — Так вот. Лет пятнадцать тому назад мне мой двоюродный брат Мирон помог открыть в центре города ателье по ремонту обуви. Поначалу я сам работал, но потом набрал несколько человек, которым я платил зарплату. Участковый милиционер нашего района, которого звали Марак, сидел у меня на ставке. Он ничем не помогал, но я платил ему за то, чтобы он не мешал. Я, конечно, мог ему не платить, а попросить брата, но не хотел на него навешивать мелочи. С каждым месяцем этот участковый наглек и поднимал мне ставки. Я платил, но чувствовал, что терпение мое может не выдержать. И последней каплей стал его визит перед Новым годом, когда, войдя в ателье, он стал себя вести так, будто я и мои люди его слуги, и тогда я не сдержался...

... Участковый Марат с пренебрежением сказал Рамилю:

— За конец этого года ты мне заплатишь по старой цене, а с нового года будешь мне отстегивать в два раза больше.

— А ты не подавишься? — бросил Рамиль, поняв, что Марат переступает последнюю черту, но, все еще сдерживаясь, продолжил. — Ты и это не заслуживаешь, так что в новом году ты будешь получать не в два раза больше, а в два раза меньше!

— Что? — выкрикнул Марат. — Ты что себе позволяешь? Ты представляешь, кому ты это говоришь?

— Да, я это говорю собаке, которой полагается кость, а не мясо. А будешь много гавкать, ничего не получишь! — сказал Рамиль на повышенных тонах, чувствуя, что отступить и давать ему спуску нельзя.

— Да ты на кого пасть открыл? — в бешенстве заорал Марат. На шум вышли из комнат работники и, увидев участкового, растерялись, не зная, что им делать. а Марат все продолжал угрожать:

— Да я тебя, сука, за яйца подвешу. Ты у меня гноить будешь. Что ты возомнил о себе, сын шлюхи...

Но продолжить он не успел, так как Рамиль схватил со стола обувной нож и резким движением руки перерезал ему горло. Марат схватился двумя руками за свое горло, из которого струей хлынула кровь, и грохнул на колени, безумными и испуганными глазами смотря на Рамила. После чего, хрипя, упал лицом навзничь о пол, барахтаясь и дергаясь в конвульсиях. Рамиль, стоя как памятник над ним, все еще крепко сжимал нож в руке. Работники в ужасе стояли вокруг и тоже не могли прийти в себя от увиденного. Наконец Марат перестал дергаться. Вокруг его головы все больше и больше прибывала кровь.

Рамиль вышел из оцепенения, пальцы разомкнулись, нож упал на пол, от звука которого работники оживились.

— Звоните в ментовку, — спокойно и твердо сказал Рамиль. — Когда они придут, то, что видели, то и скажите.

Рамиль подошел к своему столу, вытащил из его отсека бутылку водки и стакан. Налил полный стакан и выпил, после чего вытащил сигарету, закурил и глубоко затянулся...

— На суде мне дали пятнадцать лет и отправили на отсидку в Соликамск, — продолжил рассказ Рамиль. — О содеянном я не жалел, только переживал за свою семью, за то, что лишил их кормильца. Но спасибо брату, он все годы им помогал, и они ни в чем не нуждались.

На зоне меня встретили тепло за то, что я мента завалил. Это считалось большим кредитом в уголовной среде. Авторитетом на зоне был вор в законе Беру.

— Я о нем слышал, — вставил Мара. — Говорят, он очень уважаемый вор.

— Да, он и сейчас там сидит. У него пожизненное. Вот так я стал там бродягой. Пока я сидел, мой брат неплохо поднялся и имел уже огромный бизнес. Он подкупил очень много людей, чтобы меня досрочно выпустили, и спустя пять лет я мог выйти условно-досрочно. Но произошла еще одна мокруха. Я защищал сокамерника и не сдержался!

— Что произошло? — с интересом спросил Мара.

— Мы сидели и обедали. Мой сокамерник Ждан, он из моих краев, поставив на свой поднос похлебку, шел к нашему столу, но в этот момент его случайно кто-то задел...

... От столкновения поднос вывалился из рук Ждана, и все опрокинулось на пол. Сам он хотел удержать поднос, но вытянувшись за ним, также опрокинулся на пол. К нему сразу подбежал дежурный вертухай, которого вся зона ненавидела за его жестокое обращение с любым зеком и, ударив прикладом Ждана по спине, крикнул:

— Ты что, недоносок, безрукий что ли? Сейчас будешь все это вылизывать!

Ударом сапога он перевернул лежащего на животе Ждана, почти на спину, а второй удар пришелся ему прямо в челюсть. Ждан застонал. Он и так был очень щуплым и хилым. От боли Ждан съежился. В этот момент Рамиль, вскочив на стол, в прыжке ударил ногой вертухая в лицо. От удара тот потерял равновесие и рухнул на пол, выпустив из рук винтовку. Рамиль выхватил из нее штык и, не давая вертухаю опомниться, воткнул штык прямо ему в сердце с криком: — Умри, падла!

Все быстро их окружили. Смерть вертухая была моментальной. Зеки стояли в оцепенении, пока положенец Беру не крикнул:

— Быстро все разошлись, — он оттащил Рамиля к себе. — Если кто хайло откроет и настучит, лично сам порешу. Поняли?

Все, опустив головы вниз, разошлись по своим местам. Прибывшие на шум вертухай быстро всех разогнали. Прибывший врач констатировал смерть...

— Вот так я убил еще одного негодяя. После этого был большой переполох в зоне, но никто меня не сдал, боясь мести Бери, а я стал его масть держать и кантоваться в его обойме, так как он впрягся за меня. Хотя начальство догадывалось, что это я, но показания против меня никто не дал. Правда, у меня было еще парочку мокрых дел на зоне, но это уже относилось к уголовным разборкам, когда находили крыс, стучавших на бродяг. В общем, год назад, отсидев полный срок, я откинулся, имея за плечами несколько убийств, став своим в уголовной среде. Самым трудным на воле стала для меня настоящая действительность. Это будто бы я сел на машину времени и попал из прошлого в будущее. Я сразу увидел резкий контраст жизни за решеткой, где, по идее, тяжелая, страшная и опасная жизнь среди сидящих терпил, но абсурд ситуации состоял в том, что на свободе и творился самый настоящий бардак и беспредел. Но не буду отклоняться.

Так вот, на воле меня встретила моя родня. Мой брат имел огромный бизнес, где были разные цеха, своя гостиница, скотоферма и птицеферма. Он мне сразу предложил, чтобы я стал работать с ним, но мой новый статус не располагал к тому, чтобы я стал работягой, и я откровенно ему это изложил. Тогда он предложил мне стать как бы надсмотрщиком за всем хозяйством, что в принципе мне подходило.

Немного освоившись, я решил навестить моих старых друзей. Первым, к кому я пошел, был мой одноклассник Фидель. Ему родители дали имя в честь кубинского лидера. Я поехал к ним домой. Дверь мне открыла Катя. Она была шокирована, увидев меня. Она пригласила меня в дом. И уже в доме я увидел на комоде большой портрет Фиделя в черной рамке и горящую свечку перед ним. Мы сели, и Катя разрыдалась. Немного успокоившись, она мне рассказала, как Фидель, не слушая ее, стал начальником в трикотажном цеху, где ему платили зарплату. Я его уговаривала уйти, уехать, но он был как загипнотизированный, стал молчаливым и угрюмым. На все мои расспросы отмалчивался. Все внутри себя держал, не делился. А в последний день, перед тем, как его не стало, пришел домой. На нем лица не было. Я у него спрашивала, что случилось, а он достал из-за книжной полки деньги и протянул мне, говоря, что если вдруг с ним что-то случится, то это на первое время хватит. Я стала плакать, умолять уехать ради детей, но он остановил меня, мол, ради них он это и делает. Я весь

вечер проплакала, а ночью за ним заехал какой-то человек, которого он называл Булатом, и, несмотря на мои просьбы, он с ним уехал и больше не вернулся. Катя снова разрыдалась. Перед уходом я узнал у нее, где находился этот цех. Ушел я от нее с ужасным настроением, раздирающимся злостью и местью.

— Так его, что, не нашли? — спросил Мара у Рамиля.

— Менты дело закрыли, мол, без вести пропавший, а нет тела, нет дела. Типа, он сам свалил и где-то скрывается якобы от правосудия. На самом деле эту лапшу они вешали для его семьи и родственников, а в действительности, сами чуть ли не руководили всем этим с группировкой Мусы.

— Как ты сказал? Мусы? — перебил его Мара.

— Да, Мусы. А что, ты о них слышал?

— И слышал и видел. Пришлось как-то схлестнуться. Жуткий тип!

— Жуткий — мягко сказано. Он дьявол на земле. В одно время он сидел с нами в лагере и был правой рукой Беры. Он один из жесточайших рецидивистов-уголовников, с которыми, в основном, лютовал в Украине, в Одесской области, где от упоминания его имени у всех дельцов судороги начинаются. Он и его бригада не только убивают неподчинившихся дельцов, а вырезают всю семью, включая детей и беременных женщин. Честно говоря, мне удивительно, как ты перешел ему дорогу и остался живым?

— Это случайно вышло. Один водитель нашего реализатора, он тоже даг, запросил больше оговоренной суммы, а ему доходчиво объяснили, прилично поколотив. Вот он и ломанулся к ним за помощью, его один кореш в этой бригаде был. Они именно в это время у нас в республике отсиживались. И, короче говоря, они пришли за него просить. В общем, когда мы встретились, один из моих кентов, он тоже сидел раньше и, если не ошибаюсь, в той же зоне, где и ты с Берой. Сава...

— Сава? — Рамиль задумался, усиленно перебирая в памяти его имя. — Не могу вспомнить. Может, он сидел, когда я откинулся? Ну да ладно, и что потом?

— Они вспомнили зону, Беру, общих терпил, и Сава ему объяснил, что его претензии чистая туфта, и водитель незаслуженно навариться хотел и правильных людей в непонятку ввел. Короче говоря, ситуация разрулилась и, пожав друг другу руки, мы разбежались!

— Да, Мара, думаю, твоим друзьям тогда подфартило!

— Так же и Сава тогда сказал, хотя в тот момент наши шансы были 50 на 50!

— В любом случае то, что вы с ними разбежались без последствий, удача!

— Не совсем без последствий, они успели до встречи нашего друга дубинкой по голове отоварить. Этот водила им его адрес показал, и теперь у него постоянные боли. Но что же было дальше, Рамиль, когда ты узнал про этого Булата?

— Так вот. Я ушел из дома Кати в очень подавленном состоянии. Через день я вычислил этого Булата, используя мои связи в преступном мире. Это был рядовой блатырь из местной группировки, работавшей под Мусой. Как бы на правильном языке, филиал центра. Сам Муса и его ударная бригада находились в Украине. Булат жил в небольшом поселке, на самой окраине его. Я поехал к нему поздно ночью, предварительно сняв с моей машины номера, не хотелось светиться перед местными жителями. Его дом я нашел без труда. Он был последним перед большой рощей и небольшим местным кладбищем. Проехав мимо дома метров сто, я закрыл машину и незаметно перелез через небольшой частокол. Собаки не было. Без особого труда я справился с замком двери и потихоньку проник внутрь.

Домик был небольшой: коридор и одна комната, которая была одновременно кухней, залом и спальней. От небольшой настольной лампы освещение было слабое, на столе было несколько бутылок водки и скудная закуска. В доме он был один. Я присел на стул возле кровати и потянул его за ухо...

Дернув Булата за ухо, Рамиль ждал, когда он проснется, но спал он крепко, судя по двум пустым бутылкам водки на столе, он глубоко дремал. Рамиль вытащил револьвер из кармала и засунул ствол в ухо Булата и надавил на него. Лицо Булата скорчилось, и он, открыв глаза, с большим удивлением смотрел на Рамиля, не понимая, спит он или нет. Рамиль взвел курок, и только тогда Булат понял, что это не сон, и быстро спросил:

— Ты кто?!

— Дед Пихто, — ответил Рамиль.

Булат пытался подняться, но Рамиль резким ударом в челюсть уложил его назад.

— Ой! — вскрикнул он от боли. Из носа хлынула струйка крови. Булат, уже не поднимаясь, с испугом спросил:

— Ты кто такой? Что тебе надо?

— Ты в Бога веришь? — невозмутимым голосом продолжил Рамиль.

— В кого? — ошарашено спросил Булат, боясь пошевелинуться. Рамиль снова ударил его, теперь уже в глаз.

— Если ты будешь продолжать не отвечать, а переспрашивать, станешь калекой. Ты понял?

Булат, прикрывая глаз рукой, кивнул головой.

— Да, — сказал он, — понял!

— Спрашиваю еще раз. Ты в Бога веришь?

Булат медленно кивнул головой, все еще находясь в шоковом состоянии, не понимая, что на самом деле происходит, но, чтобы не злить Рамиля, делал то, что тот от него требовал.

— Так вот, — произнес Рамиль. — Я — твой божий суд! Я буду тебе задавать вопросы, на которые ты мне будешь давать точные ответы, и упаси Бог мне врать. Я тебе сразу яйца отстрелю. Ты меня понял? — уже угрожающе сказал Рамиль.

— Да, да, понял, — быстро ответил Булат.

— Под кем ты ходишь?

— Я?

Рамиль наставил пистолет ему между ног. Булат испуганно задержался и, запинаясь, быстро сказал:

— Под Авазом. Он положенец! Но автор — Муса. Он самый главный.

— Как вы вышли на Фиделя?

— На кого? — удивился Булат, но, увидев реакцию Рамиля, с беспокойством спросил. — Я правда не понимаю, может, подскажешь?

— Фидель, которого ваша бригада поставила начальником трикотажного цеха.

Видно было, как Булат суматошно вспоминал, о чем его спрашивает Рамиль, и вдруг будто его осенило. Он выпалил:

— Фидель? Да, да понял. Я его помню!

— Он живой? — строго спросил Рамиль.

— Я не виноват, это не я, — чуть не плача, оправдывался он. — Но я все, что знаю, расскажу, только не стреляй.

Рамиль понял, что Фидель убит. Он встал и, подойдя к столу, взял бутылку водки, открыл ее и с горла сделал несколько глотков. Вернувшись к Булату, он продолжил.

— Ты мне сейчас полностью расскажешь: что, когда и как происходило. И если я пойму, что ты врешь, я буду тебя по кускам резать. Сечешь?

— Все, что я знаю, я расскажу!

— Слушаю. Рассказывай.

— А я могу опохмелиться? — тихо спросил Булат.

Ромиль налил ему полстакана водки. Булат жадно выпил до дна.

— С чего начать? — спросил Булат.

— С начала! Как вышли на Фиделя!

— У нас был свой человек в управлении трикотажной фабрике. Он предложил нам найти подставного терпилу, чтобы поставить его начальником цеха на филиале в одном из районов. Схема была простая. С фабрики туда отписывали двадцать тонн полушерстяного полотна под имя начальника цеха. Должны были пошиться спортивные костюмы, которые наша бригада должна была вывезти как готовую продукцию в Украину, где люди Мусы его распределяли по точкам своих барыг. После чего этот начальник якобы исчезал с документами, и все концы уходили бы к нему!

— То есть, другими словами, этот человек был заранее приговорен?

— Да, вариантов других не было. От ментов свой человек имел долюну, и должен был дело списывать на пропавшего начальника цеха.

— Якобы он ушел с баблом в бега?

— Да, именно так!

— Как на Фиделя вышли? Кто наводку дал?

— Мы знали одного цеховика Кешу, он нам долю отстегивал. Фидель был его кентом. Он продавал через свой магазин Кешин товар.

— Ты сказал Кеша? — переспросил Рамиль, вспомнив, что у Фиделя тот часто бывал. После исчезновения Фиделя о нем все в городе рассказывали, что Кеша попал в аварию со смертельным исходом.

— Да, Кеша. — подтвердил Булат. — У него магазин был в центре города.

— О Кеше ты мне расскажешь чуть позже, если захочешь жить, а пока продолжай дальше!

— Меня Аваз поставил в этот цех смотрящим, я пас Фиделя и Кешу. В цеху посадили 100 швей, и они эти двадцать тонн за три месяца перемолотили. За это время я бывал много раз и у Фиделя на хате, а также у Кеши. У Фиделя баба стремная была. Хотя он и представлял меня, как его партнера, они почти выкупила, что я не из их колоды... — он запнулся и, видимо, поняв, как на него вышли, спросил: — Так это эта сука на меня вывела?

Мощнейший удар под дых заставил Булата скорчиться от боли.

— Не раздражай меня, — брезгливо произнес Рамиль. — Продолжай.

Отдышавшись, Булат продолжил:

— Когда всю продукцию отправили в Украину, Аваз приказал убрать Фиделя, а следом и Кешу!

— Как это было?

— Когда пришел этот день, Аваз дал мне двоих исполнителей, и мы ночью поехали к нему домой. С телефона-автомата я позвонил ему, что, когда я подъеду, то постучу в окно, чтобы он вышел. Через пятнадцать минут он уже сидел в машине. Мы привезли его сюда...

...Булат завел Фиделя в дом и, посадив за стол, поставил перед ним листок бумаги и ручку.

— Зачем ты меня сюда привез? — спросил Фидель у Булата. — И зачем ночью?

— Значит, ты сейчас напишешь письмо Катьке с объяснениями, почему ты уезжаешь!

— Не понял, Булат, я, что, куда-то уезжаю? — с большим удивлением спросил Фидель, ничего толком не понимая. — Что происходит, ты можешь мне объяснить?

— Короче, Фидель, мне вечером позвонили и сказали, что цех менты опечатали, — стал врать ему Булат. — Поэтому, чтобы тебя не посадили, нужно на время отсидеться, пока мы все не урегулируем с ними.

— Ну, можно было дома это сказать, я бы предупредил Катю, и мы бы уехали! — недопонимая до конца ужас своего положения, наивно произнес Фидель.

— Мне цинканули, что за тобой уже менты выехали, и поэтому надо было срочно тебя увозить, ты мне еще спасибо должен сказать,

что я тебя перехватил. Сейчас на допросе сидел бы в специзоляторе. Так что пиши Катюхе записку, а я ее ей утром завезу!

— А что писать?

— Пиши: «Катя за меня не волнуйся, у меня все хорошо. Я сделал хорошие деньги для нашего будущего. Когда проверка в цеху закончится, и все утихнет, я за вами вернусь, и мы уедем. Целую, Фидель»

Фидель написал слово в слово то, что ему продиктовал Булат.

— А что дальше? — спросил Фидель.

— Теперь распишись, чтобы она поверила, что это ты написал, — Фидель поставил подпись и передал листок в руки Булата. Пробежав глазами написанное, Булат сложил лист и положил в карман. — Все, молодец, теперь можно и выпить.

Булат открыл бутылку водки и налил Фиделю полный граненый стакан, а себе в рюмку.

— Ну что, за твое освобождение, — сказал Булат и залпом выпил.

— Ты мне прям лошадиную дозу налил, — сказал Фидель.

— Давай, давай, пей, — бросил ему Булат и, вытащив из холодильника колбасу, порезал ее на кусочки. — Вот тебе и закуска.

Фидель выпил почти до конца и закусил колбасой. Через минуты две водка стала его расслаблять, скованность и слабый испуг оставили его, ему стало легче. В дом зашли те двое, которые до этого сидели в машине.

— Ну что, Булат, готов?

— Да, сейчас пойдем, — ответил им Булат и, быстро налив Фиделю еще стакан, протянул его ему. — Ну, давай Фидель, за будущее твоей семьи.

Они выпили.

— А теперь пошли! — сказал Булат.

Уже как бы во хмелю, Фидель спросил:

— А куда идти надо?

— Пойдем, я тебе что-то покажу, — сказал Булат, и они, выйдя из дома пошли в сторону кладбища.

Водка еще больше стала мутить сознание Фиделя, и он послушно шел с ними вглубь кладбища. Наконец они подошли к границе кладбища, за которой начинался лес. Они остановились возле свежерытой ямы. Двое сопровождавших их верзил подошли вплотную к Фиделю и развернули его спиной к вырытой яме. Один из них посадил Фиделя на

колени и, схватив за волосы, оттянул его голову назад. Фидель начал осознавать, что происходит что-то не то. Он почти протрезвел и, глядя на Булата, спросил:

— Булат, что ты делаешь?

— Так надо, Фидель! Если хочешь, молись!

— За что? Я же делал все, что ты хотел? — с мольбой в голосе произнес Фидель. — Не делай этого. Я тебя умоляю. Отпусти меня. Я возьму семью и уеду...

Но он не успел договорить. Один из двоих, который держал его за волосы, резко и быстро полоснул его по горлу ножом. Кровь хлынула струей. Фидель прохрипел что-то и схватился обеими руками за горло, в глазах был ужас. Его палач толкнул Фиделя в яму, после чего они стали его, еще полуживого закапывать...

... Рамиль молча смотрел в глаза Булата, только желваки на лице, выдавали его внутреннее состояние. Булат замолк, боясь произнести слово. Через минуту Рамиль спросил:

— Как был убит Кеша?

— Кеша? — переспросил Булат.

Рамиль взвел курок пистолета и приставил дуло в центр лба.

— Я внимательно слушаю.

— Хорошо, хорошо, — быстро выпалил Булат. — Я вспомнил. Я все расскажу. На следующий день я поехал к Кеше в его магазин. Он знал, что я партнер Фиделя, и как-то за обедом спросил, если у меня есть на примете кто-нибудь, кому он сможет продать свой дом. Потому что открыто его выставить на продажу он боялся. Он не знал, чем я занимаюсь на самом деле, потому что Фиделю мы пригрозили расправиться с его семьей, если он кому-то расскажет, кто я на самом деле. Поэтому Кеша и попросил меня помочь ему.

— Дальше.

— Я ему сказал, что не надо никого искать, я сам куплю дом и магазин. Он очень обрадовался. Мы договорились, что я ему на завтра принесу бабки, и мы пойдем к нотариусу и переоформим на моего человека магазин и дом. Нотариус был наш человек. Мы поехали к нему в офис, где я передал деньги Кеше, а нотариус переоформил все на нашего человека. Кеша попросил у меня три дня, чтобы переехать к своему дяде. Когда он с семьей туда переехал, наша бригада поехала к ним, чтобы забрать бабки...

... Уже за полночь Булат и еще пять человек на двух машинах без номерных знаков остановились за углом от дома дяди, в котором остановился Кеша. Все надели на голову черные колготки с прорезями для глаз и рта. Они тихо подошли к калитке и, открыв ее, проникли во двор. Недолго провозившись с замком, открыли дверь. В доме было тихо. Они, разбившись на группы по два человека, разошлись по разным комнатам. Булат поднялся на второй этаж и с ним еще двое. Тихо открыв дверь одной из спален, он осветил фонариком комнату. Там спали двое детей. Закрыв ее, он пошел к другой спальне, в которой спал Кеша с женой. Один из его людей подошел к кровати со стороны жены, а другой присел на тумбочку возле Кеши. Булат стал напротив них возле кровати. Неожиданно внизу послышался шум и чей-то полукрик, который сразу оборвался. Кеша и его жена проснулись, хотели подняться, но сразу оказались в руках находящихся возле них бандитов, которые зажали им рты. Булат приказал им держать их, а сам быстро спустился посмотреть, что произошло внизу. На полу он увидел расprostертого пожилого мужчину без признаков жизни. Один из его людей сказал:

— Этот мерин из спальни выскочил, хотел ударить меня, но Брашка успел его кастетом уложить!

— Он что, очоурился? — спросил Булат.

— Хрен его знает, я его по голове отоварил, он крякнул и затих!

— Кто еще есть в доме?

— Внизу никого нет.

— Ладно, прошмонайте все здесь, а мы наверху закончим! Брашка, ты иди со мной, — они поднялись наверх. Войдя в комнату, Булат подошел к окну и наглухо задвинул шторы, после чего включил свет. Кеша с женой сидели с зажатыми ртами и с огромным испугом смотрели на них.

Булат подошел поближе к Кеше и грозно спросил:

— Он тебе сейчас освободит хайло, и ты без шума ответишь на мой вопрос. Если понял, кивни головой.

Кеша кивнул головой.

— Где бабки?

— Я все отдам, никого не трогайте.

— Конечно, отдашь, ты же хочешь, чтобы твоя жена и дети остались живыми?

— Да, да, — быстро ответил Кеша. — Не трогайте их, пойдёмте вниз. Деньги у дяди в спальне под кроватью.

— Вставай, идем, — приказал ему Булат.

Кеша встал и пошел вниз в сопровождении Булата и Брашки.

Внизу Кеша увидел на полу дядю, лежащего без движения, и сразу же бросился к нему.

— Дядя, что с тобой? — вскрикнул он. — Что вы с ним сделали?

Булат ударил ногой Кешу в живот. Он скорчился. Сзади подошел Брашка и, схватив его за волосы, потащил в спальню.

— Еще раз хайло откроешь, тебе голяк будет, — предупредил его Брашка.

Кеша вытащил из-под кровати чемодан и открыл его. В нем лежали деньги и золотые украшения.

— Вот, забирайте все, но не трогайте семью, — попросил Кеша.

Сверху послышался шум и какое-то движение. Кеша услышал стоны жены. Он быстро вскочил и побежал мимо Булата и Брашки в спальню, увидел, как один из них насиловал его жену, а другой держал ее руки, зажав ее рот, чтобы она не кричала.

— Твари! — крикнул Кеша и бросился на насильника, повалив его на пол. Перекатившись на полу несколько раз. Кеша, сидя на нем, вцепился ему руками в горло и стал его душить. Но через мгновение он, глухо вскрикнув, с застывшим выражением на лице, медленно разжал пальцы рук и упал на него, перекатившись на пол. В боку у него торчал нож. Увидев это, жена потеряла сознание. Вбежавшие в комнату Булат и Брашка уже ничего изменить не могли. Из детской спальни послышался плач детей. Булат со злостью выкрикнул:

— Вы че, с дубу рухнули? Зачем ее харить стали?

— Так больно стремная телка, уже готовая к раздаче, — оправдывался насильник. — Все равно ее хахаля валить надо было, аппетитная сучка!

— Потом поговорим, а сейчас берем его и тащим в машину, пока соседи не нагрянули.

— А с телкой что делать?

— Задушим ее, она нас видела, — сказал он и пошел вниз. Брашка взял ее за голову и резко повернул так, что переломал позвоночник.

Двое верзил потащили вниз Кешу за ноги. Они вышли во двор. Булат подошел к машине Кешы, ключи были в зажигании. Он сел за руль и завел ее.

— Быстро откройте ворота, а его сажайте на переднее сидение. Я поеду с ним вперед, а вы за мной.

Они посадили его на сидение и привязали ремнем безопасности.

— Где пика? — спросил у них Булат.

— У меня, — ответил Брашка.

— Хорошо, рванули! — и он выехал со двора.

Выехав на окраину, Булат на небольшой скорости въехал в столб освещения. Из-под капота машины пошел пар. Булат и Брошка перетаскивали Кешу на место водителя и, перетянув его ремнем безопасности, сели в свои машины и уехали...

— Что было потом? — строго спросил Рамиль.

— Менты дело закрыли, как несчастный случай, а его баба, мол, не выдержала и покончила с собой.

— Жить хочешь?

— А отпустишь? — недоверчиво спросил Булат.

— Отпущу. К предкам!

Рамиль взял со стола нож и по самую рукоятку воткнул его прямо Булату в сердце. Глаза Булата расширились от боли и страха, он стал жадно хватать ртом воздух, по лицу пошли судороги. Вместо слов он стал хрипеть и свалился навзничь.

Рамиль протер водкой рукоятку ножа, оставив его в груди Булата, встал и вышел...

... В комнате возникла тишина. И после небольшой паузы Мара спросил:

— А что стало с детьми?

— Детей забрали родственники Кешы. Дядя умер.

— То, что ты рассказал, Рамиль, это большая трагедия. Я не знаю, как бы поступил на твоём месте, — сказал Мара. — Но, может быть, вместо казни его надо было сдать власти, ведь ты ликвидировал исполнителя, а организаторы ни за что не ответили? А что с их положенцем, как ты его назвал, Аваз?

— Мара, там, где я находился последние годы, к ментам ломиться запаadlo. А насчет Аваза и его коdлы — другая тема. Если есть время, я расскажу.

— Я никуда не спешу, — ответил Мара. — Если Матвей не занят.

— Если даже я был бы занят, то все оставил бы ради этой встречи, — быстро ответил Матвей. — Я давно хотел ее организовать. Может, чайку вскипятить?

— Нет, лучше водки, — сказал Рамиль.

Они выпили, после чего Рамиль продолжил.

— Да, конечно, Мара, убрав Булата, я просто отомстил за моих людей, но в целом проблема оставалась. К положенцу Авазу было трудно подступиться. Его охрана была не хуже, чем у членов политбюро. Он очень многим перешел дорогу, и весь район был обложен поборами, как в старину при разгуле татаро-монгольского ига. Сопrotивляющихся жестоко ликвидировали. Он не просто отступные брал, а входил в равную долю, поставив своих людей повсюду.

Но с ними у меня не было проблем, так как по всем понятиям я делал правильно все. В зону, где я сидел, я ежемесячно делал передачи, которые вор Беру распределял. И при таком раскладе Аваз пожить у нас не мог. Беда пришла с другой стороны.

У моего двоюродного брата дела шли очень хорошо, бизнес процветал, и у него появились враги среди высокопоставленных людей республики. Естественно, они захотели откусить большой кусок его пирога. Но у брата был очень жесткий, дерзкий характер. Давление и угрозы он не терпел и вмешиваться в свой бизнес никому не позволял, хотя я его предупреждал, что те, кто наверху, не потерпят выскочек снизу и будут использовать всю свою власть и влияние, чтобы раздавить его. К сожалению, он меня тоже не слушал и их делегатов выгнал. Эти люди знали, что у нас сильные завязки в уголовном мире, и их не подключали. Они решили пойти другим путем, от которого у нас не было прикрытия.

— Независимые, якобы, ополченцы?! — вставил Мара.

— Что-то в этом роде. Хотя их методы ничем от уголовников и рецидивистов не отличаются, единственная разница, они не подчиняются ворами. Это люди войны из разного сброда, которых крышуют политики. Исчерпав все мирные возможности, они неожиданно нанесли первый удар. Мой брат попросил меня поехать к его отцу, потому что он уже

час не отвечал на его звонки. Я взял с собой пару ребят, оружие, у нас было официальное разрешение на его ношение через одну охранную контору, где начальником был друг брата, и поехали...

... Подъезжая к дому отца брата, Рамиль заметил две машины без номерных знаков, стоящие возле калитки.

— Так, ребята, — сказал Рамиль. — Мы остановимся за углом и сзади через забор проберемся в дом. Оружие держите наготове. Чуть-что сразу мочите, все ясно?

— Да, — ответили оба.

Рамиль остановил машину за углом, и они быстро пробрались к заднему входу. Один из ребят перепрыгнул через забор и открыл дверь. Через сад, прячась за деревьями, они потихоньку подошли к дому. На веранде задней части дома стоял один человек в камуфляжной военной форме с автоматом в руках. Незаметно Рамиль прокрался за угол дома и, подождав, пока тот не повернулся к нему спиной, быстро подбежал и рукояткой пистолета ударил его по голове, отключив сразу. Двое ребят Рамиля оттащили незнакомца в сад, предварительно сняв с него автомат.

Через дверь, выходящую на веранду, они втроем проникли в дом и попали в спальню. Дверь, ведущая из спальни в зал, была открыта, и они услышали, как кто-то, видимо, старший из бандитов, приказывал кому-то из своих людей:

— Волоките его пахана в машину и сваливаем.

Рамиль потихоньку заглянул через дверь. В комнате было человек семь. Двое из них схватили за руки отца Мирона и потащили по полу, как показалось Рамилю, бездыханное тело отца. Силы были неравные, но Рамиль все-таки решил вступить с ними в бой. Он выстрелил в спину одного из тащивших тело. В ответ завязалась перестрелка. Кто-то из них крикнул:

— Все сваливаем, по машинам!

Рамиль со своими людьми не мог выйти из комнаты, потому что один из противников остался и стрелял из автомата в проем двери. Через несколько минут послышался рев машинных моторов, автоматчик затих. Рамиль потихоньку вышел из укрытия и побежал к выходу из дома. Он успел заметить, как две машины рванули с места и быстро отъехали. Рамиль с ребятами побежали в сад за тем, кого они выклю-

чили, но его там уже не было. Они зашли в дом, и Рамиль позвонил Миرونу.

— Мирон, это я. У меня плохие новости. Они увезли отца. Приезжай, я тебя жду здесь! — он повесил трубку.

Почти одновременно с Мироном подъехала милиция. Увидев Мирона, старший из них подошел к Миرونу.

— Здравствуйте, майор Чекало, — представился он. — Поступил сигнал, что в доме была слышна перестрелка.

— Я также, как и вы, майор, только подъехал. Это дом моего отца. И еще не знаю, что произошло.

— Мы должны зайти в дом и все проверить, — ответил майор.

— В этот момент на крыльце появился Рамиль. Мирон быстро подошел к нему.

— Что с отцом?

— Здесь была мини-война. Мы не смогли его освободить. Их было человек десять-двенадцать. Они его увезли!

— Ты видел отца?

Подошел майор и, прервав их разговор, спросил:

— Вы не возражаете, если мы войдем в дом?

— Кто ваш начальник, майор? — спросил Мирон.

— Полковник Митин!

Мирон подумал с секунду и сказал:

— Заходите, смотрите, потом соедините меня с ним.

— Хорошо, — ответил майор и, подзвав к себе помощников, пошел за Мироном и Рамилем в дом.

Пока он осматривал весь дом, Рамиль бегло пересказал Миرونу, что произошло.

— Рамиль, по твоему рассказу я не совсем понимаю, жив отец или нет?

— Мирон, а на хрена им мертвого увозить? Такую обузу на себя брать?! — сказал Рамиль, хотя сам мало верил, что отец остался в живых, но в этот момент не хотел говорить с братом о своих плохих предчувствиях.

— Что же делать? — бросил с досадой Мирон.

Подошел майор:

— Мы должны вызвать сюда следственную бригаду и экспертов-криминалистов! Как я вижу, тут была небольшая война. Кто был

дома?

— Отец! Его украли!

— У Вас есть какие-то предположения, кто это мог сделать?

— Если и были бы, то надежды, что Вы их решите, у меня нет.

— Как знать, — ответил майор. — Вы всех под одну гребенку не ставьте.

Мирон с интересом посмотрел на майора прямо в глаза. Майор спокойно выдержал паузу.

— Ты о чем говоришь, майор, о каких гребенках? Ты вообще знаешь, кто я и чем занимаюсь?

Майор что-то хотел ответить, но Мирон, не дав ему открыть рот, уже возбужденно продолжил.

— Ты что думаешь, я тебе хрен с горы? Кто будет к простому работяге врываться в дом с отборными, вооруженными до зубов бойцами и воровать отца. Я, майор, руководитель и создатель огромного концерна союзного значения, дающего огромную прибыль государству. Вот как ты думаешь, кто ко мне домой пришел с войной, кто меня отжать хочет?

Майор немного замялся, не зная, что сказать.

— А ты не говори, — ответил за него Мирон. — Я тебе сам скажу. Те люди, которые их прислали и которые ими руководят, не мелкие там сошки, а люди, облаченные властью, перед которыми ты навтыяжку стоять будешь. И даже если ты честный мент, говорят же «в семье не без урода», то есть черта, за которую ты не то, что переступить не сможешь, а просто не дойдешь до нее. А если не приберешься никуда, то всю жизнь будешь служить честным ментом на зарплату и заниматься бумажными, канцелярскими отчетами до тех пор, пока не женат и не имеешь детей. Потому что на существующие ментовские оклады тебе, без вариантов, либо дельцов, либо воров прикрывать надо. И чем выше будет твой чин, тем выше будет твоя ставка. А в этом деле, майор, не только ты, но и твое начальство мне помочь не смогут, не по Сеньке шапка. Это очень серьезные и высокопоставленные люди. Я доходчиво тебе объяснил?

— Более чем, — сдержанно ответил майор, понимая, что эту карту ему крыть нечем. — И все-таки мы продолжим свое дело.

— Делайте, что считаете нужным, — уже спокойно сказал Мирон и протянул ему свою карточку. — Это моя визитная карточка. Если

возникнут вопросы, свяжитесь с моими адвокатами, а сейчас нам надо ехать. Пока, майор.

Майор молча проводил их взглядом. Через полчаса Мирон и Равиль сидели в кабинете Мирона. По всему концерну уже просочилась информация, что совершилось нападение на его отца. Люди сочувственно перешептывались. Все, кто работал у Мирона, крепко держались за свое место и добросовестно выполняли свои функции, так как заработная плата была самая высокая, плюс большие премиальные за перевыполнение нормы.

Секретарь по селектору сказала, что с Мироном очень срочно хотят поговорить не назвавшие себя люди по поводу его отца. Мирон быстро поднял трубку.

— Соединяй!

— Это Мирон? — голос был прокуренным и грубым.

— Да, слушаю! — ответил Мирон.

— Твой пахан у нас! Тебе нужно будет выполнить наши условия!

— И какие у вас условия?

— Мы забьем тебе стрелку, на нее придут наши люди с адвокатом. Тебе надо будет подписать несколько ксив о том, что мы станем партнерами!

— Что с моим отцом, я хочу его услышать! — категорически сказал Мирон.

— Слушай меня, — командным голосом продолжил он. — Хочешь его услышать, сделай, как я сказал. Тебе перезвонят и скажут время и место встречи!

В трубке послышался гудок. Рамиль спросил:

— Что они хотят?

— Стать партнерами! Сказали, что вернут отца, если подпишу бумаги, которые должен принести их адвокат на встречу со мной.

— А доказательство, что отец жив?

— Предъявят при встрече! — в задумчивости ответил Мирон.

После небольшой паузы Рамиль спросил:

— Ты хочешь пойти?

— А у меня есть выбор?

— Ты прав. Торг здесь не уместен, но на выборе места мы должны настоять. Пусть это будет какой-нибудь ресторан в центре города. Я

дам тебе моих двоих людей, а сам оцеплю район. Ты ментов будешь подключать?

— Они подключены.

— Не понял? — удивился Рамиль. — Когда?

— Давно, и с их стороны, Рамиль, эти предложения мне поступают давно от высокопоставленных людей. Я знаю, кто и какие силы за этим стоят. Сегодняшний день показал, что мирные переговоры закончились. Я, честно говоря, ожидал удар по себе, но они зашли с тыла. Скажи, Рамиль, ты был в тот момент в доме, есть надежда, что отец жив?

— Если честно, — замялся Рамиль. — Точно ответить не могу. Они открыли по нам шквальный огонь. Я только мельком увидел, как они его в машину затащили. Я не знаю.

— Спасибо за честный ответ. Думаю, придется играть по их правилам, пока я не буду знать точно, что с отцом.

По настоянию Рамиля, Мирон выбрал место встречи в небольшом ресторане, находящемся в людном месте в центре города. Рамиль заранее расставил своих людей по разным направлениям вокруг ресторана. В назначенное время к ресторану подъехало такси, из которого вышли двое мужчин в хорошо пошитых костюмах. Они вошли в ресторан и подсели за стол, за которым уже сидел Мирон и его адвокат.

— Здравствуйте, — сказал один из них и, открыв портфель, вытащил стопку бумаг, положив их аккуратно перед собой. — Меня зовут Арнольд. Я должен предоставить вам бумаги, чтобы вы ознакомились и подписали. Заранее хочу сказать, что я ни на какие вопросы, кроме этих, ответов не знаю.

Мирон взял бумаги и, бегло прочитав их, спросил:

— Пока я не увижу своего отца, я ничего подписывать не буду!

— Я всего лишь адвокат, и сейчас делаю свою работу, которую не выбирал, но если Вы не подпишете, то должны подойти к телефону. Вам позвонят.

Мирон подошел к телефону, который сразу же зазвонил. Ему стало понятно, что кто-то контролирует каждый их шаг либо в ресторане, либо снаружи его.

— Я слушаю! — сказал Мирон в трубку.

— Если ты не подпишешь бумаги, получишь покойника! — произнес в трубку тот же наглый голос. Мирон понял, что отца в живых нет, и они шли во банк, в наглую отжать его бизнес.

— Если в течении пяти минут я не увижу отца, то вы не долю, а дырку от бублика получите!

— Ты только что за бабки своего отца убил, — грозно сказал неизвестный.

— За бабки вы моего отца убили, и я вас из-под земли найду! — также пригрозил ему Мирон.

— Не захотел по-хорошему, получишь по-плохому! — как отрезал, сказал тот и повесил трубку.

Мирон подошел к столу.

— Никаких соглашений не будет, можете уходить! — сказал Мирон их адвокату.

— Тогда, — сказал адвокат, — если Вы ничего подписывать не будете, они просили дать вам этот конверт.

Адвокат передал конверт Мирону. Он быстро раскрыл конверт и вытащил из него листок, на котором было написано: «скоро встретишься с отцом». Мирон предал листок своему адвокату. Он, прочитав его, положил к себе в портфель. После чего Мирон вышел из ресторана и, подойдя к Рамилю, сказал:

— Они его убили! Проследите за адвокатом! Я еду в дом моего отца!

— Понял! — ответил Рамиль и дал знак охране, чтобы они увезли Мирона.

Взяв с собой пару людей, Рамиль сел с ними в машину и стал ждать адвоката, который в ресторане с кем-то говорил по телефону. Через пять минут он сел в свою машину один без сопровождающего и отъехал. Поехав за ним два квартала, Рамиль обогнал его и перекрыл дорогу. Адвокат остановился. Рамиль выскочил из машины и быстро сел в машину адвоката, который был в растерянности.

— Что вам надо? — испуганно спросил адвокат.

Рамиль вытащил пистолет, приставил дуло к его виску и взвел курок.

— Слушай меня внимательно, адвокат хренов, — четко произнес Рамиль, — Где отец Мирона?

Адвокат стал бледным, пот струился со лба, почти заикаясь от ответа:

— Я... Я... не... не... знаю! Я... связываюсь с ними через Брагуду!

— Кто такой Брагуда?

— Депутат...

— Адрес? Где живет? Быстро!

— Я покажу.

— Поехали, — приказал Рамиль и убрал пистолет в карман. Они тронулись. Рамиль открыл окно и махнул своим рукой, чтобы ехали за ними.

Спустя полчаса они подъехали к загородному дому, похожему на минизамок с высоким кирпичным забором. Рамиль заставил адвоката остановиться за углом. Вытащив ключи из зажигания, он сказал:

— Пойдешь с нами. Скажешь охранникам, что тебе нужно поговорить с ним. Понял?

— Они меня убьют, отпустите меня, — взмолился он. — Я же Вам показал дом.

— Заткнись и делай, что я говорю. Пошли.

Ребята Рамиля подошли, и вместе с ним пошли к входу.

— Действуем по ситуации, — обратился Рамиль к своим людям. — Что не так, стреляйте.

При входе их встретил человек в камуфляжной форме. Рамиль сразу обратил внимание, что форма такая же, как и на боевиках в доме отца Мирона.

— Кого надо? — бесцеремонно спросил он.

— Я адвокат, мне нужно срочно поговорить с Брагудой, — с волнением в голосе произнес адвокат.

Боевик набрал телефон из своей будки и, видимо, получив добро, сказал:

— Идите.

Они прошли к дому и поднялись по ступенькам к входной двери, которую открыл изнутри еще один боевик. Пройдя по коридору. Они вошли в просторный и широкий зал. Депутат сидел за большим кабинетным столом в кресле. Напротив него сидели еще двое охранников.

— Что случилось? — спросил Брагуда адвоката. — Ты зачем приехал?

— Я... я... — начал было адвокат, но Рамиль и его ребята, вытащив пистолеты, наставили их на депутата и охранников. Рамиль быстро подошел к Брагуде и произнес:

— Где отец Мирона?

Брагуда, смотря на адвоката злобно, сквозь зубы процедил:

— Ты кого, сука, привел, адвокат долбаный?

Охранники хотели дернуться, но ребята Рамиля быстро вырубili их, ударив рукояткой по голове.

— Вы — покойники, — бросил им депутат, встав с кресла, но в эту же секунду получил сильный удар в живот от ноги Рамиля.

Он резко вскрикнул и согнулся. Следующий удар Рамиль нанес ему пистолетом снизу по лицу. Депутат упал на спину, из носа и рта пошла кровь.

— Я задал тебе вопрос, — сказал Рамиль. — Где отец Мирона?

Адвокат в это время, схватившись руками за голову, сел у стенки, причитая про себя.

На шум прибежал охранник, стоявший у входа в дом. Увидев все, он хотел вытащить свой пистолет, но ребята Рамиля несколькими ударами вырубili его. Рамиль наставил пистолет в лицо Брагуды.

— Слышь ты, депутат, я третий раз спрашивать не буду!

— Он в подвале, — бросил нехотя Брагуда. — Мы хотели его обменять, но он вчера ночью концы отдал.

Рамиль быстро побежал в подвал и через несколько минут на руках принес бездыханное тело отца Мирона, положил его на стол Брагуды. Минуту он стоял и, молча, смотрел на покойного. Голос Брагуды вывел его из оцепенения.

— Вы себе даже представить не можете, на кого наехали. Не только вас, семьи ваши вырежут. А твой Мирон уже покойник, — уже не говорил, а кричал Брагуда, все больше и больше возбуждаясь. — Мы ему дали прочитать письмо с ядом. Ему жить от силы неделя. Вы все покойники...

— Ты повторяешься, — ответил Рамиль и, вытащив охотничий нож, воткнул ему в рот по самую рукоятку. Немного похрипев и дергаясь в агонии, он затих с гримасой ужаса на лице.

Взгляд Рамиля остановился на адвокате.

— Я ни при чем, — залепетал он от испуга. — Они заставили. У меня семья, дети...

— Заткнись, — бросил ему Рамиль и, повернувшись к своим ребятам, произнес:

— Этих связать. По телефону селектора позовите охранника с улицы и тоже свяжите. Их всех в подвал.

Пока они это выполняли, Рамиль позвонил Миرونу. Секретарь их соединила.

— Мирон у телефона.

-Мирон, это я. Плохие новости: отец мертв, — тихо сказал Рамиль.

— Где он? — спросил Мирон.

— Со мной, мы скоро его привезем! И..., — Рамиль замялся.

— Что, говори.

— Письмо, которое они тебе передали, отравленное. Ты должен срочно обследоваться.

— Что? — Мирон затих на несколько секунд. — Отравленное?

— Да, и если так, ты должен срочно ехать к врачам и сдать кровь на обследование.

— Ты где?

— Я потом тебе все объясню, а сейчас я забираю отца и выезжаю. Мирон, я везу его в морг, его надо помыть и приготовить к похоронам!

Мирон молчал, потом выдавил:

— Хорошо, я пошлю к тебе туда человека с деньгами. Заплати, кому надо, и пусть сделают все на высшем уровне.

— Понял, до встречи.

Рамиль повесил трубку. К этому времени все охранники были связаны, и их вместе с телом Брагуды закрыли в подвале. Загнав машины во двор, тело отца уложили на заднее сиденье машины адвоката. Рамиль сел за руль, посадив адвоката рядом. Беднягу от страха за свою жизнь, передергивало.

— Сиди и не дергайся, — требовательно сказал Рамиль. — мочить тебя не за что, хотя знаю, что сдашь, если прижмут. Сейчас мы отвезем его в морг, потом уедешь. Если тебе дорога твоя жизнь и твоя семья, помалкивай. Или, вообще, слиняй из города, и не дай Бог тебе снова появиться на моем пути. И еще, последний вопрос. Соврешь — убью. Что ты знал о письме, которое передал Миرونу?

— Ничего, клянусь Богом. Мне его привез человек, который заходил со мной. Я его не знаю. Он дал его и сказал отдать. Я абсолютно не знаю, что там написано.

— Верю. Они тебя в темную использовали. Это письмо, как ты теперь знаешь, отравленное, и передавал его ты.

— Клянусь детьми, я этого не знал!

— Ты попал под раздачу, просто выполняя свою работу, поэтому я тебя предупреждаю, в покое они тебя не оставят. Поэтому бери семью и сваливай.

— Я понял. Все понял. Я сегодня же заберу семью и уеду. Обещаю.

Они подъехали к моргу. Рамиль с ребятами вытащили тело отца Мирона и занесли вовнутрь. Адвокат уехал. Внутри здания их уже ждал человек Мирона с деньгами для похоронных служб. Закончив со всеми делами, Рамиль поехал в больницу к Мирону, который к этому времени уже лежал в палате со своим адвокатом, который тоже держал это отравленное письмо. Им делали переливание крови. Врач не пустил Рамиля в палату, возле которой стояли два охранника из людей Мирона. Рамиль спросил у врача, какая ситуация?

— Ситуация, мягко говоря, критическая. Шансы очень малы. Это очень сильнодействующий яд. И, если честно говоря, они бы не пришли, то уже были бы мертвы, но, повторяю, и сейчас малая вероятность выхода из кризиса. Очень сильный яд.

— Доктор, может быть, их повезти в столицу или какие-нибудь лекарства?

— Вы их не довезете. Мы переливаем им кровь и делаем все необходимое, что можно применить в этом случае.

— Любые лекарства. О деньгах не думайте. Все оплатим!

— Я знаю, кто наши пациенты, и мы делаем все, что возможно, и дай Бог им выкарабкаться из этого.

— Доктор, я только что привез его отца в морг, завтра надо хоронить. Как мне поступить?

— То, что Вы говорите, это ужасно, но сейчас его жизнь на волоске, и, скажу прямо, он либо выйдет из больницы, но не сейчас, либо нет.

— Так все катастрофично?

— Очень сожалею. Будем делать все, что в наших силах. Извините, я должен идти. Вы можете прийти вечером. Нет смысла ждать. Он под наркозом и потом будет спать.

Доктор ушел. Рамиль дал указания охранникам и поехал к родным Мирона подготовить их к завтрашним похоронам его отца, так

как обряд был назначен на завтра в два часа дня. Должен был утром прилететь сын Мирона из Москвы, где он учился в университете. Весь оставшийся день и всю ночь Рамиль провел в организационных вопросах, размещая приезжих родственников, мотаясь между ними и больницей. Мирон и его адвокат в сознание не приходили. Утром Рамиль послал людей в аэропорт встретить сына Мирона, а сам поехал в больницу, надеясь, что Мирон придет в себя, и можно будет забрать его на похороны, но они с адвокатом продолжали лежать неподвижно, подключенные к аппаратам искусственного дыхания и капельницами для переливания крови.

Прождав до двенадцати часов, Рамиль понял, что вариантов у него нет. Им придется хоронить отца без Мирона.

Забрав гроб из похоронного дома, все поехали на кладбище. Люди из охраны приехали из аэропорта без сына Мирона. Они сообщили, что в самолете его не было, и что такой пассажир не числился в списках. У Рамиля не было уже времени, что-то предпринимать, и он решил все проверить после похорон. Траурная процессия медленно выехала на кладбище и двинулась к месту захоронения. Людей было очень много. Катафалк остановился, и молодые мужчины подошли, чтобы вытащить из него гроб. Подняв его, они понесли гроб на руках по направлению к могиле, но, не доходя метров десять, резко остановились, потому что кто-то дико закричал. Все замерли и, посмотрев в сторону свежевырытой ямы, увидели на бугорке чью-то голову без туловища. Мужчины быстро опустили гроб на землю и подошли к этой голове. Кто-то громко и с ужасом крикнул, что это голова сына Мирона. Она была окровавлена и надета на кол, который был вбит в свежевырытую землю. В центре лба была гвоздем прибита записка, написанная кровью «урок непокорным».

Общий хаос, крики и вопли женщин. Началась паника. Многие стали убежать. Мать и несколько близких родственниц, потеряв сознание, упали возле могилы. Рамиль с охраной быстро оцепили весь этот участок с оружием в руках. Многие убежали. Через полчаса машины скорой помощи, одна за одной, заезжали на кладбище. Милиция оцепила все вокруг. Очень многих увезли в больницу..

... Рамиль налил себе еще водки. Матвей и Мара сидели молча. Они вместе выпили. Мара спросил:

— А что было потом?

— Потом... — Рамиль закурил и глубоко затянулся. — Потом умер Мирон и его адвокат. Всех похоронили вместе. Жена Мирона еле выжила. Братья Мирона пошли на их условия и разделили бизнес. Я, естественно, ушел, вернее меня ушли.

— В смысле? — спросил Мара.

— Новые партнеры привели своих людей с их командиром по имени Асу. У меня была разборка. Вот ее последствия, — и Рамиль показал руку и ногу со шрамами от пуль.

Как, ты сказал, его зовут? — переспросил Мара.

— Асу, редчайший тип. Не человек, а машина убийств.

— Ты не мог бы рассказать подробнее, как это было?

— После похорон и раздела бизнеса как-то ночью к моему дому подъехало несколько машин...

... Рамиль проснулся от истошного лая собаки. Он вскочил с постели и, не успев дойти до двери, как она от сильного удара сорвалась с петель и рухнула перед ним на пол. В проеме появились две большие фигуры людей в камуфляжной форме с автоматами в руках. Один из них ударил Рамиля прикладом в живот, а другой своим автоматом ударил его в голову. Рамиль потерял равновесие и рухнул на пол. Из носа и рта пошла кровь. Тут же эти двое схватили его за руки, протащили по комнате и бросили на кровать, после чего вытащили веревку и привязали Рамиля за руки к его железной кровати. Сплюнув кровью, Рамиль спросил:

— Вы кто такие, босота?

Но они молчали. Через несколько секунд в комнату вошел небольшого роста мужчина и присел на стул напротив Рамиля.

— Здорово, Рамиль, — сказал он.

— Я с непрошенными гостями не здороваюсь, — бросил ему Рамиль.

— А я не гость, я сейчас твой судья. И дальнейшая твоя жизнь в этот момент зависит от меня, — негромко, но уверенно произнес он.

— А имя у самозванного судьи есть?

— Мое имя Асу! Я думаю, ты слышал обо мне, — в том же тоне сказал он и, вытащив пистолет, передернул затвор.

Рамиль, усмехнувшись, произнес:

— Такой мрази как ты не долго по земле ходить, а на тебя и на свою смерть мне наплевать. Рано или поздно ты умрешь. И там уже я к тебе приду.

— Я о тебе слышал и знаю все, — также невозмутимо продолжил Асу. — Ничего личного у меня к тебе нет, и вижу, что смерти ты не боишься. Ты был начальником охраны Мирона, и как хорошая и любящая собака охранял своего хозяина, хотя твой хозяин, хоть и был человеком влиятельным в своей сфере, но в реальности не по земле ходил, а парил над ней. Ему наши люди неоднократно предлагали наше партнерство, защиту и покровительство, но он посчитал, что с нами не надо считаться, и сильно просчитался. Жадность фраера сгубила.

— Мирон был человеком чести и своим трудом достиг того, что он имел. Ничего и ни у кого не отнимал, давая многим людям хорошую работу с большой зарплатой, вселяя в семьи уверенность в завтрашнем дне, помогая больным детям, инвалидам, бывшим фронтовикам. Почти все, что он зарабатывал, он отдавал в различные благотворительные фонды. Он приносил людям добро и радость. А ты со своими бандитами только и можешь исподтишка из-за угла, как стая шакалов, набрасываться на беззащитных, отнимая все, и лишая людей жизни ради собственной наживы. Вы — мародеры и разрушители, ни на что человеческое не способны.

— Ты, который сам убивал людей, читаешь мне мораль? — с укором сказал Асу.

— Я, если и сам убивал, то только таких юридичных, как ты, и тебе подобных, защищая беззащитных, так что мы с тобой по разные стороны баррикад. Теперь можешь стрелять.

— Есть серьезные люди, которые за тебя просили, и если бы я хотел тебя убить, то сам не пришел бы. Но наказать тебя я должен за то, что пошел против нас. И эти отметины будут тебе обо мне напоминать всю твою жизнь...

Асу выстрелил Рамилю в руку и ногу. Рамиль вскрикнул от боли. Двое стоявших верзил отвязали Рамиля, скорчившегося от боли. Асу встал и перед уходом сказал:

— Никогда не стой на моем пути, — развернулся и вышел.

Рамиль дополз до телефона и, позвонив в скорую помощь, потерял сознание...

... Когда Рамиль замолк, Мара и Мотвей еще с минуту молчали. Наконец Рамиль произнес:

— Вот такая вот бодяга!

Они налили и выпили.

— Знаешь, Рамиль, — сказал Мара. — Я ведь тоже с этим Асу пересекался!

— Каким образом? — спросил удивленный Матвей.

— По одной наколке, — сказал Мара и коротко рассказал, как это произошло.

— Слушай, Мара. Мне Матвей о тебе рассказывал, — сказал Рамиль. — О твоей честности и порядочности, и скорее всего наша встреча не зря состоялась. Думаю, что если мы все сможем объединиться и выставить свои отряды самообороны, то сможем очистить наши города от этой нечисти. Во всяком случае, есть люди, которым я верю. Можем выставить человек двадцать бойцов. Есть хорошие бойцы у вас, которые пойдут с нами?

Матвей посмотрел на Мару, как бы давая ему понять, что он человек религии и война не в его компетенции, то есть решить этот вопрос он не может. Затем он прямо обратился к Маре:

— Мара, прежде, чем ты выскажешь свое мнение, я бы хотел, чтобы ты обдуманно и взвешено подошел к этому вопросу, потому что, как человек, верующий в Бога, я не могу и не хочу призывать вас отвечать насилием на насилие. А вот защищать и охранять с божьей помощью возможно. И мне бы хотелось, чтобы наш депутат Соня присутствовала при этом решении. Все-таки она наш депутат и защищает наши интересы в парламенте нашей республики от нашего округа.

— Это было бы хорошо, — сказал Рамиль. — Я ее знаю. Она часто была у нас. Мирон немало финансировал и помогал ей в решении очень многих проектов. Она у вас очень умная, честная и очень смелая женщина. Мне бы тоже очень хотелось бы с ней встретиться и услышать ее мнение.

— Сегодня уже поздно, — сказал Матвей. — Давайте сделаем так. Я с ней свяжусь завтра, и вечером встретимся у меня. Как вы думаете?

— Я не против, — сказал Рамиль.

— Я тоже, — ответил Мара.

— Как раз, Мара, ты до завтра все обдумаешь и скажешь мне свое мнение, — сказал Матвей.

— Хорошо, Матвей, — ответил Мара и, встав, продолжил. — Ну тогда я пойду. Мне было приятно с тобой познакомиться, Рамиль, — и он пожал руку Рамилю. — До завтра. До свидания.

Матвей проводил Мару до калитки.

— Мара, обдумай все и завтра, если сможешь, после обеда заезжай ко мне в Молитвенный дом или позвони, я тебе скажу, когда встретимся с Соней.

— Хорошо, Матвей, давай. Спокойной ночи.

ГЛАВА 27

Встречи

Мара сел в машину и уехал домой. Рано утром подъехал Сава и разбудил Мару. Он сообщил ему, что виноделы должны через час приехать поездом, и их нужно встретить. Позавтракав, они поехали на вокзал и, забрав ребят с несколькими чемоданами, поехали в цех. Оставив всех в цеху, Мара поехал на винный завод, где его знакомый завпроизводством продал ему сто литров молодого сброженного вина. Мара договорился с ним, что если ему подойдет, то он будет ежемесячно закупать их вино.

Когда он привез вино в цех, у ребят все уже было готово, и они из половины привезенного молодого вина сделали настоящее грузинское вино, а из другой половины шампанское. Результат превзошел все ожидания. Вино и шампанское были абсолютно идентичны оригиналам. Это был успех. И они решили развести по магазинам на пробу по несколько бутылок. Также Мара отложил по бутылке вина и шампанского для Лазаря. Сава с Филиппом должны были поехать с товаром по магазинам, а Мара повез образцы к Лазарю.

Лазарь был приятно удивлен и восхищен качеством напитков. Он пообещал Маре, что постарается быстро взять разрешение на открытие цеха и получение необходимых бумаг, и снова попросил Мару ничего не предпринимать без его команды.

Попрошавшись с Лазарем, Мара поехал к Яну в цех. Там вместе с Яном находился Рафик, который сообщил Маре, что если они хотят, то могут уходить, потому что он уже во всем разобрался, и дальше они могут работать сами. Они готовы полностью рассчитаться после того, как им посчитают остатки по бухгалтерии. Ян пообещал, что на завтра все будет готово. Мара еще раз предложил Рафику свести их с человеком, которому они платили от наезда криминала, но Рафик в категорической форме отказался, аргументируя тем, что он ни перед кем прогибаться не будет, и сам сможет с

ними справиться. Мара настаивать не стал, чтобы новые владельцы не подумали, что он в чем-то лично заинтересован, но предупредил Рафика, что завтра он им объявит, что он из цеха ушел. Рафик был с этим согласен.

Мара договорился, что они завтра встретятся и подведут итоги, после чего он позвонил Матвею, который сообщил ему, что Соня будет у него дома через два часа. Мара сказал Яну, что он поедет к Ноте и сообщит ему, что они уходят, и работать будут другие люди. Они договорились завтра полностью передать производство Муслиму с Рафиком, после чего Мара поехал к Ноте.

Нота был дома. Вид у него был усталый, но с приездом Мары он немного оживился и заварил чай.

— Легко на помине, Мара, я как раз о тебе думал, — сказал Нота.

— Хорошо думал? — улыбнулся Мара.

— О тебе у меня никогда плохих мыслей не было!

— Видишь, я всегда там, где обо мне хорошо думают! А что, интересные новости?

— Да, новостей валом, но я бы не сказал, что они хорошие.

— На то я и друг, можешь со мной и плохими поделиться!

— Ты понимаешь, Мара, после смерти Али по-новому дележ пошел. И, видимо, сваря будет нехилая.

— Ты же говорил, что Муфа вместо него будет.

— Да. Но Муфа не устраивает Беру, хотя Лавр на его стороне.

— А сам Лавр не хочет сюда?

— Это было бы шикарно, но его масть выше, а место здесь хлебное, вот и идет гонка. Плюс Омар тоже хочет в кресло сесть. Чувствую, маленькой войны не избежать.

— Деловых и барыг тоже будут снова делить?

— Все возможно, гарантий сейчас никто не подпишется дать.

— Да, Нота, новости, действительно, хреновые.

— Но и это не все. Тут еще одни нахлебники нарисовались. Они нас не признают.

— Боевики Фуада?

— Типа того. Тут такая мулька идет. Сдается мне, что их власть против нас для баланса внедряет. Мол, по нашим нотам брынчать не будете, по мусалам получите.

— А что, были уже стычки?

— Думаю, выжидают, пока нам автора не утвердят, а пока силы точат, но, по-любому, воровскую масть им не по зубам скинуть. Короче говоря, такая вот мазута. А как твои дела?

— Не зря говорят, все, что не делается, то к лучшему. Мой напарник Ян, как очком, чувствовал, что валить надо.

— Откуда? Из города? — удивился Нота.

— Из цеха.

— Ты что, цех закрываешь?

— Нет, продаем. Я бы не ушел, но мой поделщик ни в какую оставаться не хочет.

— А без него ты не можешь?

— Не по совести как-то, Нота. Вместе открывали, вместе и уйдем.

— А кому продаете?

— Может ты слышал, его зовут Муслим. Он депутат и директор спортивной фабрики.

— Что-то знакомое. Он что, с фабрики туда переходит?

— Нет, он там своего человека ставит. Зовут его Рафик.

— Не знаю. А что ты хочешь, чтобы они дальше бабло несли?

— Да вот тут-то, Нота, и проблема есть. Как бы тебе четко объяснить.

— Не заморачивайся, я понял. Типа, крутые и никому отстегивать не будут?

— В общем, так он мне и ответил!

— Мара, ты когда уходишь оттуда?

-С завтрашнего дня.

— Завтра я объяву Муфе сделаю, что тебя там нет, чтобы непонятно не было, и к тебе предьяв не было.

— Жалко, конечно, вроде люди неглупые, но в этом вопросе, как стена стали.

— Мара, это уже не твоя забота. Ты ушел. У меня главное, чтоб к тебе претензий не было, а на них мне плевать. Они мне никто и зовут их никак. Ты лучше скажу, куда лыжи наострил? Что делать будешь?

— Ну, во-первых, отдохну. А там, как карта ляжет. Если куда примкнушь, ты первый знать будешь!

— К себе не зову, знаю, что не пойдешь, но, в принципе, пока все это разгребется, поедь куда-нибудь, отдохни.

— Может, так и сделаю. Хочешь, вместе поедем?

— У меня наоборот, сейчас самое пекло будет. Со дня на день нового положенца поставят. Много вопросов порешать надо будет. А ты заходи просто так, хотя бы почириим вместе.

— Хорошо, Нота, не прощаюсь. Будем на связи. Давай. Я поеду. Увидимся.

Они приобнялись. Нота сказал:

— Мара, позвони мне, когда ты со своим цехом разберешься и закончишь с ними.

— Думаю, завтра. Но, в любом случае, я тебе позвоню. Пока.

Мара попрощался и вышел. Он заехал домой, наспех перекусил и поехал к Матвею.

ГЛАВА 28

Соня

Матвей встретил Мару и проводил в дом. Сони еще не было. Рамиль пил чай. Они поздоровались.

— Садись, Мара, — сказал Матвей. — Ты кушать будешь?

— Не, спасибо, я недавно поел.

— Тогда я тебе чай налью. Соня звонила. Она уже скоро будет.

— Как дела, Рамиль? — спросил Мара.

— Ничего, как у тебя?

— Тоже терпимо.

— Слушай, я недавно в газете заметку о Соне прочитал, — сказал Рамиль. — Вот сколько ее знаю, не перестаю удивляться. Откуда у нее столько энергии, смелости, упорства. Это не каждому мужчине по силам то, что она делает. Давно ли Соня депутатом стала?

— Мы с ней почти ровесники, — сказал Матвей. — И еще мы с Соней родственники. Так что все вехи ее пути проходили передо мной. Я сам удивляюсь, откуда она черпает силы тащить на себе такой груз и физически, и морально. Причем материальной подоплеки здесь нет. Она буквально гроши получает за свой титанический труд. Всю помощь, которую имеет ее общественный центр от разных политических организаций, она распределяет среди неимущих, бедных, пенсионеров, детей, инвалидов. Я, как духовный работник, поражаюсь, как она самоотверженно защищает наши интересы. Так, как когда-то делал ее дедушка, который был образованным и одаренным человеком, основавшим школу в своей общине. Позже, кстати, его дело продолжил отец Сони. Понимаешь, Рамиль, яблоко от яблони далеко не падает, и то, что в ней заложено, дает свои плоды. Сегодня она видный общественный деятель в нашей республике, кандидат исторических наук, педагог, журналист, депутат. Она на самом деле отстаивает и борется за улучшение жизни в республике, при этом имея семью, детей, на которых у нее катастрофически не хватает времени. Мало того, она

заходит в самую гущу опасных событий. Я знаю, что это очень опасно, но она бесстрашная. То, через что она проходит в последнее время, опустошает все ее силы и морально истощает. Ее унижают, оскорбляют и уже угрожают и депутаты, которые крышуют все эти преступные группировки, и в последнее время уже сами бандиты стали напрямую ее терроризировать и запугивать физическим устранением ее и ее семьи. Я думаю, она, когда придет, вам расскажет о том, что сегодня творится вокруг нее.

В этот момент раздался звонок.

— Это она, пойду, открою дверь, — сказал Матвей и вышел.

Соня вошла и поздоровалась.

— Здравствуйте, ребята, извините, что задержалась.

Рамиль с Марой встали.

— Здравствуй, Соня! — сказал Рамиль. — Давно не виделись.

— Я рада тебя видеть в здравии, Рамиль. Как поживаешь? И тебя рада видеть, Мара. Хотела давно с тобой поговорить. Спасибо Матвею, что организовал встречу!

— Привет, Соня, — дружески сказал Мара и приобнял ее. — Действительно, редко встречаемся. Думаю, раз Матвей позвал, то наша встреча необходима.

— Присаживайся, — сказал Матвей, — я сейчас заварю чай и принесу.

— Мы, по-моему, с похорон Мирона не виделись, да, Соня? — сказал Рамиль.

— Как время быстро летит, — произнесла Соня. — Где-то так. Как жалко, прекрасный человек был, много добра людям и всей общине сделал. Пусть земля ему будет пухом, и пусть Бог покарает тех, кто был замешан в его смерти. Это не люди, изверги. Не думала, что мы все с этим столкнемся. Люди, прожившие здесь из поколения в поколение, вынуждены от полного беспредела, бросив все, бежать, неясно куда, не имея ничего в кармане, лишь бы живыми остаться.

Я, каждый день, идя на работу, не знаю, вернусь ли домой живая. Вращаясь в правительственных кругах по долгу моей службы, я вижу, как многие морально разлагаются во имя своего блага, хотя есть и порядочные работники, но они в меньшинстве, и не обладают сегодня реальной силой, чтобы не только людей, но и себя защитить. Это кош-

мар, с которым мне приходится ежедневно сталкиваться. И еще эта война проклятая в соседней республике. Сколько мы беженцев оттуда приняли. Люди буквально растерзаны и физически, и морально, бегут, бросая все. Ой, не дай Бог, чтобы это у нас случилось.

Правда, наш первый секретарь, человек очень умный и дальновидный, выбрал правильную политику, держась за Москву. Это единственный выход свой народ сохранить. Соседняя республика отделиться хочет, и там сейчас настоящий ад. К сожалению, и у нас есть некоторые политики, поддерживающие отделение нашей республики. Я была тревогу, выступала против таких намерений, и некоторые из них мне говорят: «Мол, остановись, Соня, ты же по улице ходишь, тебя могут случайно задавить». По каждому тревожному факту я обращаюсь в МВД, прокуратуру, но ко мне не очень прислушиваются.

— В нашей республике примерно тоже самое, — сказал Рамиль. — Люди не знают, чего ожидать. Многие сидят на чемоданах, не понимают, что делать, не имея работы, постоянного заработка. А если еще бросить дом, а потом жить как бомжи. А как ехать туда, где по сути никто не ждет, примерно, как те беженцы, о которых ты только что говорила!

— Ой, эта беда, — с горечью воскликнула Соня. — Даже мой культурный центр, который я веду, сейчас полностью забит беженцами. Это просто трагедия то, что они мне рассказывают. Я, если у вас есть время, хочу с вами поделиться некоторыми моментами, которые этим людям пришлось пережить. Четыре семьи жили в одном доме. Из них выжило всего несколько человек. Они рассказали мне, что пережили и как добрались до нас. Послушайте историю семнадцатилетней Оксаны и ее пятнадцатилетней сестры Лили. Война застала их врасплох. Когда к ним в дом ворвались боевики...

... Оксана сидела у окна, с тревогой вглядываясь во двор. Она думала о словах ее учителя, который еще вчера просил ее уговорить свою семью оставить все и срочно уезжать, так как, по его информации, война, которую люди надеялась избежать, уже началась. И сегодняшний день показал, что это реальность. Уже слышны были взрывы, и она сильно переживала, что ее родители не послушались ее, оставшись в городе. Их дом был с подвальным помещением, а на трех этажах жило девять семей. Люди разных национальностей. Сейчас, кроме них, в доме осталось еще две семьи. Это семья Кублир, отставной военный с тяжелобольной мате-

рю, и семья Карпенко: он, жена и двое маленьких детей. Он не выехал, потому что работал в больнице и оставить свой пост не мог.

Темнело. Мои родители, Кублир и Карпенко с женой о чем-то переговаривались на лестничной клетке. Говорили они тихо. Когда родители зашли, мама сказала:

— Оксана, быстро соберите с Лилей все необходимое и упакуйте в чемоданы.

— Мы что, уезжаем? — спросила Оксана.

— Не знаю, наверное, — как-то неуверенно сказала мама, будто бы точного решения у нее нет. — Ты помоги Лиле, а я быстро соберу еду и наши вещи.

Мама была очень встревожена. Оксана подошла к двери и стала прислушиваться к разговору матери и отца.

— Ты не понимаешь, каждая минута сейчас дорога, — говорил отец маме. — Мародеры уже в центре города, и очень скоро они, как тараканы, разбегутся по всем улицам. Надо было вчера уезжать, ты меня не послушала. Как бы поздно не было.

— Это же не сорок первый год! Где наша милиция, армия? — возражала мама папе. — Неужели они пойдут друг против друга? Мы же не враги, мы же один народ? Мы же все россияне. Как это возможно?

— Все да не все. И защищать нас сейчас некому. Это война. Бежать надо, пока еще есть время...

В этот момент раздался сильный взрыв. Посыпалась штукатурка с потолка. Стекла с окон вдребезги разбились и посыпались на пол.

— Оксана, Лиля! — крикнула мать и побежала к девочкам в комнату.

Оксана и Лиля, прижавшись друг к другу, сидели на корточках, дрожа от страха.

— Дети, вы живы? — бросилась мать со слезами к ним. Она их обняла и стала целовать. Забежал отец.

— Все быстро спускаемся в подвал. Ничего не берите. Вот ключи, Оксана, беги с Лилей. Мы с мамой через минуту спустимся. Бегите!

Оксана с Лилей, накинув на себя куртки, взяли ключи и побежали вниз по лестнице в подвал. В подвале было сыро. Свет не горел. Тусклый свет проникал из маленьких цокольных подвальных окон. Девочки прижались друг к другу и сели в углу. Оглушительный взрыв раздался прямо над ними, балки обрушились. Уши заложило. Наверху

все загорелось. Дым стал проникать в подвал. Немного придя в себя, Оксана и Лиля пошли к выходу, но он был завален обломками кирпичей. Им пришлось вернуться, и по обрушившимся балкам они стали карабкаться вверх.

Когда они выбрались наружу, то увидели, что полдома снесло, и именно ту половину, где была их квартира. Ноги Лили подкосились, и с возгласом: «Мама! Папа!», она упала рядом с Оксаной, потеряв сознание. Оксана опустилась к ней и стала ее трясти, крича:

— Лилия, Лилечка, очнись, — Оксана стала рыдать, все громче крича. Вдруг кто-то ее тронул за плечо. Она резко обернулась. Это был Карпенко. Он еле стоял на ногах, по всему телу были раны, из которых сочилась кровь.

— Вы живы, девочки? — тихо произнес он. Ему было тяжело дышать и говорить.

— Дядя Леша, — крикнула Оксана. — Что случилось? Где все?

Лили потихоньку стала приходить в себя. Оксана подняла ее с земли

— Девочки, никого кроме нас нет.

— Как? — снова крикнула Оксана и хотела броситься к развалинам, но Леша удержал ее.

— Пустите меня! Мама! Папа! — кричала Оксана. Лили стояла рядом и ревела.

— Оксана, посмотри на меня, — крикнул он ей и, дернув за плечи, повернул к себе. У него текли слезы. — Они погибли: и твои родители, и Кубли с матерью, и моя семья. Мы бессильны что-либо сделать или изменить. Помощи ждать не от кого. Вокруг нас идет война...

Неподалеку послышались выстрелы, и через мгновение в их двор въехала машина, забитая вооруженными людьми. Машина, осветив их фарами, остановилась. Из нее вышли человек шесть хорошо вооруженных с повязками на лбу мужчин. Один из них выглядел совсем юнцом, лет пятнадцать на вид. Он быстро подбежал к ним и прикладом автомата ударил Карпенко в челюсть. Леша упал, потеряв сознание. Все они разговаривали на непонятном девочками языке. Они стали хохотать, все время что-то выкрикивая. Внезапно этот юнец схватил Лилю за волосы и потащил к машине. Лилия стала истошно кричать, а Оксана ухватилась за его куртку. Он резко развернулся и ударил

Оксану сапогом в живот, отчего она упала и потеряла сознание. Лиля кричала:

— Оксана, Оксана, помоги! Мама, папа, помогите!

Он открыл заднюю дверь машины, развернул Лилю к себе лицом и одним движением руки разорвал на ней одежду, после чего ударил ее головой в лицо. Лиля упала на заднее сидение с окровавленным лицом. Он схватил ее за ноги и разорвал на ней трусы, после чего стал яростно насиловать Лилю. Остальные громко смеялись и иногда стреляли в воздух.

Оксана пришла в себя и сразу почувствовала острую боль в животе. На ней лежал один из этих отморозков и насиловал ее. Она хотела вырваться, но он с силой сдавил ей горло, крикнув:

— Не дергайся, сучка, убью.

В этот момент очнулся лежавший рядом дядя Леша. Увидев эту картину, он, преодолевая боль, перевернулся, схватил бандита, силой стащил с Оксаны, и стал из последних сил душить насильника. Но кто-то из стоявших рядом головорезов подбежал, вытащил на ходу нож, схватил Карпенко за волосы и резким движением руки перерезал ему горло. Кровь хлынула прямо на лежавшего внизу боевика. Он скинул с себя дядю Лешу и крикнул тому что-то с упреком. Карпенко еще хрипел, когда этот гад снова стал насиловать Оксану. Жуткий кошмар длился часа два. Все они по очереди насиловали Оксану и Лилю. Девочки лежали неподвижно, тихо рыдая. Когда все это закончилось, они закинули еле живых Оксану и Лилю в багажник своей машины и, постреляв в воздух, выехали на улицу.

Оксана сильно прижала к себе стонущую Лилю и тихо прошептала ей:

— Лилечка, поплачь, поплачь. Нам надо выжить.

У Оксаны в голове мелькали воспоминания: мама, папа, школа, друзья. И в одно мгновение все исчезло. Они, вдвоем с сестрой, избитые, в кровоподтеках, пропитанные собственной кровью, прижавшись почти голыми телами к друг другу, в темном, как гробу, багажнике, лежали и плакали, изнемогая от боли и физической, и моральной. Мысленно Оксана поймала себя на том, что, если это продолжится, то лучше им умереть, чем пережить этот ужас снова. И в этот момент машину резко дернуло и, подскочив, она свернула и во что-то врезалась, после чего перевернулась на крышу. Крышка багажника открылась, и

Оксана с Лилей вывалились на нее. Не успев прийти в себя, они увидели, как эти насильники, выбравшись из машины, убегали, на ходу отстреливаясь. Девочки, естественно, не видели от кого они убегали и в кого стреляли. Они продолжали лежать, прижавшись, пока к их машине не подбежало несколько человек в военной форме.

— Дяденьки, пожалуйста, не трогайте нас, — умоляюще, с испугом произнесла Оксана, еще крепче прижав к себе Лилию, которая снова потеряла сознание. Один из них быстро к ним подбежал и кого-то подозвал к себе.

— Девочки, вы как здесь оказались? Что с вами случилось? — спросил солдат. — Вы не бойтесь, мы вам поможем.

Но Оксана, еще крепче прижав к себе Лилию, крикнула?

— Пожалуйста, дяденька, ее не трогайте. Со мной делайте, что хотите, хоть убивайте, но отпустите ее, — говорив это, Оксана стала плакать навзрыд. Лилия открыла глаза и тихо произнесла:

— Оксаночка, я не выдержу. Я не хочу жить. Я к маме хочу, к папе. У меня все болит.

Подбежали еще несколько военных.

— Девочки, не бойтесь нас. Мы — солдаты. Здесь наш военный гарнизон, и мы вас туда отведем. Если вы не можете встать, мы возьмем вас на руки, хорошо?

Оксана, внимательно присмотревшись, поняла, что это, действительно, солдаты и, обратившись к Лиле, сказала:

— Лилечка, это наши солдаты, они нас спасут.

Лилия повернулась и посмотрела на солдат, которые стали помогать им подняться. Сил у девочек не было, и солдатам пришлось поднять их на руки и отнести к себе в казарму, где их сразу осмотрел военврач и, сделав им несколько уколов, дали девочкам помыться в душе, после чего покормили и отвели к коменданту гарнизона. Они вкратце со слезами рассказали ему, что с ними произошло. Выслушав их, комендант сказал:

— Дорогие девочки, мне очень жаль, что такое вам пришлось пережить и, к сожалению, мы не можем сейчас вытащить ваших родных из-под развалин, потому что в республике идет война. И боюсь, что такое сейчас происходит со многими семьями. И что еще хуже. Это только начало. И даже здесь, внутри гарнизона, мы не в безопасности, поэтому завтра будем эвакуироваться, и вас заберем с собой.

Олеся и Лиля сидели и плакали.

— Я думаю, вам лучше лечь и поспать. — продолжил он по-отечески. — Вы много пережили за сегодняшний день, а утром рано мы отправимся в дорогу.

Постовой отвел девочек в гостевую спальню. Они легли вместе на одну кровать и, обнявшись, сразу уснули. А рано утром девочек разбудил взрыв. Они быстро вскочили и выглянули в окно. Во дворе гарнизона солдаты в спешке затаскивали на грузовики ценное оборудование, архивы. К ним в комнату вбежал постовой и крикнул:

— Вот вам солдатское обмундирование. Быстро одевайтесь и на выход, — он дал им вещи и рюкзаки с едой. — Мы срочно эвакуируемся. Боевики уже близко. Поспешите.

Он выбежал из комнаты.

Оксана стала быстро одеваться, а Лиля, сев на край кровати. Закрыла лицо и стала плакать. Оксана под села к ней и, обняв, стала успокаивать. Лиля сказала:

— Оксана, как мы оставим маму и папу, не похоронив их?

— Лилечка, милая моя сестренка, у нас сейчас нет выбора: либо уехать, либо остаться и умереть. Мы сейчас ничем им помочь уже не можем. Ты же видишь, в городе кругом бандиты. Как только мы выйдем на улицу, они нас снова схватят и, хорошо, если сразу убьют, а то эти пытки и изнасилования мы больше не выдержим. И себя угробим, и родителей не похороним. Послушай меня, родная, я тебе обещаю, когда все это закончится, мы вернемся и сделаем все, как надо.

— Ты думаешь, мы сможем сюда к ним вернуться? — спросила сквозь слезы Лиля.

— Если останемся живыми, я тебе клянусь в этом!

— Хорошо, — сказала Лиля, утирая слезы.

Они быстро оделись. Размеры гимнастеров были большими и почти болтались на хрупких, тонких девичьих фигурках. Перекинув рюкзаки за плечи, они выбежали во двор. За пределами гарнизона, невдалеке, были слышны разрывы снарядов. Колонна из десятков тяжелых военных грузовиков выстроилась в ряд, впереди которого стоял танк. Их усадили в один из грузовиков, где уже сидели солдаты. Через тридцать минут колонна тронулась, и они выехали из гарнизона.

На почти пустынных улицах было много разбитых и перевернутых машин. Людей не было. Окна и двери в домах были разбиты. Очень

много вещей валялось на улицах. Город словно вымер. Люди, те, кто остался в живых, бросили свои дома, вещи и разбежались, кто куда. Кое-где валялись трупы, которые было некому убирать. От увиденного у девочек был шок. Когда они смотрели подобное в кино, их это не трогало, а то, что они увидели в реальности, было для них жутким, ужасным зрелищем. Они прижались друг к дружке и, молча, смотрели на этот кошмар, творящийся перед их глазами.

По мере продвижения колонны, стало больше горящих домов и трупов на улицах. Почти рядом громыхали снаряды. Они уже подъехали к окраине города, когда колонна неожиданно остановилась. Несколько солдат прыгнули на дорогу и пошли вперед. Буквально рядом раздалось несколько взрывов. Один из солдат прибежал обратно и крикнул:

— В переднюю машину попал снаряд, и она перегородила дорогу. Надо ждать, пока ее уберут.

В этот момент Оксана увидела, как из-за угла выехала машина, набитая боевиками и резко остановилась. Из нее выскочило несколько человек с автоматами и стали стрелять в их сторону.

— Всем лечь, — крикнул один из солдат и открыл ответный огонь. Оксана и Лиля легли на пол грузовика. Несколько солдат, которые были с ними в кузове, стали отстреливаться. Кто-то из них крикнул:

— Девчонки, быстро прыгайте за борт.

— Я боюсь, — крикнула Лиля и схватилась за ножки скамейки.

Пули свистели над головами. Неожиданно один из солдат рухнул рядом с ними. Пуля попала ему в глаз, из которого шла кровь. Он дернулся и застыл. Кто-то с силой схватил Оксану и почти перекинул за борт. Она несколько раз перевернулась и оказалась за перевернутой машиной, которая стояла на обочине. Она хотела встать, но тут же свалилась от сильной боли в правой ноге. Подняв голову она увидела, как кто-то из солдат взял на руки Лилю и подошел к краю борта, чтобы скинуть с машины, но вдруг присел от пули, попавшей ему в спину и упал с ней на пол. Оксана услышала крик Лили:

— Оксана, Оксана, где ты? Помоги...

— Лиля, — крикнула Оксана. И, схватившись за разбитую машину, попыталась встать. — Я здесь. Прыгай.

Оксана краем глаза взглянула на стрелявших боевиков и увидела, как один из них, присев на колено, зарядил фугас и направил на их грузовик. Оксана в ужасе заорала:

— Лиля, прыгай быстрее...

Лиля встала на ноги и подбежала к борту, чтобы выпрыгнуть, но в этот момент боевик спустил крючок, и фугас со свистом влетел в центр машины. От взрыва машина подлетела на метр, ударилась в следующую машину и разлетелась на куски. Ударной волной Оксану откинуло на метров пять, и она, оглушенная, потеряла сознание.

Очнулась она, когда несколько солдат несли ее на руках к другой машине. Она, как в тумане, ничего не понимая, еле выдавила из себя:

— Где моя сестренка Лилечка? — и от сильной боли во всем теле застонала и снова выключилась.

Очнулась Оксана на следующий день в госпитале. Открыв глаза, она не поняла, где она и что с ней. Через минуту к ней подошел врач.

— Здравствуйте, Оксана, как Вы себя чувствуете?

— Где я? — спросила она и хотела привстать, но бессильная свалилась.

— Лежите и не вставайте, — сказал ей доктор. — Вы в госпитале. Вам сейчас нужен полный покой.

— А что со мной, — спросила она растерянно. В голове у нее был полный сумбур. От контузии она плохо соображала, — Где моя семья, доктор?

— Пожалуйста, лежите спокойно, — сказал доктор.

Он знал все, что с ней произошло, но говорить ей сейчас, что родители мертвы, что сестру разорвало на части, и что она сама вся переломанная и еле выжила, было бы преступлением. Появившуюся слезу он быстро вытер и сказал медсестре:

— Поставьте капельницу и дайте ей болеутоляющее. Постарайся заснуть, тебе нужен покой. Я потом зайду.

Доктор вышел...

... Матвей, Рамиль и Мара сидели неподвижно, слушая Сонин рассказ. Они выпили немного воды. Чувствовалось, что, рассказывая, она сильно переживала. Глаза стали мокрыми.

— Потом, — продолжила Соня, — Оксану привезли к нам в город на реабилитацию. Ее поселили в один из подведомственных санаториев. Когда она пришла в себя, и память восстановилась, ее дважды

удалось спасти от самоубийства. Сначала она перерезала себе вены, вовремя увидела медсестра, удалось спасти, а через неделю она пыталась повеситься на люстре, перевязавшись простыней, но люстра не выдержала тяжести, рухнув вместе с ней на пол, всю ее исцарапав. Сейчас я ее забрала к себе в мой культурный центр, где с ней общаются такие же беженцы, как и она, тоже потерявшие дом, родных, друзей и веру. Думаю, что наши партнеры из заграницы заберут их к себе на лечение, я об этом ежедневно с ними веду переговоры. Надеюсь, все получится, и я смогу им хоть этим помочь.

— Соня, ты очень светлый и позитивный человек, — произнес Рамиль. — Я просто восхищаюсь тобой. Если бы я не знал тебя раньше, то подумал бы, что это пафос, бахвальство или алчность к деньгам и власти, но я тебя давно знаю и удивляюсь иногда, зачем ты взваливаешь на себя такой груз, не имея от этого ни денег, ни защиты. Сегодня это все равно, что ходить по лезвию бритвы. Больше чем уверен, что тебе уже пришлось и с криминалом схлестнуться. Я слышал немало историй об этом беспределе, который у вас творится.

— К сожалению, ты прав, Рамиль, у нас в республике сегодня творятся ужасные вещи. Вот буквально недавно мы чудом спасли одного нашего земляка. Он три года назад эмигрировал в Америку и приехал сюда, чтобы продать свой дом и поухаживать за могилами родителей.

— Да, Соня, я тоже об этом слышал, но все подробности не знал, — сказал Мара. — Может, ты расскажешь, что произошло?

— Да, конечно, расскажу. Он мне и Матвею родней немного доводится, и мы столько нервов потратили и бессонных ночей провели. Это было невыносимо ужасно. Он приехал три месяца назад. В его доме жил его дядя Кирилл с семьей, человек пожилой на пенсии. К нему домой приходила бухгалтер, пенсию приносила. Вот он у нее и поинтересовался, сможет ли она помочь дом продать. Дядя еще пообещал ей процент с продажи. Так вот эта бухгалтер привела к ним женщину, которая работает нотариусом. Сказала, что у нее, мол, обширные связи, и за три процента от стоимости дома она найдет хорошего покупателя. Дядя Кирилл позвонил Рами в Америку, и он дал добро. За месяц до его приезда эта женщина привела к ним одну семейную пару. Им дом очень понравился, и они договорились, что будут его покупать.

Дядя вызвал Рами, и он приехал. Нотариус пришла со своими клиентами. Они познакомились. Рами они понравились, но он поставил

условие, чтобы деньги за дом они перевели через банк на его счет, потому что брать наличными было небезопасно. Покупатели согласились и, назначив день, уехали. За день до сделки Рами пошел в гости к Матвею. Я думаю, что этот момент и все, что с Рами произошло, лучше расскажет Матвей, потому что перед отъездом он ему рассказал все, что с ним произошло. Ты не против, Матвей?

— Нет, Соня. Конечно, я открою все, что мне известно, — начал свой рассказ Матей. — Рами зашел к нам под вечер с подарками в руках...

ГЛАВА 29

Американец

...

— Хозяева дома? — крикнул с порога Рами с широкой улыбкой на лице. В руках у него были сумки с конфетами, напитками и другими подарками. — Американца в дом пустите?

— Этот дом всем рад, особенно американцам, — также с улыбкой ответил Матвей, и они обнялись. Жена Матвея и дети также тепло поздоровались с гостем.

— Вы что, столько всего принесли? Даже неудобно, — сказала жена Матвея.

— Ничего особенного, — быстро ответил Рами. — Немного подарков детям.

Они прошли в зал, и пока жена накрывала на стол, Матвей и Рами присели на диван.

— Ну, давай, рассказывай, как там капиталисты загнивают!

— Хорошо гниют, — усмехнулся Рами. — Пальчики можно облизывать.

— Да, я вижу. Ты похорошел, поправился. Как семья, дети?

Рами рассказал Матвею про его жизнь в Америке со дня переезда.

— Ну, я очень рад, — сказал Матвей. — Значит, ты доволен. Это очень хорошо!

— Садитесь к столу, — позвала жена Матвея.

Они сели за стол и с шутками и рассказами просидели до поздней ночи.

— Ну что, — сказал Рами, вставая. — Огромное спасибо за прием. Я, наверное, уже пойду. Завтра много дел с переоформлением дома.

— Смотри, будь очень осторожным, — предупредил его Матвей.
— У нас бандит на бандите сидит и бандитом погоняет.

— Я же деньги не беру. Все через банк будет проходить, — с улыбкой сказал Рами. — Ну, спокойной ночи, еще раз спасибо. Перед отъездом попробую заскочить и попрощаться.

— Давай, Рами. Спокойной тебе ночи и хорошего дня завтра!

Весь следующий день у Рами прошел в напряжении. С утра приходили покупатели, еще раз тщательно осмотрели дом, после чего они оформили у нотариуса все документы, и на счет Рами были переведены деньги за дом. Рами подписал бумаги, что дом будет освобожден в течение месяца, после чего они расстались. В банке Рами снял со счета сумму равную трем процентам и передал их Люсе, нотариусу, как они и договаривались. Домой Рами попал под вечер, где уже был накрыт стол, и дядя Кирилл с женой ждали его к столу, чтобы обмыть продажу. Поужинав, они стали пить чай. По телевизору шел сериал, который дядя Кирилл с женой не пропускали. Со слухом у них была небольшая проблема, и поэтому звук с экрана телевизора был громким. Рами пожелал им спокойной ночи и пошел перед сном принять душ. Уже находясь в душе, ему послышался какой-то шум, но думал, что это телевизор. Неожиданно дверь в ванную с треском открылась и вылетела с петель. В проеме двери стоял огромного роста верзила с пистолетом в руках. Сплюнув на пол, он приказал:

— Это ты, америкос долбаный?

Рами схватил полотенце и быстро прикрывшись. Он сразу понял, что перед ним бандит. Но в этот миг Рами почему-то не испугался за себя, его волновала участь дяди Кирилла и его жены. Рами спросил:

— Что Вам надо?

Бандит дико рассмеялся и схватив Рами за волосы, буквально, выволок его из ванны, потащив по полу в зал, где уже связанные с кляпами во рту сидели на полу дядя с женой. За столом сидел бородач мерзкого вида. За ним стояли еще трое, похожие на своего головореза. Он повернул голову к одному из них и приказал:

— Вали на двор и стой на стреме, пока мы балакать будем. Если что, цинканешь!

— Понял, Бес, — бросил грабитель на ходу и вышел.

— Почему терпила до сих пор на костылях стоит, Бугай? — рывкнул Бес.

Бугай, стоявший сзади Рами, ударил его ногой в живот, отчего Рами свалился на колени. Дыхание свело. Последовал новый удар в лицо. Рами упал навзничь на пол. Из носа и губ пошла кровь.

— Подними харю, — грозно приказал Бес Рами.

Дядя Кирилл хотел было вскочить, чтобы помочь Рами, но один из стоявших рядом верзил схватил его за волосы и сильно ударил головой об стол. Кирилл застонал и рухнул на пол, его лицо было в крови. Увидев это, его жена потеряла сознание.

— Не трогай их, — крикнул Рами и хотел подойти к ним. Но тут же отлетел на несколько метров.

— Слушай меня, петух импортный, — сказал Бес. — Бабки на кон!

— Какие бабки?

— Которые ты за хату нагрел!

Рами внимательно их оглядел и сказал:

— А я-то думал, что вы просто воры, еще удивлялся, почему без масок.

— Маски шантрапа носила, — перебил Бес. — Нам это фуффло нахрен не надо. Я Бес, и мне плевать, если живой останешься, запомнишь ты меня или нет. Харе лясы точить, где бабло?

— А те, кто тебе наводку давали, говорили, что я деньги не брал?

Бес встал и подошел к лежащему на полу дяде и, взяв его руку, оттопырил палец, после чего вытащил из кармана нож и отрезал мизинец. Дядя застонал, а Рами снова хотел приблизиться, но получил удар в солнечное сплетение. Какое-то мгновение он не мог дышать. Бес снова присел на стул и сказал:

— Будешь дальше мульку травить, твоему дяхану пасть рвать буду.

— Я, действительно, не брал деньги. Мне их на счет в банк перевели. Можешь проверить. У меня с собой несколько тысяч на расходы. Если вы хотите, чтобы я их снял со счета, то мне нужно в банке запрос сделать, и на такую сумму разрешение от них получить, и подписать лично бумаги от банка!

— Бугай, ты его по жбану не трескай, а то у него мозги заморозились, — с усмешкой сказал Бес и, посмотрев на Рами с угрозой, продолжил.

— Ты че, в натуре, за лохов нас держишь? Ты у меня, сука, на цепи сидеть будешь. И мне плевать, кто за тебя отстегивать будет. Садись

и пиши ксиву своей телке, чтобы бабки сюда перегнали. Тебе за хату сколько отписали?

— Семьдесят тысяч.

— Вот и чирикай семьдесят лямов. Плюс тридцатка за хлопоты и ожидание. Тебя же в чулане хавушкой подогревать надо. Короче, сто штук. Срок месяц. Не будет бабла, мы тебя по кусочкам домой отправлять будем.

Рами взял ручку, листок бумаги и стал писать. Он готов был сделать все. Потому что боялся, что они убьют дядю с тетей, которые лежали без сознания. Когда он закончил, Бес взял листок и прочитал его.

— Я умоляю вас, — произнес им Рами, — не трогайте их, я все буду делать. Что скажете.

— А куда ты на хрен денешься с подводной лодки? — вставил Бугай.

— Пакуйте его, — сказал Бес.

Они дали Рами одеться и, заткнув кляпом рот, надели мешок на голову, после чего вывели из дома и усадили в машину. Ехали они долго, и, по ощущению Рами, по каким-то горным дорогам часов шесть или семь. Когда они остановились и его вывели из машины, он почувствовал холодный горный ветер. Его спустили по каменным ступенькам вниз, где было холодно и пахло сыростью. Наконец ему снял мешок с головы. Помещение походило на бетонный подвал. В стенах подвала были крюки из железа, на которых висели цепи. Рами подвели к одной из них и одели ему колодку на ступню, от которой шла цепь, прикованная к крючку. Цепь была толстой и длинной. В углу стоял сбитый из досок топчан, покрытый соломой, похожий на кровать. Туалета и воды не было. На стенке висела небольшая керосиновая лампа. После мешка на голове, для Рами этот тусклый свет показался ярким. Он присмотрелся к своему проводнику. Это был пожилой мужчина, обросший бородой, в бурке и папахе.

Я Багир, — сказал он. — В углу горшок. Будешь в него ходить. Вода рядом в ведре. Будешь вести себя хорошо, поладим. Нет, будешь голодным. Я здесь один. Вокруг горы, уйти не сможешь. До тебя никто не смог, хотя один попытался, но мои собаки его загрызли. Так что в голове это не держи. Легче жить будешь. Сказав это, он развернулся и поднялся наверх. Послышался звук задвигаемого засова на двери. Рами присел на кровать и задумался. Мысли бурлили в голове. Он закрыл глаза, надеясь, что это все не реальность, просто дурной сон,

наваждение, но, отрыв их, снова ничего не изменялось. Какой ужас, думал он. Еще недавно он с женой и детьми ходил в Нью-Йорке на бродвейское шоу, имел хорошую работу, и вдруг все исчезло в один миг. Он беззащитный, подавленный, из современного и прекрасного мира попал в прошлый век, век рабов, прикованных цепями. Он стал кричать, стонать от душевной боли, но вокруг была гробовая тишина. Обхватив голову руками, он лег и заплакал...

... Бес ногой перевернул тело Кирилла и плеснул ему в лицо стакан воды. Глаза Кирилла открылись. Он увидел перед собой лицо Беса, который нажал в этот момент на рану в месте отрезанного пальца. Лицо Кирилла искривилось от боли.

— Слушай меня внимательно, кладбищенский дезертир, — грозно сказал Бес. — Если ломанетесь к ментам, мы твоего племянника на куски порежем, а потом твою жену, усек?

— Да, — со стоном проговорил Кирилл.

— Вот бумага, в ней требование. Ждем месяц. Не будет бабок, всех грохнем! Понял?

Кирилл молча кивнул.

— Мы с тобой сами свяжемся через несколько дней.

Бес и его люди вышли.

Дядя Кирилл, обессиленный, подволок к жене и стал ее тормошить. Она пришла в себя и, увидев Кирилла в таком состоянии, стала причитать и плакать.

— Успокойся, я живой, — сказал он ей. — Лучше принеси бинт, я перевяжу руку.

— Сейчас, сейчас, Кирилл, — сказала она, вставая. — Надо вызвать скорую помощь и в милицию позвонить!

— Никакой милиции, — категорично произнес он. — Они увезли Рами, дали мне эту записку. Сказали, что если мы заявим, то они его убьют.

— Ой, горе какое! Будь они прокляты, изверги, нелюди, — запричитала она.

Кирилл облил рану водкой и перевязал крепко бинтом.

— Я сейчас пойду к Матвею и все ему расскажу, а уже от него поеду в больницу!

— Я одна не останусь дома! — испуганно произнесла она.

— Хорошо, давай собирайся и пошли.

ГЛАВА 30

Матвей и Соня

Через пятнадцать минут они уже постучались в дверь к Матвею. Матвей выглянул в окно и спросил:

— Кто там?

— Матвей, это я, Кирилл. Открывай!

Матвей быстро открыл дверь и, увидев их в таком состоянии, взволнованно спросил:

— Что случилось?

— Беда, Матвей, беда, — сказал Кирилл. — На нас напали, избili, а Рами увезли!

— Кто? Куда? Давно?

— Нет, недавно. Они просили деньги у Рами за дом! Оставили эту записку.

Он показал записку Матвею. Прочитав ее, он задумался и растерянно спросил:

— А кто они? Как выглядели?

— Ихнего главного Бесом зовут. Он мне палец отрезал!

— Что? Как отрезал?

— Вот, — и Кирилл показал ему свою руку. — Мизинец отрезал.

У Матвея глаза полезли на лоб от такого известия.

— Что же вы молчите. Вам срочно в больницу надо! Я сейчас скорую вызову, — и Матвей подошел к телефону. Вызвав скорую, он, пока оставалось время до приезда врачей, попросил еще раз подробнее рассказать то, что произошло.

Наконец скорая подъехала и увезла Кирилла с женой в больницу. Матвей стал перебирать в голове, что ему делать и куда обратиться. Из всех вариантов он остановился на одном, позвонить Соне. Все-таки она депутат и имеет обширные связи, и ей будет виднее, что в такой ситуации делать. Он набрал телефон Сони. Она ответила спросонья:

— Алло, кто это?

— Соня, это я, Матвей!

Соня встревожено спросила:

— Что случилось, Матвей? Ты так поздно звонишь.

— Да, Сони, Рами украли!

— Кого? Рами? Как украли? — чувствовалось удивление и растерянность Сони.

— Сегодня ночью. Он дом продал, и на них напали. Ко мне только что приходил его дядя Кирилл с женой, избитые. Я вызвал скорую помощь. Они ему палец отрезали и сказали, что убьют их и Рами, если не дадут деньги.

— Боже мой, какой ужас! Я сейчас приеду, жди меня.

Соня повесила трубку. Через полчаса она уже приехала к Матвею. Он рассказал ей все, что узнал от Кирилла. От всего услышанного Соня была в шоке.

— Боже мой, — прошептала она. — Какой кошмар. Надо идти в органы и поднять все на ноги!

— Соня, какая милиция? Они вернутся и убьют их!

— Но мы не можем сидеть, сложа руки. Тем более, он из Америки приехал. Это же международный скандал!

— Соня, выслушай меня. Успокойся! Я тебе кое-что расскажу: о том, чего ты не знаешь.

— Ты о чем?

— Понимаешь, я лицо духовное, служу людям от имени Бога. За последнее время в городе произошло очень много плохого. Я тебе вкратце расскажу сейчас несколько фактов, о которых люди сообщили только мне, и то под большим секретом, боясь последствий. Поэтому я не буду называть тебе их имена.

Недавно один человек — отец со своим младшим сыном приехал к старшему сыну в гости, засиделись допоздна и остались ночевать. Рано утром постучались в дверь. Отец спал на первом этаже в зале и автоматически отрыл дверь. Кто-то ударил его рукояткой пистолета по голове. Падая, отец закричал и упал, зацепив ногой дверь. Дверь захлопнулась. Услышав возню и крик, младший сын, схватив на ходу какую-то статуэтку, спустился вниз и тут же получил пулю в бедро, но успел ударить бандита статуэткой по голове. Нападавший с криком свалился. А оставшийся снаружи бандит начал стрелять в дверь. Старший сын, выхватив пистолет у раненного бандита, стал

отстреливаться. Когда у него патроны закончились, в дом, выломав дверь, ворвались несколько нападавших. Избили всех до полусмерти, забрали деньги, драгоценности и пригрозили, что если они обратятся в милицию, вернутся и всю семью сожгут заживо.

— Я догадываюсь, о ком ты рассказывал, — сказала Соня. — Так вот почему они уехали?

— И не только они, многие. Помнишь, мой родственник умер?

— Да, молодой парень, говорили, что он болел?

— Нет, Соня, он не болел. Он был здоровым, жизнерадостным человеком. Его украли, избили, издевались надо ним ежедневно, пока его родители не выкупили его за большие деньги. Он после этого замкнулся в себе, а через несколько дней повесился, видимо, обезумев.

— Какой ужас! Но почему они молчат? Не обращаются к власти?

— Соня, люди запуганы, морально подавлены. Им говорят, что если куда обратятся, то будут убивать их детей, а после и их самих. Многие приходят ко мне и рассказывают, как духовному отцу, в надежде, что я помолюсь за них, и Бог им поможет. Но я ведь не Бог, человек. Когда я после службы прихожу домой, я сам с ужасом чувствую, что потихоньку схожу с ума. Мне становится страшно за этих людей. Они беззащитны, не знают, что делать и кому верить. Ты говоришь власть, Соня, а я знаю, что эта власть сегодня с ними вместе на разбой ходит, поэтому люди никуда не обращаются, а многие боятся даже говорить об этом, просто собирают, что могут унести и убегают.

— Да, Матвей, ты прав. Я чувствую, что тебе тоже очень тяжело сейчас. Но если и мы с тобой сдадимся и убежим, вместо того, чтобы пойти во все властные структуры и заставить их делать свою работу, то грош цена нам с тобой: тебе, как духовному наставнику, и мне, как избранному депутату.

У меня сегодня тоже кошмарные дни. Ежедневно появляются беженцы, помощь нужна инвалидам, больным, пенсионерам. На кого мы их оставим, если сдадимся? Люди бегут за помощью к нам, потому что верят нам. У меня муж, две маленькие дочки, и меня часто запугивают, чтобы я сидела молча, и не выступала, угрожая расправой надо мной и моей семьей. Мой муж об этом не знает, а я каждую ночь засыпаю, обращаясь к Богу за помощью себе, детям, людям, общине.

Знаешь, Матвей, многие наши же злые языки поливают меня грязью, мол, мне больше всех надо, и делаю это все ради денег, власти.

О какой власти идет речь, если кругом безвластие и самоуправство. Кроме проблем мне эта власть ничего не дает. И о каких деньгах идет речь, если я больше, чем год, не получаю зарплату, а все мы буквально выживаем за счет фондов от благотворительных организаций. Мы не всегда даже знаем, как за счет этих мизерных поступлений закрывать многочисленные бреши, чтобы помочь выжить пенсионерам и больным.

Матвей, у меня муж за любую работу хватается, мои девочки друг за другом вещи донашивают. Я себе во всем отказываю, осталось только от еды отказаться для полной картины. Пусть наши враги живут так, как я, и видят то, что я вижу.

Матвей, ты знаешь, из какой я семьи, как выросла и через что я прошла. Я от всей души хочу, чтобы моя страна, республика вылечились от всех этих недугов, которые сейчас происходят. Чтобы наш народ жил счастливо, богато и очистился от всей этой нечести. Понимаешь, это моя жизнь, мои идеалы, и я не могу иначе, даже если меня убьют.

Кто, если не мы, сейчас сможет помочь Рами, который никогда ни кому ничего плохого не сделал. Он пострадал только за то, что продал свой дом, оставшийся от родителей, которые всю жизнь для этого трудились. А теперь он должен, если выживет, отдать полученные за дом деньги этим уродам.

Я пойду до конца, чего бы мне это не стоило. Подниму все органы власти и не успокоюсь, пока Рами не будет на свободе. Ты со мной, Матвей? Я тебя не могу заставить, но не скрою, твоя поддержка для меня многого стоит.

— Соня, я всегда с тобой! Но что мы вдвоем можем против этой оравы сделать? Ты знаешь, один в поле не воин!

— Нас уже двое! Я от имени власти, а ты от имени Бога. Думаю, мы чего-то стоим!

— Хорошо, Соня. Что мы должны делать? Не забывай, Кирилл меня предупредил, что они и Рами, и его с женой убьют, если не заплатят, и куда-нибудь об этом заявят!

— По поводу этого не волнуйся. Я неофициально, по моим каналам, обращусь в официальные структуры. Во всяком случае, это единственное, что в наших силах. Воевать мы с ними не можем, значит, у нас два пути, либо его вытащить через властные структуры, либо...

— Соня на секунду задумалась.

— Либо откупиться, — закончил вместо нее Матвей.

— Надеюсь, этого можно будет избежать. Но жизнь Рами в большой опасности и, в крайнем случае, придется прибегнуть к этому. Конечно, нужно будет звонить семье в Америку и поставить их в известность, хотя я не представляю себе, как можно такое передать его жене.

— Я сегодня же скажу Кириллу, чтобы они позвонили и сообщили семье о похищении и сумме выкупа.

— Ты сказал, что в записке была сумма в сто тысяч?

— Да, там так написано.

— Но, как говорил Кирилл, дом был продан за семьдесят тысяч?

— Да, он говорил, что нотариус оформила дом на эту сумму!

— Кстати, Матвей, а тебе не кажется, что эта подстава могла идти от нотариуса. Как ты думаешь?

— Соня, это вполне возможно. Но даже если это так, что это в данном случае изменит? Не пойман, не вор. И если на нее натравить органы, то она будет от всего отказываться. Главное, что если бандиты об этом узнают, то могут вообще убить Рами!

— Да, ты прав. Это тупик. Но на будущее, если кто-то из наших будет продавать дом, надо будет предупредить, чтобы к ней не обращались.

— Хорошо. Значит, ты предлагаешь, чтобы Кирилл позвонил жене Рами и предупредил ее, какую сумму выкупа за него требуют?

— Да, она должна знать и быть готова ко всему! А я, пока ты этим займешься, поеду к одному депутату, который курирует милицию, и узнаю, чем он может помочь.

— Хорошо, Соня, я завтра пойду к Кириллу и скажу ему, что делать.

— Ну, тогда я поехала, Матвей! Завтра созвонимся и по результатам моей встречи решим, что делать дальше! Давай, спокойной ночи.

Они попрощались и Соня уехала. Попав домой далеко за полночь, она до утра почти не спала, перебирая в голове разные варианты. Рано утром, позавтракав, она позвонила другу-депутату и договорилась с ним о срочной встрече. Он принял ее у себя в кабинете. Соня все ему подробно рассказала. Выслушав ее внимательно, он произнес:

— Во-первых, Соня, хочу выразить огромное сожаление, что это произошло с твоими близкими людьми, и в то же время поблагодарить

тебя за то, что ты обратилась ко мне, тем самым показывая, что ты мне веришь и доверяешь. А что самое скорбное в этой ситуации, что это стало происходить сплошь и рядом и, не сегодня-завтра, мы и сами не гарантированы, что не окажемся в положении жертвы.

— То есть, другими словами, спасение утопающего — дело рук самого утопающего?

— Понимаешь, Соня, я тебя очень уважаю за твою гражданскую позицию, за честность и смелость. Не каждый мужчина сегодня отважится так смело выступать с трибуны и бороться против произвола и беспредела, который происходит вокруг нас. Но, исходя из того, о чем ты меня просишь, одновременно связывая меня по рукам невозможностью проведения официального расследования, ты и меня, и себя, и что самое плохое, самого пострадавшего ставишь под большой риск.

— Я понимаю тебя, но меня в такие рамки поставила его родня, боясь, что его убьют, если узнают, что кто-то обратился в органы.

— Вот именно это, Соня, я и хочу объяснить. Прежде чем что-то предпринимать, нужно подумать, как не навредить.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Смотри, Соня, если бы мы запустили официальное дело, и с заложником случился бы худший вариант, то все претензии к государству. А то, о чем ты просишь, то есть, скажем мягко, нелегальное вмешательство по личной просьбе. Давай представим на минуту, что я тебе говорю: «Хорошо, Соня, я постараюсь тебе помочь.» А затем начинаю, под свою ответственность, пытаться это разрулить. Но, как ты понимаешь, я же не сам лично буду это делать, то есть кому-то прикажу, к кому-то обращусь. Потом где-то в какой-то момент в цепочке произойдет утечка. И не имеет значения, как и почему, но, в конечном итоге, конфиденциальность испарится, и произойдет трагический финал.

Скажи мне, в сегодняшнее время, можно кому-то на сто процентов доверять? Тем более, как я понял, мы с тобой хотим лишиться нелегальной прибыли не просто мелкого жулика, а прибыль вырвать из пасти, может быть, очень серьезной бригады или организации. Уверен, ты знаешь, что многие преступные группировки имеют серьезных крышевателей. Не мне тебе говорить, какими деньгами они орудуют. Не получится ли в такой ситуации, что мы не только не вытащим бедолагу, а сделаем еще хуже?

По лицу Сони было видно, что она понимает правоту собеседника, но продолжает надеяться на его помощь. Депутат во всем был прав. И она грустно спросила:

— Но что же делать, платить?

— Я не могу ничего посоветовать, но если бы это случилось с моим близким человеком, я бы, наверное, не рисковал. Но опять-таки, Соня, ты ко мне обратилась, и если ты скажешь «вперед», я подключу все рычаги, чтобы его вызволить.

Соня задумалась. В голове перебирались много комбинаций, но против лома нет приема, и она отчетливо понимала, что друг-депутат прав. И, может, действительно, надо как-то собрать эту сумму среди всех родных, и тогда будет шанс вернуть Рами живым, а это было важнее всего. Наконец она сказала:

— Спасибо тебе за поддержку и честный анализ. Я думаю, что ты прав. Нам нужно поговорить с его семьей, и какое решение они примут, я буду его выполнять. Но, прежде чем уйти, хочу тебе задать очень важный вопрос: «Если родные решат платить, можешь ли ты посоветовать какого-то посредника, через которого можно будет отдать деньги и гарантированно вернуть живым парня, обезопасившись при этом от нежелательных последствий?!»

— Давай сделаем так, Соня. Я понимаю, о чем ты просишь. Скажем так, если родственники примут какое-то решение, то мы из этих реалий и будем исходить. Во всяком случае, я думаю, что этот вопрос можно будет решить.

— Хорошо, спасибо, — Соня встала, чтобы попрощаться и уйти, и на мгновенье застыла на месте. — Можно воды?

— Конечно, Соня, — он быстро налил воду из графина в стакан и подал ей. — Присядь, выпей.

Соня села на стул, в глазах появились слезинки.

— Ты знаешь, Альберт, — сказала она так, будто и не к нему обращаясь. — Я нахожусь как бы в состоянии шока от окружающей действительности, будто попала в театр абсурда и не вижу выхода из этого нелепого и кошмарного состояния. От всего того, что происходит в эти дни в моей республике, где из поколения в поколение столетиями, при любых режимах и правлениях нашим предкам и в голову не приходила мысль куда-то бежать, все бросая: дом, работу, друзей, общину. И это при том, что все годы было тяжело и морально, и физически.

У меня здесь родословная в пятом поколении. Я коренная жительница, и сегодня я чувствую что то, что происходит вокруг нас, это какой-то финальный рубеж дальнейшего проживания моего рода на этой земле. У меня были и раньше очень тяжелые, трудные моменты в жизни, но я знала, что одолею преграды и пойду дальше, но сегодняшняя реальность убийственна. Все крушится и уничтожается. Войны между собой, убийства ради наживы, беспредел, безвластие. Разрушение всяких моральных устоев. Мне бы в самом ужасном сне не приснилось происходящее теперь наяву. Даже то, что я сейчас здесь, у тебя, и мы с тобой должны решать такие дела, это говорит о многом. Наше общество переступило через запретную Богом черту, и думаю, за это Он всех накажет. Тебе так не кажется?

— Не буду врать, Соня, я об этой ситуации очень давно и много думаю, но уверяю тебя, в скором времени мы все урегулируем и вернем утраченные позиции. Лихорадка во власти рано или поздно прекратится.

— Может быть. Но скажу тебе честно, никогда раньше мне и в голову не приходила мысль покинуть мою родину. Я чувствую всеми фибрами моей души, что не вижу здесь будущее моих детей.

— Нет. Так далеко не заходи. Тебя здесь уважают, любят, и ты, в конце концов, депутат, который немало пользы приносит всем людям.

— Ты меня извини, что я так разоткровенничалась, излила то, что на душе, но мне стало как-то легче, что я этот груз сомнений разделила с тобой. Ты прав. Сейчас не время расслабляться. Многие в гораздо худшем положении и, в частности, похищенный вчера Рами. Я сейчас же пойду к его родным, и пусть они решат, какой вариант подходит. Еще раз спасибо, и до свидания!

Соня вышла и сразу поехала к Матвею. Все ему объяснив, она попросила его пойти к Кириллу и сказать ему, чтобы он связывался срочно с его семьей и получил ответ, по какому сценарию нужно действовать. Они договорились встретиться, как только у Матвея появится информация.

Матвей, расставшись с Соней поехал к Кириллу и забрал его с собой в главпочтамт, где они заказали переговоры с женой Рами. Когда их по связи соединили с Америкой, Кирилл зашел в телефонную будку и все ей объяснил. Жена Рами была потрясена, плакала навзрыд и причитала. Кириллу было очень трудно продолжать разговор.

Подождав, пока она немного успокоится, он попросил объяснить их финансовую ситуацию. Жена Рами сказала, что деньги, переведенные за дом на его счет, она сама без него снять не может, а такой суммы, которая нужна для выкупа, у них нет. И при всем желании она сможет собрать тысяч двадцать, не больше.

Кирилл сказал ей, что они здесь тоже будут думать, как собрать нужную сумму. Они будут стараться занять у людей недостающие деньги, а когда Рами освободят, и он вернется домой, то снимет столько, сколько будет нужно, со своего счета и рассчитается со всеми. Они поговорили еще минут пять, после чего Кирилл попрощался и пообещал, что будет держать ее в курсе всего происходящего.

Матвей отвез Кирилла домой, а сам поехал к Соне и объяснил ей результат переговоров. Соня грустно задумалась.

— Что будем делать, Соня? Как я вижу, все очень плохо! Денег на выкуп нет, а власть, как я понимаю, сама себя защитить не может.

— Знаешь, Матвей, мне в голову одна мысль пришла, и может она будет правильной в этой тупиковой ситуации.

Матвей немного оживился.

— Ну-ка, поделись, что за мысль?

— Я вчера и сегодня анализировала, продумывала все варианты и пришла к выводу, что эта нотариус, как ее там зовут, Люся?

— Да.

— Так вот, я твердо уверена, что это ее наводки, и она с ними в доле!

— Допустим, — задумчиво ответил Матвей. — Я, кстати, тоже думаю, что она замешана, но что это может изменить. Не пойман — не вор. Что мы можем ей предъявить?

— Смотри, Матвей, украли человека после ее сделки, и не нашего жителя, а иностранца. И я к ней пойду не как частное лицо, а как депутат, который может дать делу широкую огласку с освещением в газете и подключением центральной московской ревизии. А после этого она может и под следствием оказаться и работы лишиться.

— А не навредим ли мы этим Рами?

— Как?

— Ну, скажем, она испугается, и они его прикончат!

— Если она не дура, то на убийство не пойдет. Мало того, что не заработает ни копейки, а еще и повесит на себя такую статью.

— Хорошо, Соня. Допустим, ты ее убедишь, и она согласится нам помогать. А что, если она сама пешка и у бандитов под колпаком, что тогда?

— Тогда мы попробуем через нее вести с ними переговоры. И хотя бы уменьшим сумму выкупа!

Матвей задумался.

— Ну, это хоть какая-то зацепка будет, Матвей, а так у нас сейчас вообще ничего. Давай, поедem к ней на работу, поговорим, а дальше видно будет, куда нас течение вынесет.

Матвей тяжело вздохнул и произнес:

— Ой, не по душе мне все это. Но и сидеть, сложа руки, тоже не дело. Ладно, поехали, поговорим.

Они поехали в нотариальную контору. Им повезло, Люся была на работе и приняла их у себя в кабинете. Женщина была статная, видная, примерно лет тридцати. Одета была изысканно, почти нарядно, с бриллиантами на шее и пальцах рук. Она им мило улыбнулась и предложила присесть.

— Слушаю вас. — с улыбкой произнесла она. Чем могу помочь?

— Думаю, что сможете. — произнесла Соня. — Меня зовут Соня. Я депутат парламента республики. А он духовное лицо, священнослужитель Матвей.

— Очень приятно, — вежливо сказала она. — Как-то неожиданно и непривычно видеть вместе представителей власти и Бога.

— Думаю, это сегодня вам будет актуально и необходимо, — начала Соня в немного официальном тоне.

— Не совсем вас понимаю? — с удивлением спросила Люся.

— Если у человека появляются очень серьезные нарушения и противоправные действия на рабочем месте, которое предназначено, чтобы предоставлять клиентам юридическую защиту, которой наделяет власть, а я, как депутат именно власть и представляю, то думаю, не грех было бы сразу и покаяться перед Богом!

Речь, произнесенную Соней, нотариус Люся переваривала несколько секунд, и так толком не разобравшись в чем дело, с недоумением спросила:

— Вы меня сконфузили. Честно говоря, я не понимаю, что вы от меня хотите. Может объясните простым языком?

— Люся! Я подняла все ваши сделки с клиентами, которые пользовались вашими услугами за последние два года, — соврала Соня, идя ва-банк. — И пришла к выводу, что вам есть в чем покаяться перед Богом и есть за что надолго сесть. Но прежде, чем передать свое заключение министру юстиции, я решила прийти к вам и, может быть, получить от вас оправдания, которые смогут меня убедить отказаться от этого намерения.

Люся и Матвей с нескрываемым удивлением посмотрели на Соню. С осторожностью Люся спросила:

— Чем таким я заслужила это ваше расследование? В чем вы меня обвиняете?

— В сговоре с преступными элементами, используя служебное положение, в пособничестве передаче закрытой информации, результатом чего стало последующее похищение клиента и требование выкупа за него.

У Люси глаза полезли на лоб от этого обвинения. Ей стало трудно дышать, на лбу появилась испарина. Сам Матвей был ошеломлен смелостью и напором Сони.

— Что? Что вы такое говорите? — еле выдавила из себя Люся.

За секунду из смелой, волевой женщины она превратилась в свою трусливую, испуганную и раздавленную копию.

Видя эти изменения, Соня поняла, что она на верном пути, и стала еще больше ее прессовать.

— И, возможно, это вам так бы и сходило дальше с рук, но вы от алчности и жадности сделали роковую ошибку. Из-за безнаказанности и наглости вам показалось недостаточно грабить наших граждан, и вы решились украсть гражданина иностранного государства, жителя Америки, Рами! А это уже международный скандал и в центре, в Москве, это дело стоит на особом учете. Нам пришла срочная установка в течение трех дней найти, освободить Рами, американского гражданина, и наказать всех виновных и причастных к этому делу людей. Я сейчас ясно излагаю свою позицию?

На Люсю было жалко смотреть.

— Итак, Люся, — продолжала давить Соня. — Я коренная жительница нашей республик и, и мне не хочется выносить сор из нашего общего дома. У тебя, как и у меня, есть семья, обязательства и, наверное, я, по-женски, смогу тебя понять. Следственные органы

не будут, как я, с тобой беседы вести. Они из тебя всю душу вынут, чтобы отчитаться перед Москвой, и тогда тебе никто не поможет. А я могу помочь тебе и спустить это дело на тормозах, если Рами отпустят. Понимаешь?

Люся заплакала. Сквозь слезы она стала, оправдываясь, объясняться.

— Они убьют меня. Вы не понимаете, это не люди, это звери. Они хуже зверей... У меня двое детей. Я одна, без мужа. Когда начался весь этот беспредел, они пришли ко мне в офис и приказали мне сливать им информацию о тех, кто продает или покупает дома, дорогие машины. А если я не буду это делать, то порежут на куски моих детей и заставят меня на это смотреть... Она почти рыдала. Соня налила ей стакан воды. Люся выпила и чуть-чуть успокоилась.

— Мне не нужны были ни они, ни их деньги, — продолжила Люся. — Я просто панически боялась, и сейчас боюсь их, потому что знаю, что защитить меня сегодня от них никто не сможет. Я же не слепая. Я вижу, что происходит вокруг. Сейчас милиция сама от них защититься не может, а многие давно с ними вместе грабят. А что могла против них сделать я? Заявила бы, меня бы сразу ликвидировали. Мне очень больно и жалко пострадавших, но, стоя перед выбором, они или мои дети, у меня вариантов нет. Поэтому, Соня, скажу вам откровенно, если вы на меня заявите и откроете дело, то я буду молчать, как рыба. И ничего Вы от меня официально не получите, даже, если следствие докажет мою причастность.

— Люся, я вас понимаю, но и вы поймите. Они, если их не остановить, будут продолжать похищать людей, у которых, как и у Вас есть семья, дети. У этого Рами дома жена и дети ждут своего кормильца. Что делать нам в этой ситуации?

— Я не знаю. Но силой с ними не справиться, а на закон и Москву они плевать хотели. И скажу вам честно, если они не получают деньги за этого бедолагу, то они его убьют. Так что поступайте, как хотите.

— Люся, мы понимали безвыходность ситуации и прорабатывали вариант выкупа. Но таких денег у его семьи нет. Если, как вы говорите, других вариантов с ними нет, можете ли вы стать посредником наших с ними переговоров, естественно, неофициально. И я обещаю Вам, что нигде не укажу ваше имя.

— Как Вы себе это представляете? Я пойду и скажу им, чтобы они сели за стол переговоров?

— Нет. Я дам Вам мои координаты: и как руководителя, и как депутата, адрес культурного центра, где находится мой офис. И я сама с ними буду говорить.

Люся и Матвей опять с удивлением посмотрели на Соню.

— А вы смелая, — сказала Люся. Вы уверены, что хотите их видеть?

— Да, — решительно сказала Соня. — Я не хочу, но я должна!

Соня дала Люсе свою визитную карточку.

— И чем быстрее это будет, тем лучше будет для нас. Спасибо, Люся за честный, откровенный разговор. Надеюсь, в будущем вы освободитесь от этих оков. Но в первую очередь, конечно, вам нужно будет уйти с этой работы и, если возможно, уехать на время, пока в республике наведут порядок. Вы же знаете, что пока Вы здесь работаете, эти люди вас в покое не оставят. До свидания.

Люся и Матвей вышли на улицу. Свежий глоток воды освежил их. Матвей произнес:

— Соня, у меня столько противоречивых вопросов к тебе. Я тобой одновременно восхищаюсь и негодую.

— Оставим восхищение. Скажи, в чем негодование?

— Как ты можешь вызывать весь огонь на себя, звать головорезов и бандитов к себе на встречу?

— Матвей, ты прекрасно понимаешь, что в этой ситуации, если мы действительно хотим спасти Рами, сейчас у нас есть хоть какой-то шанс это все правильно разрешить. У нас нет такой суммы выкупа. Нужно им это объяснить, а через Люсю все будет идти долго и как испорченный телефон. Поэтому мне нужен с ними прямой контакт, чтобы они нас услышали. Только исходя из этого можно будет найти общее решение.

— Очень надеюсь, что ты понимаешь, что делаешь! Соня, у тебя тоже двое детей. Ты об этом думаешь?

— Как раз об этом я каждый день думаю. Но пойми, я не просто домохозяйка, я сама осмысленно выбрала свою дорогу в этой жизни. И пока я или моя помощь будет нужна людям, думаю, что меня и танк не остановит и не заставит отказаться от выбранного мною пути. Хотя, ты прав, и я, и моя семья немало пострадали от моей жизненной

позиции, много было у нас лишений. Я думаю, Матвей, что твоя ноша не менее, а, может, и более тяжела сегодня. Как ты говоришь, и да поможет нам Бог!

— Аминь. — заключил Матвей.

— Спасибо, Матвей, ты для меня всегда служил и служишь моральной поддержкой.

— Хорошо, Соня, что будем делать дальше?

— Теперь ждать. Думаю, очень скоро они дадут о себе знать, и тогда будем дальше решать, исходя из ситуации.

Соня оказалась права. Ждать даже пришлось. Кто-то ночью позвонил ей.

— Это Зоя. — голос был глухим и угрожающим.

— Какая Зоя? — спросила Соня и добавила. — Вы ошиблись номером.

Она повесила трубку. Телефон снова зазвонил.

— Алло?

— Эта квартира Зои Космодемьянской?! — спросил тот же голос.

— Сейчас ночь, вам что, делать нечего?

— Смелая... за справедливость борешься, не терпится на виселицу?

Соня бросила трубку. Теперь она уже поняла, что это не ошибка, а кто-то хочет ее напугать. Телефон зазвонил.

— Что вам надо? — резко спросила она.

— Депутатского тела, сможешь устроить это?! — послышался смех в трубке.

— Слушайте, Вы, недоноски, мой телефон прослушивается, и завтра вы об этом пожалеете, — схитрила Соня.

— Нам жалеть не о чем, а вот тебе подумать надо!

— Это о чем же?

— О семье, о муже, о дочках. Ты же любишь их, дорожишь, наверное?

Соня положила трубку и больше не поднимала, хотя было еще несколько звонков.

На следующий день с утра Соня пришла к Альберту и все ему рассказала, и о Люсе, и о звонках. Выслушав ее внимательно, Альберт сказал:

— Соня, конечно, ты поступила опрометчиво, что пошла к Люсе, но что сделано, то сделано, и теперь назад пути нет. Я сейчас же распоряжусь, чтобы проверили, откуда к тебе поступали звонки, и попрошу, чтобы возле твоего дома поставили охрану. Думаю, детей в школу не посылай, пока мы не выясним, откуда ветер дует. Люсю будем брать в разработку, поставим на прослушку и наружное наблюдение за ней.

— Но трогать ее нельзя, я ей обещала. Люся сейчас своей тени боится.

— Хорошо. Дай мне минут десять. Я пойду к нашим технарям, чтобы они проверили, откуда тебе звонили.

Альберт вышел и вернулся через двадцать минут. Вид у него был странным, будто он только что в коридоре увидел инопланетянина. Соня робко спросила:

-Что-то не так, Альберт?

— Соня, мои технари проверили дважды, и ошибка исключена. Тебе звонили из дачи обкома партии!

— Откуда? — удивилась в свою очередь Соня. — Как это возможно?

— Сегодня все возможно. Я предполагал, что за этими негодями стоят большие люди, но если это идет с такой высоты, тот тут надо семь раз отмерять и ни разу отрезать.

— Что ты можешь посоветовать?

— Срочно иди в Комитет государственной безопасности и напиши им официальное заявление об этих звонках — как от частного лица, так и как депутата. Нужно, чтобы от них кто-то вмешался.

— И про похищение Рами тоже?

— Нет, про него не нужно, только про звонки. Думаю, что шайка серьезная, и если поступит заявление о Рами, то они могут его убить. Тогда и безопасность Люси, а также косвенно твоя не гарантированы. Как не прискорбно тебе говорить, Соня, но с этими людьми ни ты, ни я, воевать не сможем. Первый раз в жизни я советую, и то как другу, постарайся быстрее выкупить Рами и отправить домой.

— Я тебя поняла, Альберт. Если ты мне это советуешь, то, видимо, других вариантов нет.

— Чтобы увидеть его живым, к сожалению, нет!

— Хорошо, пойду в народ, к общине, постараюсь собрать деньги. Спасибо тебе, Альберт за понимание и поддержку.

— В любую, минуту, если что, сразу звони!

Они попрощались, и Соня ушла. Она поехала на работу, в свой культурный центр, вошла в кабинете и, сидя за столом, задумалась, мысленно снова и снова перебирала в голове все возможные варианты. Неожиданно дверь распахнулась, и в проеме появились двое верзил. Они захлопнули дверь и, подойдя к ее столу, один из них бесцеремонно расселся на стуле и положил ноги на ее рабочий стол, сбросив на пол, лежащие на столе документы. Соня привстала, но второй амбал подошел к ней вплотную и, резко нажав на плечи, заставил опять сесть.

— Это ты, депутатша инициативная? — грозно спросил он, сверля презирающим взглядом.

Соня почувствовала тяжесть в груди и в голове, на лбу появилась испарина. Такие мерзкие рожи она даже в плохом кино не видела.

— Что молчишь, дешевка? Язык схавала?

В голове Сони вихрем неслись мысли одна за одной. Сначала она подумала, что все, конец, сейчас ее убьют. Потом сообразила, что еще жива, значит, не за этим пришли. Ей стало чуть легче, спазм в сердце отпустил, и, как ни странно, страх прошел. Соня взяла себя в руки и четко спросила:

— Вы кто, и что вам нужно?

— Депутатского тела отведать!

— Наш центр охраняется, и сейчас приедет милиция. Лучше уходите по-хорошему! — неожиданно для самой себя она решила их напугать.

Но они и глазом не повели.

— Ты нам фуфло не двигай, Матильда.

— Я не Матильда, я Соня.

— Заткнись и слушай меня! Ты за терпилу мазу решила держать, значит, бабло с тебя будем получать!

— О чем вы говорите, я не понимаю вас. — решила схитрить Соня, уже понимая, кто это, и зачем пришли.

Стоявший возле нее отморозок схватил ее за волосы и спросил у главного:

— Может, прессануть ее для начала, Бес? Вякает много!

— Не дергайся, Бугай, отпусти ее, пока не отдам команду.

Бугай разжал руку, и Соня свалилась на свой стул.

— Ты на хрена с пастырем к Люське ломанулась?

— Это она вам сказала?

— Слышь ты, коза, ты мне на вопрос вопросом не отвечай!

— Значит мы не ошиблись! — сказала Соня. Я, как депутат, хотела через нее передать вам, что человек, которого вы украли, гражданин Америки, и это, если пойдет наверх, или с ним что-то случится, будет иметь огромный резонанс и неприятные последствия для республики, в частности, и для страны, в целом.

— Так плати бабло, раз встречаешь, и резонанса не будет!

— Чтобы заплатить то, что вы просите, у нас денег нет, а деньги которые Рами получил за свой дом, были переведены на его счет в американский банк. Только он лично может их снять со счета. Без его подписи никто и никому деньги не даст. Вы хотели эти деньги и в то же время забрали человека, который может их дать. Если вы его отпустите, то он поедет в Америку, снимет деньги со счета и рассчитается.

Бугай и Бес рассмеялись.

— Вот сказочница чешет, — вставил Бугай. — Совсем крыша съехала.

— Слушай сюда, — угрожающе начал Бес. — Ты нас за лохов не держи, а то я тебя лично на шашлык порубаю. Он будет гнить, пока мы свое не получим, и мне похрену, кто и как будет нам за него отстегивать. Если через неделю бабок не будет, мы его отрубленную голову тебе сюда принесем.

— Послушайте, я дом не продавала, и у меня таких денег нет. Даже если пойти с протянутой рукой по людям, то вряд ли и половина такой суммы соберется.

— Ты же со священником трешься, вот и напряги его, чтобы с прихожан собрал.

Если вы хотите, я на моем бланке напишу письмо в посольство Америки. Он же их гражданин, может, они за него деньги пришлют?

Бес в бешенстве вскочил со стула и крикнул Соне:

— Да мне по барабану, куда ты будешь писать! Короче, крыса, через неделю не получу, жди подарок. И с нами в игры не играй. Ломаешься к ментам, то тебе, сучка, дочек не видать. Пошли, Бугай, пусть кумекает!

Они вышли, а Соня отрешенно продолжала сидеть и не могла пошевелиться. В комнату вошла помощница и, увидев ее состояние, испуганно сказала:

- Сонечка, на тебе лица нет! Это кто такие были?
- Что-то мне плохо. Дай воды, пожалуйста, голова трещит.
- Я сейчас же вызову скорую помощь.

Она побежала за водой и, вернувшись, вызвала по телефону скорую помощь, которая приехала через полчаса. У Сони сильно поднялось давление. Ей сделали укол и предложили поехать в больницу, но она отказалась. Врачи уехали, Соня уснула на диване в своем кабинете. Проспав три часа, она проснулась. Помощница сидела рядом. Соня попросила ее сделать чай, после чего она сказала, что ей лучше, и отпустила помощницу домой. Когда она ушла, Соня позвонила Матвею:

- Матвей, это я, Соня, нам нужно срочно встретиться!
- Хорошо, что ты позвонила, Соня. У меня есть новости, которые лучше обсудить не по телефону.
- Ладно, Матвей, я буду у тебя через полчаса.
- Нет, Соня, я сам приеду к тебе. Мне бы не хотелось, чтобы наш разговор слышала моя семья.

Соня встревожено удивилась и сказала:

— Я жду тебя у себя в центре. Мы будем одни, я всех отпустила домой.

— Я скоро буду. До встречи.

Соня начала приводить в порядок свой офис после посещения рэкетиров и расставляла все по местам, когда пришел Матвей. Они поздоровались. По его лицу она поняла, что случилось что-то серьезное. Обычно всегда спокойный и выдержанный Матвей выглядел взволновано и встревожено.

— Матвей, — начала Соня. — Судя по выражению лица, случилось что-то из ряда вон выходящее?!

ЧАСТЬ II

— Да, Соня, это так. И я поэтому не хотел, чтобы нас кто-нибудь слышал.

— Расскажи, что случилось.

— Знаешь. Соня, иногда, чтобы прийти в форму от ежедневных стрессов и плохих новостей, я по утрам бегаю трусцой вдоль берега возле речки. Сегодня утром я также бежал, и меня по дороге остановил мой старый знакомый. Я знал, что он занимается рэкетом. И тут он мне объявляет:

— Я знаю, что ты — духовное лицо. Но тебя все равно хотят украсть и потребовать выкуп. Я слышал разговор. Они хотят, чтобы община собрала за тебя деньги. Я тебя предупреждаю, потому что помню твое отношение ко мне. Если они узнают, что я тебе об этом рассказал, то мне конец. А ты не вор и не мужик, ты священнослужитель, и можешь обратиться в органы, чтобы они тебя защитили.

Матвей сделал паузу, после чего сказал:

— Соня, если такое случится, ни в коем случае не собирайте деньги. Это может стать кончиной нашей общины!

— Какой кошмар, — сказала Соня. — Плохие новости уже не каждый день, а каждый час поступают!

— Что ты имеешь ввиду?

Соня подробно рассказала Матвею, что произошло до его прихода.

— Подлецы! — вырвалось у Матвея возмущенно. — Нелюди, приходят уже открыто и безнаказанно издеваться. Ты извини меня, что я тебе свои проблемы вывалил в тот момент, когда у тебя хуже некуда. Они сказали, что вернутся через неделю?

— Да, и думаю, что обещание свое выполнят. Но неделя у нас есть. А в твоем случае у нас времени нет. Мы сейчас же поедem в Министерство юстиции.

Через двадцать минут они уже входили в Дом Советов. Депутатская корочка Сони открывала любые двери без предварительной записи на прием.

Увидев министра, Соня все ему рассказала. Он сразу объяснил, что такие случаи не в его компетенции и позвонил прокурору республики. По его рекомендации Соня и Матвей поехали к прокурору республики.

На месте его не оказалось, их приняла его заместитель. Внимательно выслушав, она сказала, что пока ничего не случилось, они не могут возбудить дело. А если это произойдет, тогда, по факту, можно и возбудить. Соня поняла, что они только теряют время, и решила ехать к Альберту. Альберт тепло их принял. Соня познакомила его с Матвеем. Они начали тяжелый разговор.

— Я внимательно слушаю, Соня! Ты по тому вопросу, или что-то еще случилось?

— Ой, Альберт, час от часу не легче. Тут вот какое дело. Матвеем сегодня утром его хороший знакомый сообщил, что рэкетиры хотят его похитить с целью выкупа.

— Священнослужителя?! — поразился Альберт.

— Да! Вот до чего дожили! И я боюсь, что они так и сделают, если его не защитит. Альберт, ты понимаешь, что это уже переходит все границы. Даже если сравнить с похищением Рами, гражданина Америки, которого захватили, как коммерсанта или просто богатого человека, то, хотя это страшно само по себе, но, по крайней мере, понятно. А если священнослужителя республики?! В этом случае будет такой резонанс, который нанесет ущерб всей нашей республике. Весь мир будет знать, что у нас самое ужасное место на земле, где воруют жителей, иностранцев, священнослужителей. Нас опозорят на весь мир.

Альберт задумался, и было видно, что его тоже охватило беспокойство.

— Ты права, Соня, — сказал он серьезно. — Этого ни в коем случае допустить нельзя.

Альберт нажал на на своем телефоне кнопку селекторной связи и вызвал помощника. Тот немедленно явился.

— Знакомься, это Матвей. Сейчас он выйдет с тобой и даст точные адреса своего дома и Молитвенного дома, где он служит. Срочно вышлите для круглосуточного дежурства по два наших работника в официальном обмундировании на каждый адрес и одного в штатском, как личного телохранителя с полным боекомплектом для Матвея. Понятно?

— Так точно! Можно исполнять?

— Исполняйте, — сказал Альберт и, повернувшись к Матвею, продолжил. — Вы можете пойти с ними, и когда закончите, возвращайтесь.

Они вышли.

— Хорошо, что ты пришла и рассказала об этом, Соня, — сказал Альберт. — Ты права, такая реклама нашей республике не нужна. Я сегодня же доложу об этом первому!

— Спасибо, Альберт. Ты, действительно, переживаешь за престиж нашей республики. Жалко, что другим нашим властным структурам на это наплевать.

— Ты была где-то до меня?

— Да, — и Соня ему рассказала, как ее отфутболили в Министерстве юстиции и прокуратуре.

— Идиоты, — вырвалось у него. Думаю, скоро все изменится, и многие за многое будут отвечать.

— Дожить бы до этого, — грустно произнесла Соня.

— Доживем, Соня, обязательно доживем. Ну, а теперь скажи мне, есть подвижки по Рами?

— Там пока ничего хорошего, а после сегодняшнего вообще туши свет! — обреченно сказала Соня.

— Что-то произошло? Расскажи.

Соня рассказала все, что произошло у нее в кабинете.

— Соня, и ты об этом до сих пор молчишь?! — удивился Альберт. — Надо срочно приставить к тебе телохранителя и поставить охрану возле дома!

— Если бы они хотели меня украсть или убить, они бы это сделали. Но пока не решится вопрос с Рами, они меня трогать не будут. Да и воровать депутата хлопотно.

— Думаю, ты ошибаешься. Для них ничего святого нет, и знаешь, береженого Бог бережет. Им нет никакого доверия. Я приставлю к твоему дому человека и на работе у тебя посажу внештатного, пусть сидит, пока все не прояснится.

— Спасибо, Альберт, за все, что ты для меня делаешь!

В дверях появился Матвей. Он сказал:

— Я дал ему адреса.

— Хорошо, — сказал Альберт и привстал. Соня тоже встала.

— Ну, мы пойдем, Альберт?! — сказала Соня.

— Было очень приятно с Вами познакомиться, — сказал Альберт, пожимая руку Матвею. — Мои работники опытные, думаю, что Вы можете спокойно работать.

— Спасибо, — сказал Матвей. — Да благословит вас Бог!

— Спасибо, батюшка, это нам сегодня не помешало бы. — Альберт любезно улыбнулся. Он повернулся к Соне:

— Соня, держи меня в курсе дела, хорошо?

— Да, еще раз спасибо. Пока!

ГЛАВА 31

Представители

Они вышли. Матвей повез Соню на работу. Когда они подъехали к офису, увидели, что у входа стоит машина без номерных знаков с затемненными стеклами.

— Неужели эти бандюги снова приехали? — печально воскликнула Соня.

— А может это люди Альберта? — произнес Матвей. — Сейчас увидим!

Матвей и Соня вышли из машины и пошли к выходу. Неожиданно двери стоявшей машины открылись и из нее вышли четверо мужчин. Все были в камуфляжной форме.

— Вы, наверное, от Альберта? — спросила у них вежливо Соня.

— От какого Альберта? — произнес один из них.

Соня поняла, что ошиблась.

— А кто же вас прислал? — спросила она.

— Нас не присылают, мы сами приходим! — произнес тот же мужчина так, будто он произносил речь с трибуны. — Мы представители комитета кавказских народностей.

— Первый раз о вас слышу! — с удивлением сказала Соня. — И что вы хотите?

— Вы Соня?

— Да.

— А кто он? — спросил он, показывая на Матвея.

— Я священнослужитель. Меня зовут Матвей.

— Очень хорошо! Нам нужно с вами поговорить. Мы можем пройти в ваш кабинет.

Соня замешкалась на секунду, переглянулась взглядом с Матвеем и, как бы получив от него одобрение, пригласила их к себе в офис. Все зашли и сели за круглым столом.

— Я слушаю вас, — произнесла Соня.

— Мы хорошо знаем, кто Вы и кем работаете, — начал говорить тот же мужчина, видимо, главный из них. — Поэтому пришли к вам, как к депутату этого района и лидеру в вашей общине. И очень хорошо, что ваш религиозный и духовный наставник здесь, так как молитвенный дом в вашем округе многие посещают. Мы знаем, что люди к вам прислушиваются и примут правильное решение о том, чтобы выполнить наше требование.

Соня и Матвей снова переглянулись, и Соня спросила:

— И какое у вас требование?

— Вы знаете, что сейчас идет война в Абхазии, и наши люди плечом к плечу сражаются с абхазами за свою независимость!

— И чем мы можем быть вам полезны? — спросила Соня.

— Всем! Людями, желательно: сержанты, офицеры мобилизованные, спортсмены.

— Но как вы себе это представляете? — с изумлением спросила Соня. — Мы что, должны ходить к людям в дома и уговаривать их идти в чужую страну воевать?

— Во-первых, не в чужую, а братскую нам республику!

— Допустим, — сказала Соня, — но для этого решения есть правительство, армия. Или я что-то недопонимаю?

— Именно недопонимаете. Это не просьба, а ультиматум. Или вы даете людей или даете деньги на дальнейшую борьбу.

Соня и Матвей просто опешили от такой наглости и самоуправства.

— А если не то и не другое? И вообще, я могу сейчас поднять трубку и позвонить в органы безопасности и сообщить о вашем шантаже и произволе!

Главный повернул голову к одному из своих людей. Неизвестный достал из портфеля папку с бумагами и передал ему.

— Здесь список богатых людей! — он положил список перед Соней и Матвеем. Они быстро посмотрели его. В нем было немало родственников и близких знакомых Сони и Матвея.

— Предварительно мы уьем несколько падших людей, например бомжей. Потом подкинем их тела к домам тех, кто в списке и сообщим, что это их рук дело. Потом взбаламутим народ, который начнет погромы. А мы пойдем к тем, кто в наших списках. И никакие органы безопасности вам не смогут помочь!

От такого откровения у Сони пошли мурашки по телу. Она повернулась к Матвею и тихо спросила.

— Матвей, ты представляешь, что они хотят сделать?!

— Более чем, Соня, — сказал Матвей и, повернувшись к их главному, продолжил. — Мы должны созвать людей и поговорить с ними!

— У вас есть три дня, но не больше. И еще не думайте, что сможете нас обмануть или кинуть, будет только хуже!

— И о какой сумме идет речь? — спросил Матвей.

— По нашим подсчетам, многие люди их этого списка подпольные миллионеры. Пусть соберут три миллиона рублей.

— Но это же огромная сумма! — возмутилась Соня.

— Для них это небольшие деньги. В противном случае потеряют все. Может дойти и до физического устранения. Пока у нас идет война, никто здесь не будет в безопасности, если не будут нам помогать. Я доходчиво объяснил?

— Да, — сказала Соня. — Мы вас поняли, но поймут ли вас люди?

— Захотят жить, поймут! — сказал он и встал. — Нам пора. У вас три дня.

Они вышли. От нервного перенапряжения Соню колотило. Матвей налил ей стакан воды, который она залпом выпила.

— Матвей, мир перевернулся. Как такое возможно, и почему это происходит? Иногда мне кажется, что я не выдержу, и произойдет что-то ужасное. Как с этим справляться? Как нам объяснить людям, что они абсолютно беззащитны, и никакая власть их не защитит? Представь, вместо того, чтобы сказать им, что нужно обратиться за защитой и помощью в органы, я должна их уговаривать заплатить деньги, чтобы не быть убитыми? Да в самом кошмарном сне мне это не приснилось бы. Это полный абсурд.

— Соня, все испытания человеку посылает Бог. Если бы он хотел дать нам непосильную ношу, то мы уже были бы мертвы. И то, что мы еще живы, говорит о том, что эта ноша нам по силам. И как бы пафосно это не звучало, Он возлагает на нас миссию: спасти и уберечь людей, которые нас окружают и на сегодняшний день нуждаются в нашей помощи и защите.

— Но где взять силы? Уже нет ни моральных, ни физических!

— Думаю, как бы нам не было тяжело, при мысли о Рами это небо и земля, поэтому мы с тобой сейчас не имеем право хандрить и сдаваться. Ты согласна со мной?

— Ты как всегда прав, Матвей! Думаю, нам надо собрать общину и честно сказать, что происходит, и какие могут быть последствия!

— Я тоже так думаю. И если они согласятся платить, то тогда мы должны собрать у них деньги также для выкупа Рами.

— Да, мы поднимем эти вопросы, когда соберем людей. Как ты думаешь, куда их звать: ко мне или к тебе в Молитвенный дом?

— Думаю, лучше ко мне, меньше привлечет внимание. Я завтра же пошлю несколько людей по разным адресам и, в первую очередь, к тем, кто были в этом списке.

— Хорошо, на когда созываем?

— На завтра вечером. Откладывать нельзя, у нас нет времени.

— Ладно. Что-то голова сильно разболелась. Видно снова давление поднялось.

— Соня, поехали, я отвезу тебя домой. Тебе сейчас лучше поспать.

— Хорошо. Я все закрою и поедем.

Матвей завез Соню домой, а сам поехал к своим доверенным людям и попросил их оповестить всех прихожан, что завтра вечером нужно всем собраться у него в Молитвенном доме.

На следующий день к назначенному часу в Молитвенный дом людей пришло столько, что мест для сидения не хватило. Все стояли. Многие пришли семьями. Нечасто приглашали в Божий дом официально. Обычно люди приходили сами, добровольно и по зову сердца, особенно, когда нужно было посоветоваться с мудрым священнослужителем. Некоторые, вообще, заглядывали только по праздникам. Поэтому приглашение на определенный день и время всех удивило и заинтересовало. В зале стоял гул, и было очень шумно. Когда Соня и Матвей поднялись на небольшую трибуну. Матвей всех поприветствовал и попросил внимания. Люди притихли.

— Дорогие друзья, братья и сестры, — громко произнес Матвей. — Спасибо, что вы откликнулись на мою просьбу и пришли на встречу. Сразу скажу, что она необычная. Мы не будем сегодня проводить молитвенный обряд, потому что у нас есть экстренное сообщение. Рядом со мной сейчас всеми нами уважаемая Соня, наш депутат. Я

хочу дать слово ей. Заранее прошу не шуметь и не перебивать. Просто послушайте внимательно то, что она вам сейчас скажет.

Тишина была полная. Соня взволнованно заговорила:

— Дорогие, близкие, родные и друзья! Я благодарна вам за то, что пришли. Сразу оговорюсь. Прежде, чем пригласить вас для серьезной беседы, мы с Матвеем обдумали много вариантов и, не колеблясь, решили, что самый лучший из них — вам все рассказать и совместно найти и принять правильное решение в сложившейся экстренной ситуации.

Вы все меня хорошо знаете, кто я и кем работаю. За это время мне пришлось немало повидать и через многое пройти. Я буду с вами честна и откровенна. То, с чем нам с Матвеем пришлось столкнуться за эти дни, выходит за все рамки разумного и человеческого. Буквально неделю назад бандиты похитили и увезли в неизвестном направлении Рами, нашего бывшего соотечественника, а сейчас гражданина Америки.

По залу прошел гул возмущения, и слышались выкрики:

— Знаем! Хороший человек! Надо поймать и наказать бандитов! Куда смотрит власть?

Соня подняла руку, и все стихли.

— Мы с Матвеем пошли во все властные структуры. Они попросили заявление от его дяди Кириллы, чтобы начать поиски, но дядя Кирилл не рискнул дать такое заявление. И я скажу вам почему. Кстати, он здесь, с нами. Спасибо, что пришли, дорогой Кирилл!

Все повернулись в сторону Кириллы. Многие спрашивали, почему он не заявил. Соня снова прервала реплики и продолжила.

— Я скажу вам, почему он не заявил. Потому что эти бандиты поставили ультиматум, что если к концу этой недели они не получат выкуп, то ему принесут отрезанную голову Рами.

Все стали возмущаться, что, мол, это полный беспредел, и получается, что никто от этого не застрахован. Теперь каждого могут безнаказанно украсть и семью шантажировать, а власть бездействует.

— Вы все правы, это верх беспредела, — громко сказала Соня. — Но кто из нас может сейчас сказать Кириллу, что он должен делать?

Все снова затихли.

— Правильно, никто. И я в том числе. На кону стоит жизнь ни в чем не повинного человека. Скажу вам больше, я неофициально

начала искать похитителей, и они пришли ко мне сами. Сказать, что это нелюди, ничего не сказать. В живых они оставили меня только потому, чтобы через меня им передали деньги, но и это не все. Вчера вечером нас с Матвеем посетили непрошенные гости, так называемые ополченцы народного фронта, что-то типа революционного комитета, и поставили ультиматум: либо мы даем им бойцов почти из каждой семьи для войны в Абхазии, либо мы даем взамен деньги, якобы на оружие, медикаменты, еду и т.д. В противном случае они спустят на нас своих бойцов и проведут погромы, предварительно убив несколько семей.

Раздались крики негодования, все зашумели.

— Где власть?

— Мы беззащитны...

— Куда органы смотрят...

Соня снова подняла руку и попросила тишины.

— Я понимаю ваше возмущение и негодование и тысячекратно поддерживаю вас, но реальная ситуация такова. Сегодня идет война в соседних республиках, кругом полно мародеров, уголовники потеряли страх и в открытую грабят и убивают людей. Органы, которые должны защищать нас, сами, кто от страха, а кто и за деньги, их не трогают, а иногда чуть ли не сами идут с ними на дело. Я вхожа во все структуры власти и, беседуя со многими из них, сделала вывод, что многие деморализованы и неспособны что-то противопоставить всем этим бандам в силу того, что представители центральной власти ведут между собой свою войну. И пока они этим заняты, им не до нас. То есть, нам самим нужно защищать себя от тех, кто на нас нападает, и тех, кто нас должен защищать. Вот такая, в двух словах, вокруг нас сложилась нерадостная картина. Поэтому мы с Матвеем решили вам доложить об этом и вместе с вами выбрать решение и направление, как нам действовать и что предпринять.

И еще, я хочу открыто сказать, если кто-то скажет, что проходящее его не касается или кто-то захочет завтра же уехать из республики, то это его право. И никто не может никого за это осуждать. Я предлагаю принять только добровольное решение. Если вы решите, что я должна пойти к властям и официально заявить о случившемся, я пойду. Если решите, что надо собрать с каждого, кто сколько сможет дать, и сохранить возможность откупиться, я тоже соглашусь.

— А если мы дадим деньги, — выкрикнул кто-то из толпы, — и это бандитам понравится, то они постоянно будут воровать людей и напрягать!!

Матвей встал и произнес:

— Мы все в руках Бога. Сейчас мы знаем то, что свершилось, и решаем, как из этого выйти без больших потерь. А то, что может быть в будущем, тоже в руках Бога, и только прожив, мы можем это увидеть и понять. Поэтому давайте примем решение согласно тому, что мы имеем и знаем сейчас. Я и Соня собрали вас сегодня, чтобы именно вы решили, как нам поступить. Сумма, которую нам предложили заплатить, для одного человека непосильна, но для общины вполне приемлема. У нас есть два дня до истечения их ультиматума. Если вы возражаете против того, чтобы собрать деньги на выкуп, то Соня завтра же обратится в правоохранительные органы с просьбой о защите. Решайте, да поможет вам Бог.

Соня встала и сказала:

— Прошу всех, кто здесь в зале, проголосовать. Кто за то, чтобы им заплатить?

Все подняли руки, за исключением нескольких человек.

— Итак, решение принято, — сказала Соня.

— Сейчас мой помощник сядет за этот стол и будет записывать, кто сколько сможет дать. Прошу вас, дорогие земляки, завтра же принести обещанные деньги.

— Спасибо всем, что пришли, — сказала Соня.

— Пусть во всех наших домах будет мир и покой, я буду молиться за это, — сказал Матвей.

Люди подходили, называли посильные для них суммы и грустно прощались. Когда все разошлись, Матвей с Соней посмотрели лист и увидели, что люди принесут достаточно, чтобы отдать то, что потребовали боевики, и заплатить бандитам за Рами.

— Соня, а ведь люди правы, — сказал Матвей. — Действительно, если прогнаться сейчас, то потом будут постоянно доить. Боюсь, то, что сейчас происходит, сделает большой сдвиг в сторону исхода людей в поисках лучшей и безопасной жизни. Кто захочет жить рядом с действующим вулканом?

— Да, Матвей, это ужас и кошмар, и мы в нем по уши! Раньше я была непоколебима в том, что наше счастливое будущее здесь, и если

бы мне кто-то сказал тогда, что я буду думать о том, чтобы оставить дом, родные места, где родились и жили пять моих поколений, то я бы считала бы, что это бред сумасшедшего. Но сейчас я об этом думаю каждый день, думаю ради будущего моей семьи и моих детей. Я в большом тупике, Матвей. Что делать? И бросить все не могу, и оставаться нельзя. Но я не хочу сейчас себе и тебе забивать на эту тему голову. Главная наша задача сейчас освободить Рами и не допустить погромов.

— Да, Соня, ты права. Сегодня был очень тяжелый день. Иди, отдыхай. Утро вечера мудренее. Я еще останусь ненадолго, чтобы помолиться за всех нас!

Соня поехала домой...

ГЛАВА 32

Откровение. Загрузка

...Соня прервала рассказ и взглянула на часы.

— Как время летит. Уже двенадцать часов, да и вы, наверное, устали?

Мара и Рамиль очнулись, словно от гипноза. Мара сказал:

— Что ты, Соня, в общении с тобой время не имеет значения!

— Совершенно точно сказано! — подхватил Рамиль. — Соня, я всегда восхищался и продолжаю Вами восхищаться. Для меня Вы не только замечательная женщина, но и бесстрашный боец, который может дать фору многим мужчинам. Соня, боюсь, что я не смогу быть завтра здесь, но мне бы хотелось знать, чем это закончилось. Может быть, Вы задержитесь на минут десять и завершите рассказ?

— Таких случаев, к сожалению, много, и всех не перескажешь. Если говорить, в частности, об этой истории, то сегодня мы с Матвеем понимаем, что выбрали правильное решение. Люди собрали деньги, которых хватило заплатить и так называемому «революционному» комитету, и дать бандитам выкуп за Рами. Когда мы увидели Рами после освобождения, сердце разрывалось. Это было страшное зрелище. Он стал бледной тенью самого себя, перенес и физические увечья, и, наверное, самое тяжкое — моральное истощение. Мы постарались как можно скорее отправить его в Америку. А что касается ситуации в республике, она с каждым днем становится все хуже и хуже. Люди бросают дома, боясь их продавать, просто закрывают двери и уезжают кто куда. И, между нами говоря, мы с Матвеем уже подали документы на выезд из страны.

— Вы решили уехать? — удивился Мара.

— Да, Мара, это окончательное решение. И я расскажу почему. Когда все эти преступные группировки и незаконные комитеты бойцов поняли, что их боятся, им платят, они, почувствовав безнаказанность, станут, как вампиры, которые нуждаются в крови, высасывать всю

нашу кровь, пока не убьют нас. И выбора остается два: остаться и погибнуть или уехать и научиться жить по-новому. У меня, в частности, здесь есть имя, звание, почет, уважение, защита, как депутата, и несмотря на все это, я приняла решение уехать. Уверена, что будет элементарно глупо и больно, если какой-то бандит, изверг или просто ханыга завтра придет и ради наживы убьет моего мужа, меня изнасилует, а дочерей украдет, а я, зная и чувствуя это заранее, не избежала этого и поставила под угрозу самых дорогих для меня людей. К сожалению, на сегодня мы имеем много печальных примеров среди наших родных и друзей, в частности, смерти семьи твоего брата, Рамиль. При всем том, что брат твой стоял намного крепче каждого из нас и верил в то, в чем я сегодня окончательно разочаровалась. Надеюсь, что и своим отъездом, и отъездом Матвея, мы дадим людям толчок для принятия правильного решения, где жить, пока еще есть такая возможность. Такая вот реальность нашего сегодняшнего бытия.

Рамиль, я тоже, действительно, тебя рада была видеть в здравии, слава Богу. Конечно, Мара, я также рада и встрече с тобой. Просто Рамиль наш гость и, так как он завтра уезжает, хочу пожелать ему и его семье здоровья, счастья и процветания.

— Спасибо, Соня. И я, в свою очередь, также хочу вам всем пожелать, чтобы никогда двери вашего дома не коснулась рука врага и, самое главное, пусть сбудется то, что вы сами себе желаете!

— Аминь, — сказал громко Матвей. — Да хранит вас Бог. Спасибо, Рамиль, что приехал и рассказал нам о том, что у вас происходит, а сейчас давайте отпустим Соню домой. Мара, ты довезешь Соню?

— Да, конечно, — сказал Мара.

Они встали все. Соня и Мара попрощались с Рамилем и Матвеем. По дороге Мара задал вопрос Соне:

— Соня, мы давно знаем друг друга. Ты, действительно, смелая, волевая, решительная женщина. Скажем так, как говорят среди спортсменов, ты серьезный боец, и эти два дня наших бесед заставили меня многое обдумать. Я примерно догадывался о цели наших встреч, но их логичного завершения не случилось. Что-то пошло не так?

— Мара, я также уважаю тебя, твою семью, и хоть мы редко общаемся, я заочно в курсе, как люди тебя уважают и к тебе относятся. Но прежде, чем ответить на твой, кстати, правильно заданный вопрос,

скажи мне, что ты имел в виду, и если это будет в правильном направлении, то я честно тебе расскажу, что изменилось.

— Хорошо, Соня. Когда меня позвал Матвей на встречу, я просто думал, что есть какие-то замыслы или проект, который нужно осуществить или физически, или финансово. То есть, как бы, я зарабатываю неплохо, имею хорошие связи в республике, в спортивном мире и могу найти язык общения с криминальной средой, потому что многие спортсмены сейчас там крутятся. Ну и мои друзья всегда рядом, которые могут за себя постоять. Но когда я увидел Рамиля и послушал его истории, а также то, что ты рассказала, мне стало понятно, что тема совсем другая. Короче говоря, я подумал, что ты хотела предложить нам совместно с Рамилем создать какую-то группу, которая могла бы защитить общину от всего этого хаоса?! Я прав?

— Да, ты прав!

— И что случилось, что пошло не так? Почему ты передумала?

— Тут очень много, и все гораздо сложнее, но в двух словах я объясню, почему. Понимаешь, Мара, за многие годы, которые мне приходилось находиться возле элиты и властных структур, как общественному деятелю, и как депутату, у меня было множество встреч и бесед с видными деятелями и внутри нашей республики и за ее пределами. Я посещала многие семинары и конференции, собирала и анализировала информацию. Мне казалось, что нужно переждать это смутное время и постараться защитить наших людей от произвола и бандитизма, организовав свою настоящую боевую дружину. Я думала, что можно будет содержать такую дружину на пожертвования наших деловых людей, которые уже хорошо стоят, и на помощь от простых семей, которые будут вносить посильную мзду за сохранность и защиту.

Теперь я понимаю, что так можно было бы защититься от простых воров и рецидивистов. Но, в свете последних происшествий, некоторые из которых я рассказала вам, картина образовалась совсем другая. Теперь нужно спасаться не только от криминала. В бой за чужими деньгами и жизнями идут хорошо обученные боевики, прошедшие закалку в горячих точках. А за ними стоят высокие властные структуры, которые пользуются этими с позволения сказать «людьми» для достижения своих определенных влиятельных целей.

Я плохо знаю воровские структуры, но что касается властных, в свете того, что происходит сегодня, попробую объяснить. Как ты

знаешь, СССР просуществовал семьдесят с лишним лет под властью коммунистов, начиная с дедушки Ленина, потом Сталина, Хрущева, Брежнева и т.д., пока не пришел к власти Горбачев и, с помощью западных партнеров, уничтожил весь этот строй, хороший или плохой, историки будут разбираться.

Но мы помним, что в это время был порядок, бесплатное образование, медицина, братство народов, люди работали и почти все жили одинаково. Да, были преступники, воры, но все это держалось под контролем власти, и если где-то были перегибы, то любой из нас мог пожаловаться, и виновных находили и наказывали. Люди чувствовали, что, по большому счету, партия их защищала. Ведь она была одна, и конкурентов не было. Во всяком случае, если что-то где-то происходило из ряда вон выходящее, то это все исправлялось. Мы даже и в мыслях не позволяли себе думать о том, что нас не защитят и, что еще невероятнее, нам нужно будет бросить дом и куда-то бежать. А теперь давай посмотрим, что происходит после развала Советского Союза и прихода к власти, так называемых, демократов из шкуры коммунистов. Это полный дележ и откровенный грабеж бывшего народного достояния. Отделенную Россию, которой стал руководить бывший номенклатурный сброд во главе с президентом прозападного толка, стали делить и рвать на части.

В каждой республике появлялся свой президент и старался подмять под себя все, приватизируя все, что имело ценность, отстегивая долю в центр, чтобы там закрыли глаза на его деяния. Он окружал свое благополучие, как официальными структурами, то есть, милицией, армейские подразделениями, личной охраной из бойцов спецподразделений. Но, будучи сам уже по сути криминальным авторитетом, прикрывал и незаконно созданные боевые формирования, состоящие якобы из добровольцев, защищающих дружественные республики, и будто бы никем не контролируемые. Хотя только умалишенный может поверить, что такое возможно без поддержки и одобрения власти.

Но для того, чтобы держать простой люд в страхе и повиновении, все средства хороши. Вплоть до того, что все эти воровские, криминальные группировки, по большому счету, теперь подконтрольны и отчитываются непосредственно высшему начальству. Если еще до недавнего времени я думала, что в это смутное время нам будет достаточно создать свой отряд самообороны и защититься от налетов,

дождавшись хороших перемен, то сейчас я ясно осознала, что это утопия и заблуждение.

Мы бессильны против них. Идет период большой мясорубки, в которой нас всех перемолотят, как исходный материал. Мы не защитимся. Зная себя, я не смогу пресмыкаться и молчать. Значит, в этом случае им придется меня физически устранить. А поднять восстание и потянуть за собой людей, значит и себя, и их обречь на верную смерть. Поэтому я твердо решила уехать и тем самым показать людям на своем примере, что если я, имея какое-то влияние и хоть слабую, но защиту, все равно уезжаю, то они вообще в критическом положении. Надеюсь, что они тоже примут правильное решение. Вот такое вот откровение, Мара.

— Мягко говоря, будущего ты здесь не видишь?

— Мара, если ты помнишь из истории, то когда началась революция, и к власти пришли большевики, то их лозунгами были: отобрать все у богатых, расстрелять интеллигенцию, убить царя, уничтожить священнослужителей. И если проводить параллели, то сейчас происходит повторение истории. Многие из тех, кто поверил новой власти, жестоко за это поплатились. Я не хочу повторять их ошибки, и чтобы из-за меня моя семья попала в их жернова. И мой тебе совет, Мара, зная тебя и твой характер, побереги себя и свою семью, постарайся не лезть на рожон, если решишь жить здесь дальше!

Они подъехали к дому Сони.

— Ну, вот я и дома. Спасибо, Мара, что подвез и выслушал меня!

— И тебе спасибо, Соня, за откровение! Если до твоего отъезда мы не увидимся, хочу пожелать тебе хорошей дороги и всего самого лучшего на новом месте. Очень многим в общине будет тебя не хватать, но ты имеешь полное право пожить для себя и для своей семьи.

— Пожить для себя у меня вряд ли получится. Уверена, что и на новом месте я не буду сидеть, сложа руки. Я буду обо всем, что видела и чувствовала в нашей республике, писать и трубить во все трубы на весь мир. Хочу, чтобы люди знали, что с нами произошло, и почему мы были вынуждены покинуть свою родину. Еще раз спасибо, Мара, и спокойной ночи. До свидания.

Соня вышла из машины и пошла домой. Мара еще две-три минуты просидел в задумчивости после ее ухода.

Попав домой далеко за полночь, Мара, лежа в постели, еще долго не мог заснуть, переваривая всю информацию, свалившуюся на него за эти дни.

ЗАГРУЗКА.

Утром, приняв душ и позавтракав, Мара уже выходил из калитки, когда к дому подъехал Ян. Вид у него был очень встревоженный.

— Ты где был вчера, я не мог тебя найти? — взволновано спросил он.

— Я у Матвея был, к нему приезжали гости и засиделись допоздна! — сказал Мара. — Что ты такой издерганный? Что-то случилось?!

— Давай, сядем в машину, я тебе расскажу.

Они сели в машину.

Я, кстати, хотел к тебе ехать, — сказал Мара. — Так что случилось? Говори!

— Вчера под вечер я на работе полностью закончил бухотчеты и передал Рафику. Приехал Муслим с деньгами, и они отдали оставшуюся сумму долга. Рафик вытащил коньяк, и мы выпили, обмыв это. Вдруг в цех вошли человек пять с уголовными рожами. Трое высоких бугаев и двое низеньких, уже зрелого возраста, похожие на их главарей. Один из низеньких спросил:

— Кто начальник в этом хлеву?

Муслим встал и сказал:

— Во-первых, не в хлеву, а в цеху, а, во вторых, кто вы и что вам нужно?

— Я вижу, что ты тут за главшпана?! — спросил коротышка.

— Не имеет значения, я один из них, что вам нужно? — сказал Муслим.

Рафик начал нервничать, но Муслим сделал ему знак, чтобы тот ничего не предпринимал. Двое уселись за стол, будто они здесь хозяева, и уже в полуприказном тоне продолжили.

— Короче, шнырь, к тебе серьезные люди зашли. Вас кто-нибудь крышевал до нас?

— Ну, во первых, не мешало бы представиться. Меня, например, Муслим зовут, а это мой помощник Рафик.

— Я вор в законе Гурий, а он Муфа, положенец здесь. Этого достаточно?

— Ну, для начала, скажем так, в этом цеху мы только начинаем работать и только его приняли. Как я понимаю, вы хотите предложить свои услуги в сфере чего?

— В сфере вашего выживания и существования твоей харчевни. За нашу крышу будете отстегивать вобщак двадцать процентов.

— Мы никому отстегивать не будем! — крикнул на них Рафик, вставая.

Но к нему сразу подскочили два верзилы и, вытащив пистолеты, один схватил его за волосы, а другой вставил дуло ему в рот. Один из них спросил:

— Кончать его?

Этот Гурий улыбнулся и, повернувшись к Муслиму, сказал:

— Теперь не двадцать, а тридцать процентов, и наш человек будет здесь и за всем присматривать. Понятно?

— Отпустите его, — сказал им Муслим.

— Я не услышал согласия или тебе похрену его жизнь?

— Вы пришли нас убить или сделку заключить?

— Сделка объявлена, не слышу согласия?

— Мы согласны, отпустите его. Он ведет все производство, и теперь, если вы хотите иметь свою долю, с его головы и волос не должен упасть.

Тогда Гурий дал команду, и они отпустили Рафика. У меня, честно говоря, все оборвалось внутри. Я думал, что они его застрелят, а потом и нас всех.

— И что было потом? — спросил Мара.

Потом этот Гурий сказал:

— Правильное решение сделал. И, на всякий случай, еще раз говорю, к вам не ханыги зашли, а авторитетные воры. И если ломанешься на нас управу искать, и вас самих, и ваши семьи, и этот цех сожжем нахрен.

Доилочки не будет, если я сказал свое слово, то с нашей стороны его не только не нарушат, а наоборот, в любом районе, где будут товар спускать, со стороны братвы зеленая дорога будет. Если в будущем, какая сявка зайдет, мое имя говорите, будут борзеть, кидайте им маяк, мы разберемся. Вот этот бугай, — и он указал на одного из головорезов, — будет здесь каждый день на шухере стоять, и через него

можете нам малявы передавать. Ну, а теперь, деловые, мы должны дальше ехать.

И они встали и вышли.

— Ты представляешь, Мара, они сразу на тридцать процентов их раскрутили. Я думал, что они такие крутые. Говорил же Рафик, что никому платить не буду, а сейчас долю дали?!

— Ты же видел, сколько раз я им предлагал мешком картошки откупиться. Я думаю, Муслим хотел, но этот Рафик рогом уперся, и теперь они в полном пролете оказались. Им теперь не просто какую-то сумму платить, а долю отстегивать. Ты, Ян, понимаешь, с какого крючка нас Нота снял? Но что меня больше удивило, что сюда сам вор пришел. И не простой, а очень авторитетный. Мне про него Сава рассказывал, он с ним сидел. Интересно, Сава знает об этом?

— Знает, не знает, но мы приняли правильное решение, что продали цех. — пояснил Ян. — Это не люди, а звери.

— Очень жалко, что они не приняли мое предложение, но назад уже ничего не вернешь. Ты говоришь, что они рассчитались с нами?

— Да, деньги у меня в машине. Нужно будет поделить. Мара, я, наверное, через неделю отсюда уеду с семьей. Может, тебе тоже надо подумать об этом?

— Может и надо, Ян, но пока хочу все взвесить и обдумать, а если ты решил, то тогда езжай. Если что понадобится, то я помогу и провожу, конечно.

— Хорошо. А теперь давай зайдем к тебе домой, пересчитаем деньги и поделим.

Они зашли домой к Маре. Через час Ян уехал, а Мара поехал к Саве.

ГЛАВА 33

Виноделы-3. Финал без триумфа

Мара подъехал к дому Савы и, закрыв машину, зашел во двор. Его очень удивило, что Сава, Филипп и двое грузин сидели за столом и пили водку, хотя по времени они должны быть на работе. Он также заметил, что лица их были унылые, и на веселое застолье это было непохоже. Скорее пили будто за упокой.

— Что такое, по какому поводу пьянка? — спросил Мара, подойдя к ним.

— Раны заливаем! — с досадой ответил Филипп. Мара взглянул на Саву, он был заметно расстроен.

— Сава, что молчишь? — спросил его в упор Мара.

— Да этот мерин долбаный, — он запнулся. Мара по тону понял, что Сава больше оправдывается, чем жалуется, — Прикинь, на нас ментов привел!

Мара присел и спросил:

— Какой еще мерин?

— Ну, этот козел, Степаныч, нас ментам сдал! — будто с обидой произнес Сава, явно не говоря главного.

— А зачем Степанычу нас сдавать, если он человек Лазаря, — с непониманием спросил Мара и, повернувшись, посмотрел на Филиппа и грузин. Они молчали, опустив головы. — А ты что молчишь, Филипп?

— Понимаешь, Мара, — начал Филипп. — Мы, как всегда, приехали утром. Когда подъехали к воротам, они были открыты. Зашли в подсобку, а там Степаныч и какой-то ханыга спят. На столе наше вино, пол-ящика выпили. Пошли в цех, двери настежь открыты, несколько ящиков готового вина исчезли. Короче говоря, мы вернулись к сторожу, облили его водой, чтобы проснулся, а он бухой в доску. Впрочем, Сава его отоварил...

— Как отоварил, убил что ли? — с испугом спросил Мара у Савы.

— Да лучше грохнул бы, — с сожалением сказал Сава. — Живой паскуда. Он после этого к ментам ломанулся и их в цех притащил! Мы еле ноги успели сделать. Их Филипп на входе притормозил, а я с Тамазом и Тиграном через забор ломанулись. Если бы их повязали, еще хуже было бы.

— Да, — присвистнул Мара. — Дела просто шикарные. Ты какого хрена, Сава, этого бедолагу Степаныча молотил, ему же почти семьдесят? Ты вообще о чем думал, Сава?

— Сам жалею сейчас. — виновато сказал Сава. — Нервы не выдержали, попался под горячую руку!

— Э, Мары. Это вор сторож! — вступился Тигран, оправдывая Саву. — Кирахобор!

— И что с ментами получилось, Филипп?

— Их трое приехало, — сказал Филипп. — Главный их Джаник, так его зовут, сказал, что следователь уголовного розыска. Короче, они зашли и все увидели. У них глаза на лоб полезли, увидев, что мы там гоним. Он спросил, кто главный, а я сказал, что я работник Лазаря, и что ничего об этом не знаю. Мол, приехал проверить, все ли в порядке и сказал им, чтобы с Лазарем связались! Они все опечатали, нас вывели за ворота, записали мои данные ипустили!

— Ни хрена себе денек начинается! — зло сказал Мара. — Ты хоть понимаешь, Сава, во что нам твои нервы теперь обойдутся? Даже не знаю, что Лазарю говорить. Он же вообще ни сном, не духом не знает, что мы уже вино гоним. Я ему сказал, что подготавливаем производство и ждем от него ксивы на разрешение. Это же какая подстава!

— Да не нервничай ты так, Мара, — примирительно сказал Сава. — Ты же сам говорил, что у него все схвачено. Думаю, он с ними перетрет, и все на мази будет! Этот мент же Филиппа отпустил!

— Действительно, Сава, что нервничать, когда порядочного человека, который все дал и мне поверил, я, как лоха, развел. Дал ему свое слово и кинул его. Что же тут нервничать, тут, я думаю, вешаться надо от позора.

— А, может, мент еще не связался с Лазарем? — вкрадчиво спросил Сава. — А ты бы, Мара, по своим ментам на этого Джаника вышел. Зарядим бабки, дело закроем и, если что, на ставку его посадим, чтоб прикрывал нас от ментов в этом районе, а?

— А если он уже связался с Лазарем, и Лазарь ищет меня для объяснений. Как мне ему в лицо смотреть? Он вообще редко с кем работает. И со мной он пошел, потому что уважает меня, думал, что я порядочный, а теперь такая подстава.

— Ну, объяснишь ему, что ты не виноват, вали все на меня! — бросил Сава.

— Это уже для него не будет иметь значения, потому что вы — мои люди. Я вас привел, и за вас мазу держу я. Все гарантии шли от меня. Тем более, что этот сторож его человек, и он ему расскажет, как его, старика, за бутылку вина изуродовали, и ему пришлось ментами защищаться. Короче говоря, картина Репина «Приплыли», и теперь надо как-то из этого вылезать. Я сейчас поеду к моему менту и буду через него на этого Джаника выходить, а там видно будет, как карта ляжет!

— Извини, Мара, ты на меня зла не держи. Я тебе матерью клянусь, сам себя хаваю, но ничего не изменить. Мне поехать с тобой?

— Нет, не надо. Я, наверное, сначала поеду к Лазарю, узнаю, что он знает, а дальше видно будет. Давайте, я поехал.

Мара вышел, сел в машину и рванул с места так, что от колес дым пошел. Он срывал свою злость на машине. Через двадцать минут, уже подъезжая к офису Лазаря, он немного успокоился.

Лазарь принял его натянуто приветливо, хотя сразу почувствовалась некая холодность в отношении. Они присели.

— Меня тогда не было там, но что случилось, уже не изменить. Мое упущение. Насколько все серьезно? — спросил Мара.

— Звонил министр, требует объяснений, и я пока не знаю, что говорить. Может, расскажешь, как это могло случиться? — спокойно спросил Лазарь.

Мара все рассказал. Внимательно выслушав и ни разу не перебив его, Лазарь сказал:

— Конечно, сторож сильно виноват, человек в возрасте, испугался, но этот Сава мог не бить его, просто поругать. И скажу тебе честно, Мара, я так про себя подумал, что может случившееся и к лучшему, потому что по поступкам человека можно узнать его сущность. С этим человеком я-то точно работать не буду, но и тебе, Мара, не советую. С ним не сколько заработаешь, сколько проблем не оберешься.

Мара понял, что бизнес с Лазарем завершился.

— А что касается всей этой ситуации, то со следователем уже поговорили, и он ход этому делу не даст. Ему нужно будет кое-какую сумму дать, и после этого вывезти все с территории фабрики. Ты же понимаешь. Мара, что в этом моей вины нет?

— Да, да, Лазарь, я все понимаю. Я сам заеду к этому менту, дам, что надо и заберу бумаги, а потом скажу ребятам, чтобы вывезли все. Ты, Лазарь, извини, что так получилось. По большому счету, это моя вина, и, может быть, действительно, нет худа без добра. И это как раз тот случай, когда плохое защищает от еще худшего.

— Мара, поверь, я тебя уважаю и хотел всегда с тобой что-то замутить, но только не с этими людьми. Может, у меня появится какой-нибудь хороший проект, и я тебя к себе позову.

— Мне тоже жаль, Лазарь, что не сложилось. Может, в будущем что-то и получится. Ну, тогда я поеду и найду этого следователя. Я тебе потом позвоню и скажу, что и как!

— Хорошо, Мара, давай, пока. Будем на связи.

Они приобнялись, и Мара вышел. Настроение было скверное. Хотелось выпить и забыться, но времени на это не было.

Через час Мара уже стучался в дверь кабинета Джаника.

— Войдите, — услышался его голос.

Мара вошел и поздоровался:

— Здравствуйте. Меня зовут Мара. Я к вам по поводу недавнего инцидента, произошедшего на кожевенной фабрике.

Джаник выглядел ровесником Мары. Внимательно, как бы оценивающим взглядом, он осмотрел Мару и предложил сесть:

— Присаживайтесь. Я следователь Джаник. Слушаю Вас.

По тону его голоса Мара понял, что все вопросы уже решены и закрыты, и ему только нужно было выполнить благодарственную миссию.

— Может быть, мой визит уже не обязателен, но я пришел к вам лично, по своей инициативе. Никто меня не уполномочивал, я сам решил, что так будет правильно, — сказал Мара и, вытащив конверт с деньгами, положил на стол.

— Что это? — настороженно спросил Джаник.

— Это благодарность от меня, персонально. Я хотел там открыть цех шампанских вин, и мы опробовали образцы, пока все документы готовились на подпись в министерстве. К сожалению, я не смог

предвидеть, что сторож войдет в цех и начнет с другом, так сказать, дегустировать наши образцы. Мне такое и в голову не приходило. А то, что я принес Вам, это мое личное спасибо за то, что не дали ход этому делу.

Несколько секунд Джаник был в замешательстве, не понимая, как ему реагировать на подобную откровенность. Видя это, Мара продолжил:

— Джаник, это не подстава. Я знаю, что все уже решено, и мне нет никакого смысла тебя якобы на взятке ловить. Еще раз говорю, это жест благодарности, и мне нужна будет твоя поддержка, чтобы спокойно и без приключений вывезти с территории завода оборудование.

Джаник, немного подумав, ответил:

— Это лишнее, и дело, действительно, закрыто. Но раз ты пришел, мне бы очень интересно было узнать, как, не имея практически никаких документов, вы гнали эту сивуху. Там же были десятки ящиков уже готовой с этикетками продукции. И заполнены они были не шампанским, а фактически контрабандно подделанным вином знаменитой марки Ахашени. Это же какой наглостью и смелостью нужно обладать, чтобы это гнать? Вы вообще о последствиях думали?

— Ты прав, риск большой. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского!

— Этот риск на краю пропасти, и я бы тебе не советовал это продолжать. А что касается вывоза оборудования, то помех не будет. И если сможешь, то вывози его побыстрее. Мало ли как может просочиться информация, а это ни тебе, ни мне не нужно.

— Я все понял, и еще раз спасибо. Я постараюсь завтра все вывезти.

— Хорошо, вот мой телефон. Если что, звони. А это ты зря, забери, — сказал он, показывая на конверт.

— Говорят, не дорог подарок, дорого внимание, — сказал Мара и, встав, пожал Джанику руку, развернулся и вышел из кабинета.

Оттуда Мара сразу поехал к Саве. Когда он зашел во двор, услышал, как Сава, играя в нарды, ругается с Филиппом из-за неправильного хода. Грузины сидели рядом и играли в карты.

Мара громко сказал:

— Молодцы! От отдыха не устали?

— О, Мара, ты уже вернулся? — приветливо сказал Сава. — Этот мерин хочет меня фраернуть, якобы у него было две пятерки.

— Его фраернешь, — обиженно ответил Филипп. — Не может честно играть!

— Да, проблемы у вас конечно тяжелые, но у меня есть полегче. Нужно за завтрашний день полностью вывезти все оборудование.

Все с удивлением посмотрели на Мару.

— Я что-то не догнал, Мара. Как вывезти?! — спросил Сава.

— Как вывозят? Подгоняют машины, грузят и вывозят! Конечно, это немного трудней, чем бухать и в нарды играть, но других вариантов нет. На все про все один день, иначе все опечатают и крышка!

Грузины сразу испугались и схватились за головы.

— Вах, вах, какой крышка. Там наш материал, большой денег стоят!

— Тихо, — рявкнул на них Сава. — Ты, Мара, попонятней объясни. Мы что, прекращаем работать за какого-то ментовского мерина? Это что ж за Лазарь такой дешевый, что прикрыть не может? — уже возмущенно продолжил Сава. — Мы же туда бабло вложили!

— И я еще сейчас три штуки баксов менту дал! — невозмутимо, нарочительно спокойно сказал Мара.

— Так это же беспредел, Мара, это ж какое попадалово он нам пихает!

— Так, — уже нервничая, сказал Мара и присел на стул. — Значит, объясняю для особо одаренных. Вместо того, чтобы оставить нас всех сидеть сейчас на нарах, нас Лазарь за уши из дерьма вытащил.

— Поясни, — попросил Сава.

— Все, что связано с хавушкой и питьем относится к пищевой и винно-водочной продукции, и чтобы получить разрешение на выпуск этих товаров, нужно множество разрешений и сертификатов, не говоря уже о санэпидемстанции, разрешении от пожарников, электриков и, до хрена, разных ревизионных комиссий.

— А зачем так много? — спросил Филипп.

— Зачем? А ты сам не догоняешь? Это не цех по выпуску спортивных костюмов. Если ты неправильно его пошил, то покупатель может вернуть и взять другой размер, а если ты выпил и отравился, то ты уже сдох. Так понятнее?

— Ты же сам его пил, и ничего, живые, — растроенно резюмировал Сава.

— Я никто, и имя мое никак. Это мое личное дело, но когда ты ставишь цех разлива без всяких документов и начинаешь подпольно штамповать подделку, которой могут травануться люди, то это уже прямая дорога на нары, а если со смертельным исходом, то и вышка.

Мы не имели ничего, и я обещал Лазарю, что пока не получим разрешение, вино гнать не будем. И вместо того, чтобы сидеть тише воды, ниже травы, ты, Сава, отовариваешь старика. Тот ломится к ментам, и они накрывают нелегальный цех. Если бы Лазарь не остановил ментов через свои высокие связи, то нам всем бы была крышка. До вас хоть дошло, что я вам объяснил?

Сава и Филипп замялись и, опустив головы, закурили. Грузины были в панике, и оттого, что могут потерять сырье, и, что еще хуже, от страха, что их могут посадить. Они сидели, молча, и ныли.

— Спасибо скажите, — продолжил Мара, что это все закрыто за маленькие бабки. То, что я отстегнул этому Джанику, чисто символическая сумма, и то я ее больше отдал за то, чтобы беспрепятственно вывезти оборудование и сырье. В основном, дело закрыл Лазарь, и он больше с нами дело иметь не хочет, и по мне, правильно делает.

— А куда мы это все потащим? — спросил с досадой Сава.

— Если завтра не вывезем, то хана! Вези сюда, во дворе положим и накроем брезентом, других вариантов нет.

— Надо обмозговать! — сказал Сава.

— Тут нечего мозговать, — отрезал Мара. — Завтра я возьму большой грузовик и с утра поедем забирать.

Все согласились. Мара подошел к Саве и сказал:

— Надо поговорить, давай отойдем.

ГЛАВА 34

Гурий

— Я тебя слушаю, Мара, — сказал Сава, когда они вышли на улицу.

— Помнишь, ты говорил, что на зоне сидел с вором Гурием?

— Да, а что? — с тревогой спросил Сава.

— Он здесь, в городе!

— Что?! — удивился Сава.

— Я ушел из цеха с Яном, а новые не хотели никому платить. И я об этом сделал объяву через Ноту, а сегодня узнал, что в цех нагрязнули несколько человек, один из них назвался Гурием.

— Ни хрена себе объява! Неужели откинулся? А ошибки быть не может?

— Нет, это точно!

— Так это же что получается, здесь теперь Гурий будет мазы качать? Офигеть!

— Ты же его хорошо знаешь?

— Да, я под ним в пацанах ходил! Это академик еще тот, мало никому не покажется. Ну и новость, Мара, нам нужно срочно с ним увидеться!

— Зачем?

— Как зачем? Он теперь здесь рулить будет, и если он узнает, что я здесь живу и не свиделся с ним, то это не по понятиям!

— И как ты себе это представляешь? Ты же в цеху теперь пашешь, то есть был пацаном, а теперь фраер, шмотками торгуешь?

— А кто знает, что я в цеху? Только свои и Нота. Но мы можем к нему заехать и с ним поговорить, а по дороге скажем>Note, чтобы об этом не балякал, а дальше так, как масть ляжет. Может, в дамки выйдем!

— Ты че, Сава, крыша поехала? Какие дамки? Куда ты хочешь выйти?

Маре не понравился появившийся блеск в глазах Сава.

— Это я так, к слову, — как бы оправдываясь, произнес Сава. — Ты же понимаешь, Мара, если другим, чтобы найти подход к вору, надо из кожи лезть, то нам это будет задаром. Ведь по факту у нас, кроме Ноты и Муфы, больше ни с кем нет подвязок, а тут сам вор у тебя в кентах. Давай, завтра все вывезем и после обеда с Нотой поедем?

Мара задумался с несколько секунд. Он понимал, что прямые связи лучше посредственных, но и заходить далеко ему тоже не хотелось, а отпускать Саву одного с Нотой ему тоже не с руки.

— Хорошо, поедем, Сава! Только для знакомства.

— Ну все, заматано, — сказал Сава.

— Завтра в восемь утра я уже с машиной подъеду за вами, не проспите.

— Давай, Мара, до завтра.

Мара уехал домой. Из дому он позвонил Лазарю, объяснил, что и как он уладил с Джаником, и сообщил, что утром будет вывозить оборудование. Лазарь снова выразил надежду на возможное в будущем продолжение совместных планов, только теперь уже в сфере его бизнеса. Мара пообещал, что будет держать его в курсе завтрашнего дня, и они попрощались. Почти весь следующий день ушел на вывоз оборудования, которое они привезли и разгрузили у Сава во дворе. После чего Сава и Мара поехали к Ноте. Он был дома и, узнав о цели их визита, был удивлен.

— Так ты, Сава, сидел с Гурием? — спросил Нота.

— Да, в Соликамске. Я под ним в пацанах ходил.

— Да... дела, — протянул Нота. — А ты знаешь, Мара, что Гурий сам пошел в твой бывший цех и загрузил этих хлопцев на тридцать процентов? Ты же им предлагал за корку хлеба откупиться, а эти лохи загрузились по самые уши. Жадность фраера губит!

— Ты че, Мара, из цеха ушел? — удивленно спросил Сава. — Когда?

— После нашего с тобой разговора о Лазаре я ушел. Я тебе говорил, а ты прослушал, но давай об этом потом. Итак, что мы делаем? Идем?

— Как хотите, — сказал Нота.

— Конечно, идем, — решительно произнес Сава.

— Ну, хорошо, тогда поехали! — сказал Нота.

Они вышли и сели в машину Мары. По дороге Сава спросил Ноту:

— Нота, я че-то не догоняю, почему Гурий сам в цеха ходит?

— Он же, ты знаешь, вор авторитетный, и по большим цехам сам идет, чтобы жути больше навести.

— А давно он здесь?

— Он же на похороны Али приезжал и остался. Не знаю, на время или как, посмотрим.

— А что Омар? — спросил Мара.

— Я так секу, что Омар на место Али метил. — пояснил Нота, — И поэтому такой вор, как Гурий, будет этот рамс разводить, чтобы никакого кипеша не было. Посмотрим.

— Я слышал, что этот Омар — жесткий тип, — произнес Сава. — И связи у его нехилые.

— Ты прав, он не подарок. Поживем — увидим, — сказал Нота.

Они подъехали к дому Али и, оставив машину на улице, зашли во двор. Охранники поприветствовали их.

— Гурий здесь? — спросил у одного из них Нота.

— Да, он с Муфой на веранде в нарды шпилит! — ответил он.

— Понятно! — сказал Нота, и они прошли через дом на веранду. Гурий и Муфа играли, еще несколько человек, видимо, приехавшие с Гурием, сидели рядом.

— Здорово, Гурий, — поприветствовал Нота.

— Здравей видали, — ответил Гурий и внимательно посмотрел на Мару, а потом на Саву, и уже с улыбкой сказал?

— Савуха, ты что ли?

— Да, Гурий, я! — воскликнул Сава.

Живой, мурзилка? Как здесь оказался?

— Дружбан к себе позвал, вот и приехал!

— Этот что ли? — спросил Гурий, посмотрев на Мару.

— Нет, это Мара, мой кент. Они с Нотой боролись!

— Ну, здорово, Мара, — сказал Гурий и протянул руку Маре. После Гурия все также пожали им руки.

— Важа, завари нам чайку, — обратился Гурий к одному из них. — Ну, что, присаживайтесь, побалаекаем.

— Ты давно вышел, Гурий? — спросил Сава.

— Месяцев шесть! Ну, чем ты тут промышляешь?

— Да, ничем. Друзья помогают перекантоваться. Хату сняли, баблом подгревают. Присматриваюсь.

— А может, ко мне пристегнешься? Поляна большая, барыг много, будешь, как Нота, мзду собирать, а, Сава?

— Спасибо, Гурий, дай обмозговать денек, с паханом перетру!

— У тебя пахан авторитетный, знаю, от меня ему цинкани почтение. Ну, а чем кент занимается?

— В цеху работал, — сказал Сава.

— Барыга? — спросил Гурия.

— Бывший, мы с ним хотели одну тему замутить. Я на виноделов вышел, они один к одному Ахашени гонят!

— Ну и что?

— Ищем место!

— Интересная тема, если хочешь, дам команду на одной из наших хат запустят? Прикрытие дам, половину раздербаем, половину в общак пустим!

— Мне лучше и не надо. Виноделы у меня на хате, и оборудование уже подтянули, они хоть завтра пойло гнать будут!

— Тогда заметано. — сказал Гурий. — А по поводу моего предложения подумай, Сава. Я здесь скоро порядок наведу, дельцы страх потеряли. В зону мизер отстегивают, хоромы отстроили, икру ложками хавают. Больше никаких ставок, все будут долюшку давать. Две-три образцовые казни проведем, чтобы жизнь медом не казалась. Нота завтра принеси списки барыг!

— Хорошо, — сказал Нота.

Маре очень не понравились его высказывания, и это не ускользнуло от внимания Гурия.

— Вижу, Мара, тебе не особо в масть мои методы? — спросил хитро Гурий, внимательно глядя в глаза Мары. Так, как будто хотел просверлить его. — Вижу в тебе дерзость, юношеский запал героизма, такой рубаха-парень, борец за справедливость, молодой, зеленый, жизнь еще не обтесала!

— Да и особо пока не баловала! — смело ответил Мара. — Героизма нет, хотя не трус, и смерти не боюсь. Мой друг сказал: один раз прогнешься — всю жизнь харить будут!

— Умный друг. С такими понятиями трудно в живых остаться. А, Мара?

Сава, видя, что Мара забывается, с кем говорит, осторожно вмешался.

— Это ему Лавр сказал, Гурий, он же здесь перекантовывался.

— Лавр? — удивился Гурий. — Это уважаемый и авторитетный вор! Быть в друзьях не только Лавра, но и других воров — это уже ксива на уважение. Ну, что ж, тогда и я тебе совет дам: от смерти никому не уйти, но до нее дожить надо, а чтобы дожить, надо с головой дружить. В этом мире, пацаны, за место под солнцем бороться надо, и если кишка тонка, сваливай с взлетной полосы. На нашем шарике, как в лесу, среди хищных зверей слабину дал, и ты уже корм. Царь зверей потому и царь, что шакалам пасть рвет и ни одной твари спуска не дает. Простой люд не зря говорил: «боже царя храни», потому что знал, что порядок будет по понятиям. А героизм хорош только в масть и по теме, а прогнуться и львица может, но только подо львом. Если это усвоите, то и по жизни косяков мало будет. Вот такая, братва, азбука, а теперь можно и шашлычком побаловаться. Будете?

— Спасибо, Гурий, с удовольствием, коли к столу позовешь! — мягко сказал Сава.

— Пойдемте к столу, хавушку уже накрыли! — сказал Гурий и все пошли за ним.

Особых разговоров за столом не было. Гурий и Сава вспоминали прошлое. Через час они уже ехали обратно домой. Нота сел за руль, он особо не пил, а Сава и Мара немного захмелели. Они поехали к гостинице в центре города, стоявшей на большой площади возле театра рядом с памятником Марии, установленным в честь воссоединения республики с Россией. Нота притормозил и попросил ребят подождать его в машине, так как ему нужно было кое с кем встретиться. Он вышел и направился к гостинице.

ГЛАВА 35

Налет

Сава и Мара приоткрыли окна в машине и закурили.

— Слушай, а что это за телка Мария, если в ее честь памятник поставили? — спросил Сава.

— Она княжна была. Ее за царя Ивана Грозного выдали. А памятник воздвигли как символ объединения с Россией.

— Да ну! Эта краля женой царя была? — удивился Сава. — Это когда было?

— В пятнадцатом веке. Она недолго с ним жила, говорят, его же бояре ее траванули!

— А это что за хата крутая напротив?

— Это гебешников резиденции!

— Красиво живут паскуды, — смачно выразился Сава.

— Сава, ты объясни мне, что это ты с Гурием мутить собрался? — серьезно спросил Мара.

— Не понял? — встревожено переспросил Сава. — Ты это о чем, Мара?

— Ты прекрасно понял мой вопрос, Сава. Я же видел, как ты среагировал на предложение Гурия, будто пятак на солнце засиял. И что можно с Гурием мутить, я тоже прекрасно понимаю, вот поэтому и спрашиваю?

— Мара, это вор, — ответил Сава, переходя, как и Мара, на серьезный тон. — Он спросил, я ответил. С ним шаг влево, шаг вправо — расстрел, и любую лажу он сразу выкупает. Что ты хотел, чтобы я ему сказал. Иди, гуляй, Вася? Или лапшу вешал?

— Я сейчас тебя не об этом спросил, а о твоём внутреннем содержании. Ты среагировал так, будто этого ждал, и тебе это понравилось!

— Мара, перестань пургу гнать!

— Это не пурга, Сава, это совсем разные вещи. Что может предложить вор в законе: напрягать, бомбить дельцов, воровать и, если надо, убивать! Или я не прав?

— Прав, прав, но причем здесь я?

— А зачем тогда ты к нему ехал, о погоде поговорить? Нет, Сава, либо мы, либо он, третьего нет! — категорично сказал Мара.

— Ну, ты, Мара, загнул. Перепил что ли?

— Мне бы не хотелось, Сава, чтобы между нами черная кошка пробежала!

— Какая черная кошка? Что с тобой?

ГЛАВА 36

Бойня

В этот момент из гостиницы вышел Нота и пошел в сторону машины. Неожиданно раздался оглушительный хлопок, и над их машиной в сторону здания КГБ со свистом пролетел снаряд, выпущенный из фугаса, и разорвался у входа. В разные стороны полетели камни от здания, осколки оконных стекол обрушились прямо на людей, мирно гуляющих по площади. Мара и Сава прилегли на заднем сидении и почувствовали, как машину подбросило, и летящие осколки разбили в ней все окна. Нота тоже лег прямо на дорогу и прикрыл голову руками. С интервалом в несколько минут в сторону здания полетели еще несколько снарядов. Вслед за этим началась стрельба из автоматического оружия, и люди в камуфляжных формах оцепили площадь на подступах к зданию КГБ. Началась паника. Много людей оказалось в эпицентре огня. Кто-то был убит, кто-то ранен. Многие легли на землю и ползком тянулись, ища место укрытия. Из окон оцепленного здания открыли ответный огонь. Пули свистели вокруг. Мара и Сава лежали на полу машины.

— Это что за херня? — выкрикнул Сава. — Война началась?

Мара приподнялся, чтобы посмотреть, что происходит. Краем глаза он увидел, как боевики кидали гранаты в окна здания чекистов. От грохота взрывов заложило уши. Непрекращающаяся стрельба всех застала врасплох. Он увидел, как Нота вскочил и побежал в сторону машины, но в десяти метрах от нее он упал, скошенный выстрелами.

— Нота, Нота! — крикнул Мара, но он не шевелился. Мара открыл дверь и хотел выйти к нему, но Сава силой удержал его, прижав к себе.

— Ты что, с ума сошел? — крикнул Сава. — Ему не поможешь, и сам ляжешь. Надо как-то завести машину и свалить. По машине прошел шквал пуль. Снова послышались грохоты разорвавшихся гранат. Боевики атаковали, но гебисты яростно отстреливались. Послышался вой сирен милиции и пожарников, но по ним также был открыт огонь.

Шел настоящий бой, в центре которого они невольно оказались. Мара резким прыжком с заднего сидения перелетел за руль. Он завел машину и сразу подъехал к лежащему>Note. Приоткрыв дверь, Мара крикнул:

— Нота, прыгай в машину!

Но Нота лежал, не двигаясь.

— Он мертв, — крикнул Сава. — Надо уезжать, Мара. Жми на гашетку!

Мара подъехал к>Note так, чтобы можно было его втащить в машину.

— Сава, нужно затащить его!

— Ты сумасшедший, Мара. Ему не поможешь, он готовый. Нужно самим спастись!

— Я без него не уеду! — крикнул Мара и, перепрыгнув назад, открыл дверцу и за руки втащил>Note в салон. Нота не дышал. Мара перепрыгнул снова за руль и рванул с места так, что от колес дым пошел. Сава лежал на полу, не поднимая головы. Пули рикошетили по машине. От взрывной волны машину кидало. Наконец Мара выехал с площади и поехал в ближайшую больницу. Он ехал с бешеной скоростью.

— Все, Сава, оторвались, — крикнул Мара.

Сава осторожно высунул голову и осмотрелся, после чего осторожно ощупал себя. Мара не ехал, он летел.

— Куда мы летим, Мара?

— В больницу, может, они спасут его!

Сава проверил пульс на запястье>Note, но пульс не прослушивался.

— Мара, спасти уже некого. У него нет пульса, он не дышит, — глухо произнес Сава.

Но Мара все равно не сбавлял скорость, не обращая внимания на слова Сава. Еще немного оглушенный от грохотов взрывов, он ехал, как на автопилоте. От шока мысли в голове менялись хаотично, словно гром и молнии. Невозможно было прийти в себя от пережитых за несколько минут мгновений реальной войны и потери друга.

Наконец появились контуры здания центральной городской больницы, и Мара, влетев на территорию, резко затормозил у входа. Он быстро выскочил из машины и забежал в здание. Через несколько се-

кунд он уже бежал обратно с санитарями, держащими в руках носилки. Сава также вышел из машины, и они все вместе вытащили тело Ноты и положили его на носилки, после чего почти бегом вошли в больницу. Сава остался возле машины. Мара вернулся через пять минут. По его лицу Сава понял, что Нота действительно мертв. Они закурили.

— У него родные есть? — спросил Сава.

— Наверное, — как бы отрешенно ответил Мара. — Но я их не знаю. Он один жил!

— Это что такое было, Мара? Что это за боевики? — с удивлением спросил Сава.

— Я думаю, это отморозки, называющие себя ополченцами. Но это уже не важно.

— А что важно?

— Важно то, что мы все в полном дерьме, и вся эта политика власти ведет к уничтожению своих граждан. Мы беззащитны, понимаешь, Сава? Сейчас там на площади бандиты пошли на власть, а простые, мирные люди, попавшие под их пули, были просто убиты, среди них женщины, дети. За что их убили? С кого спросят их родные? — в глазах у Мары появились слезы. — Как же жить людям в государстве, в котором кроме обязанностей нет никаких привилегий. Люди друг на друга уже смотрят с опаской и ненавистью, ожидая чего угодно, кроме хорошего, боясь своей тени, боясь жизни больше, чем смерти. Я здесь родился, вырос, знаю каждый угол, имею друзей, родных. А сегодня нахожусь в тисках уродов, которые, как тараканы, заполонили все пространство. Вот это, Сава, важно.

— Но мы ведь живы остались, Мара, — успокаивающе произнес Сава.

— Мы сегодня да, а Нота? А те, кто остались убитые там? Не сегодня, завтра это ждет всех: либо от воров, либо от боевиков, а власть слепа и глуха к своему же народу. Нет, Сава, не зря люди со своих родных мест соскакивают. Дом, машину, мебель, деньги, если отнимут, еще можно прожить, а если жизнь отнимут, то и это все не нужно!

— Ну и что ты предлагаешь? — с удивлением спросил Сава. — Повеситься, пока не убили?

— Я не предлагаю и не осуждаю тех, кто хочет выжить, пока живут. Они, не имея выхода, уезжают.

— Я не знаю, Мара, но я, по крайней мере, никуда сваливать не собираюсь!

— Ну, в твоём случае я понимаю! Видел, как ты обрадовался Гурию!

— Ты это о чём снова? — подозрительно спросил Сава.

— Сава, я все вижу и все понимаю! Каждый выбирает свой путь в жизни, по которому ему хочется идти. Я свой выбрал и буду идти по нему до конца...

...

Если на земле все люди
Воевать будут всегда,
Тогда в жизни нету смысла —
Ведь всегда будет война.

...

Если воин, испугавшись,
Перестанет защищать,
Тогда что же будет с теми,
Кого должен он спасать?

...

Если врач лечить не станет,
Гиппократ долг оставит,
Тогда все больные люди
Будут гнить и умирать.

...

Если женщина, представит,
Что ужасно ей рожать,
Тогда мир наш перестанет
Поколенья продолжать.

...

Если люди для наживы
Будут грабить, убивать,
Тогда подлость, зло, уроды
Будут в мире процветать.

...

Если все не остановим
В людях мы пороки зла,
Тогда точно уничтожим
Человечество дотла.

...

Если все вокруг живое
Каждый день уничтожать,
Тогда шар земной взорвется,
И вокруг лишь будет прах.

...

Если мы еще способны
В генах код наш изменить,
Тогда дети наши будут
Мирно, счастливо все жить.

...

Если вы, сейчас читая,
Стали лучше и добрей,
Тогда труд мой не напрасен,
Есть надежда для людей.

Михаил Израилов

К ЧИТАТЕЛЮ

Хотелось бы выразить благодарность всем, кто нашел время и прочитал мою книгу.

Надеюсь, что вы не остались равнодушны к ее героям и далеко не всегда радостным событиям тех дней. Многое осталось недосказанным...

ПОСЛЕСЛОВИЕ И РЕЦЕНЗИИ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

*Писатель, какие бы взгляды он не исповедовал,
к какой бы школе не принадлежал,
должен соблюдать три заповеди:
говорить правду, стремиться к прекрасному,
защищать свободу, ибо без свободы нет правды.*

Андре Моруа

Знаете ли вы, дорогие читатели, что обычно издатели и редакторы не пишут предисловия и послесловия, не рассказывают о своих авторах? Если «нет», значит я открываю производственный секрет.

Тем не менее, не могу отказать себе в удовольствии поделиться с вами радостью общения со СВОИМ АВТОРОМ Михаилом Израйловым и гордостью, что стала его первым редактором, издателем и даже первым читателем.

Когда Михаил принес мне рукопись книги «Жизнь, похожая на шутку», я сперва подумала, что не справлюсь. В огромной неподъемной сумке лежало 912 больших неформатных страниц, написанных почти каллиграфическим почерком. Автор скромно предупредил, что страниц, возможно, хватит на двухтомник, а работа над третьим томом продолжается. И успокоил, что название для третьего тома уже готово — «Жизнь без шуток».

Процесс пошел: машинистки печатают, корректоры правят, а я читаю. Признаюсь, мир, который открылся в будущих книгах Михаила Израилова, оказался для меня абсолютно неведомой землей (*terra incognita*). Мое знакомство с Кавказом ограничивалось кратким пребыванием в Ессентуках и захватывающей экскурсией по Пятигорску и другим лермонтовским местам.

А передо мной оказался город Нальчик, Кабардино-Балкария, яркие необычные, порой действующие непривычно и непредсказуемо по моим меркам персонажи. Среди них и горские евреи, которые вроде и были такими, как я, но все же другими, раскованными и независимыми. Возможно потому, что им, в отличие от наших киевских (я родилась в Киеве) реалий, никто не кричал в лицо или в спину известные всем формулировки о соответствующей морде или стране, куда нужно убираться. Хотя, как выяснилось позже, ничто не ново под луной. Убираться пришлось и им, и нам.

И об этом тоже не забыл автор. Но всему свое время. Находясь в калейдоскопе колоритных и динамичных походов героев Михаила Израилова, нужно было увлеченно стараться, чтобы не перепутать: кто есть кто. Работать было интересно. Прибыла еще одна сумка, правда не такая увесистая, как первая. В ней удобно расположился будущий третий том. Как выяснилось позже, только его половина, но для первого издания и этого хватило. С первых строк стало ясно, что название «Жизнь без шуток» выбрано удачно. Не для слабонервных, но очень хотелось знать, что же будет дальше. Мы выросли на детективных историях Чейза, Сименона, Агаты Кристи, сериалы с жуткими сценами не сходят с экранов, но, признаюсь, то, о чем рассказывал Михаил, потрясло своей правдой, далекой от литературных сюжетов. Впервые за годы работы я слышала от машинисток жалобы, что содержание страниц вызывает головную боль от волнения и, параллельно, просьбы скорее прислать следующие страницы. Глядя на Михаила, всегда спокойного и мягкого, элегантного и доброжелательного, трудно было представить, что это и есть автор, который знаком с «жизнью без шуток». Я старалась понять, как рождались строки его книг, такие выразительные и четкие, и представляла себе будущий сценарий нового бестселлера, который мы сделаем вместе и затмим...

Но времени на размышления не хватало. Книги ушли в печать, а потом к читателям. Это было первое издание, юбилейное. Многие из тех, кто послужил прототипами героев книг Михаила Израилова пришли на банкет, и получили в подарок нарядный трехтомник, тираж которого был напечатан всего на пару дней раньше дня рождения автора.

Когда вы прочитаете первые две книги, сразу поймете, как волновался Михаил. Предельно откровенно, с жестким юмором, иногда

с осуждением или насмешкой, он рассказывал о событиях, хорошо известных близким друзьям. Разумеется, беспокоясь о том, какой будет их реакция. Но, судя по тому, что у вас в руках уже второе, дополненное издание книги, друзья восприняли все с интересом, пониманием и благодарностью, что не все и не обо всех рассказал. Автор не только остался цел и невредим, но успел дописать и вторую часть боевика «Жизнь без шуток», которая включена в второе издание. (Букинисты в пути — первое издание уже стало библиографической редкостью.)

Книги Михаила Израилова быстро нашли своего читателя. Я продолжаю получать много отзывов. Интересный сюжет, хороший слог. Особое внимание к молодому автору проявили истинные корифеи литературы, такие, например, как Арнольд Малиевский, один из старейших журналистов американской русскоязычной прессы: «Это настоящая литература, — заметил Арнольд со знанием дела, — Упругий, динамичный диалог, от которого практически отсечено все ненужное...». Силу и кинематографичность диалогов Михаила отмечают многие читатели. На память приходят телеграфные словесные перестрелки Эрнеста Хемингуэя. Я не делаю ни сравнений, ни ассоциаций. Просто вспоминаю.

Первым публичным выступлением Михаила стала встреча с читателями 31 марта 2017 года в гостеприимном КЛУБЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ ЛЕБЕДЕВОЙ (КЛКЛ), который уже 25 лет увлекает русскоязычных иммигрантов, приехавших из разных городов бывшего Советского Союза и объединенных одной, но пламенной страстью — любовью к Книге.

В этот день Marks JCH of Vensonhurst приветствовал писателей, которые представляли бухарскую и горскую еврейские общины Нью-Йорка — Эдуарда Аминова, члена Союзов Писателей Израиля и США, академика, поэта и скульптора, художника и архитектора; Хаима Косса, в первый поэтический сборник которого «Не считаю себя несчастным...» вошли и новые, и ранее опубликованные стихи и эссе; Светлану Данилову, члена Союза журналистов РФ, автора нескольких популярных книг о горских евреях Кабардино-Балкарии (КБР), основателя и редактора журнала «ТОВУШИ-СВЕТ» (США)...

Представьте себе, что и в этой компании Михаил Израилов не затерялся. Уверенно рассказывая о своем полуавтобиографическом двухтомнике и остросюжетном, основанном на реальных событиях

боевике, он вызвал неподдельный интерес у членов КЛКЛ, избалованных встречами с маститыми мэтрами от литературы.

Первые в жизни книги, первое выступление перед такой взыскательной аудиторией. Михаил пришел на встречу с читателями с группой поддержки — три молодые и стройные красавицы.

— Кто это?, — поинтересовался один из клубных энтузиастов. — Это его гарем?

— Нет. Это жена Михаила и две его дочери, — быстро ответила я.

Но энтузиаст, скептически махнув рукой, недоверчиво удалился в последний ряд. А Михаил, совсем не как новичок, быстро нашел общий язык с будущими читателями, рассказал о том, как рождались его книги, и какой была борьба за выживание в его родной Кабардино-Балкарии. Он представил слушателям Светлану Данилову не только как одного из первых читателей и первого рецензента его книг, но и мужественного человека, единственную женщину, да еще и горскую еврейку, которая была депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарии, членом Совета по правам человека при Президенте КРБ и настоящим спасителем для многих людей во время чеченских войн. Михаил и Светлана родились в Нальчике. Мы еще к этому вернемся.

О себе Михаил говорит кратко, но емко: «Пришел в мир из солнечной Кабардино-Балкарии, где учился, жил и работал до эмиграции в США. Книга «Жизнь, похожая на шутку» родилась из личных воспоминаний и ярких случаев из жизни друзей и знакомых. Надеюсь, что среди читателей найдутся те, кто, возможно, узнает себя. Они с иронией и скепсисом заглянут в прошлое и немного развлекутся. А остальным желаю, читая мою книгу, хоть ненадолго отрешиться от повседневных будней. И если на вашем лице появится улыбка, значит эта книга написана не зря.»

О книге «Жизнь без шуток» автор рассказывает взволнованно и откровенно:

«В книге изложены реальные события определенных периодов жизни главного героя, который, не имея большого жизненного опыта, по воле рока попал в водоворот криминального мира, где ему пришлось выживать, сохраняя при этом свой внутренний баланс между добром и злом, рискуя потерять все, включая жизнь, не только свою, но и своих близких, где неправильно выбранное решение могло привести к неминуемо печальным последствиям. Сложность ситуации

усугублялась тем, что не потерять честь и достоинство было для него выше страха и смерти.»

Светлана Данилова действительно стала одним из первых читателей книг Михаила Израилова. Она не только была много лет знакома с Михаилом по Нальчику и могла лично убедиться в его мужестве и верности в дружбе, но и своей твердостью, силой духа и бесстрашием вдохновила его на создание одной из самых волнующих сюжетных линий. Отклики Светланы на книги Михаила Израилова еще больше подчеркивают многоплановость автора и его возможности работы в разных жанрах.

Как радостно было знакомиться со строками из рецензий Светланы Даниловой, члена Президиума ВААДа (Ассоциации еврейских организаций и общин), кандидата исторических наук и автора многих научных и публицистических трудов: «...Читая книги Михаила Израилова, я подумала, что нашу горско-еврейскую общину г. Нальчика (Кабардино-Балкария) можно поздравить, и вспомнила: «Писателями не становятся, писателями рождаются». С Днем рождения, писатель!

Листая увлекательные страницы книги «Жизнь, похожая на шутку», я отчетливо понимала, что передо мной не вымышленные персонажи, а реальные люди. Конечно, с теми, о ком рассказывает автор, меня разделяют время, интересы, воспитание, возраст... Но мне интересны их взгляды, увлечения, их нравственные ценности, дающие понять, о чем думает, что чувствует молодежь того времени.

А «Жизнь без шуток?!» я прочитала на одном дыхании. Все до боли знакомо. И жизнь в 90-е годы, и люди. Всем, независимо от национальности, жилось тяжело в те годы. Но я — частичка своей горско-еврейской общины г. Нальчика, поэтому неудивительно, что ее боль меня волнует сильнее. Хотя, наверное, не было никого среди населения нашей республики, кто бы не пострадал от произвола.

Наши люди всегда жили тяжким трудом, но в годы «перестройки» они страдали и от представителей власти, и от криминала. Последствия непродуманных государством реформ жестоко ударили по самым слабым. И для нашей маленькой незащищенной общины, и для других общин, общественно-политическая ситуация на Кавказе складывалась самым печальным образом. Выход был один. Уехать. И уезжали с болью в сердце.

Автор смог проанализировать события того тяжелого времени, ярко показывая, что наши люди даже в те «лихие» годы смогли сохранить свое человеческое достоинство, не расставаясь с надеждой на будущее.»

Особенно острым было впечатление от книги «Жизнь без шуток» у предпринимателя Владимира Рожкова: «Огромное спасибо, Михаил. Прочитал Вашу книгу взахлеб. От себя, как непосредственного участника тех смутных перестроечных лет, хочется сказать, что выжить предпринимателю в те годы, было все равно, что вытащить лотерейный билет с правом на жизнь.

Каждый год в Москве бесследно исчезало более четырех тысяч руководителей компаний, тех, кто заплатил жизнью за отказ пойти на сделку с бандитами. Примерам нет числа. Приведу один, созвучный с тем, о чем говорится в книге:

25 декабря 1996 года в аэропорту Шереметьево-2, в зале ожидания для VIP-персон, на глазах у четырех телохранителей был похищен видный предприниматель, гражданин Америки и основатель линии «Водка Кремлевская». Через пару дней его родственникам позвонили и потребовали перевести на счет некоей немецкой фирмы 3 млн. долларов. Деньги были переведены, но предпринимателя все равно убили. Через полгода его тело выловили из Москва-реки.

Пусть эта честная книга послужит доброй памяти тех, кого не смогли запугать, сломить, кто не торговал своей совестью и честью.»

Почетным гостем встречи с писателями в КЛКЛ был Михаил Немировский, директор отдела JCRC по работе с русскоговорящей еврейской общиной (Dr. Mikhail Nemirovsky. Director, Russian Speaking Outreach (JCRC) Jewish Community Relations Council).

Он и раньше встречался с Михаилом Израйловым, успел прочесть его книги, поэтому со знанием дела поинтересовался планами своего тезки на будущее. Когда тот признался, что не остановился на достигнутом и напишет продолжение книги «Жизнь без шуток», Михаил Немировский твердо пообещал, что станет первым ее рецензентом.

Свое обещание оба Михаила выполнили: изданы обе части книги «Жизнь без шуток», и получена рецензия от Михаила Немировского, даже более полная, чем планировалось.

*Предлагаю ее Вашему вниманию.
Анна Гольдберг*

«ПУСТЬ В МЕНЯ БРОСИТ КАМЕНЬ ТОТ, КТО...!»

Вот с этой известной комедийной фразы из ильфпетровских «12 стульев» я начну свою рецензию на уникальное литературное произведение человека, которого трудно причислить к профессиональным литераторам, но легко назвать самородком — Михаила Израилова, с которым меня свела судьба, а точнее, познакомили Анна Гольдберг и Светлана Данилова.

Человек написал большой труд вне рамок классического литературного жанра, в котором есть и проза, и поэзия, документалистика и «сказка», юмор и сатира, и даже большая доля псевдокриминального чтива с обильным использованием воровского сленга — уникального по своему происхождению языка, корни которого лежат в языках многих народов, вплоть до древнееврейского — иврита.

Кстати о шутке. Мне кажется, что не зря автор использовал слово и понятие «шутка» в названии своего повествования: в первой книге — двухтомнике «ЖИЗНЬ, ПОХОЖАЯ НА ШУТКУ!» и во второй — «ЖИЗНЬ БЕЗ ШУТОК» (третьем томе будущего многотомного собрания сочинений). Шутка как таковая символизирует мудрость и оптимизм человека, его веру в себя и окружающих, она как необходимое лекарство должна быть в крови каждого человека, независимо от его национальности, вероисповедания, образованности.

Читая книгу, я неожиданно для себя раскрыл автора как человека с огромной еврейской душой. Знаменитая на весь мир особенность еврейского народа смеяться сквозь слезы, звучит во многих диалогах и описаниях событий, рассыпанных по всему повествованию.

Диалоги! Диалоги — это лучшее литературное достижение автора рецензируемой книги. По моему мнению уровень диалогов значительно выше повествовательной части книги (которая тоже интересна и увлекательна), и порой мне казалось, что я читаю пьесу или, на худой конец, киносценарий будущего многосерийного фильма.

Имена Мара, Омар, Нота, Ганза, Сава, Тимур... — имена героев и описание природы несут в себе большую долю географической информации, как бы направляя читателя к месту событий, описываемых Михаилом Израиловым. Но вот что я заметил, чем дольше читал, тем больше опыт и воображение уносили меня с Северного Кавказа

в Россию. Передо мной мелькала огромная развалившаяся страна «лихих 90-х», улицы разбитых фонарей, продажные милиционеры и преступные авторитеты, тысячи молодых людей, ставших легионерами криминала, и сотни убитых, обокраденных, замученных, изувеченных мужчин и женщин, поверивших, что в своей стране можно жить по другому: заниматься бизнесом, быть полезным стране. Как они ошибались!

Если в первой части трилогии действительно есть место для шуток, то во второй по ходу повествования шуток становится все меньше, а грусти и нервного напряжения все больше! Мара, главный герой, борец в прямом и переносном смысле (борьба у народов Кавказа это святой вид спорта — прим. МН), которому симпатизирует автор, все, что происходит вокруг пропускает через себя, свое сердце, и учится делать выводы, от чего становится мудрее и авторитетнее. А главное, в тяжелейших моральных, криминальных и экономических условиях Мара хранит честь и достоинство.

Теперь вернемся к заголовку. Действительно, найдется ли тот кто после прочтения книг «с шутками и без» не скажет, что в нашей общине родился еще один самобытный писатель — Михаил Израилов? Не верю!

Настоятельно рекомендую: «Сами прочтите книгу и передайте товарищу, соседу, просто знакомым для прочтения. Это о той жизни, которая была, но, даст Б-г, больше не будет.»

Михаил Немировский

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГЛАВА 1	
<i>Мара</i>	8
ГЛАВА 2	
<i>Мотороллер</i>	14
ГЛАВА 3	
<i>Гаишник</i>	16
ГЛАВА 4	
<i>Ганза</i>	18
ГЛАВА 5	
<i>Нелюди</i>	21
ГЛАВА 6	
<i>Месть</i>	26
ГЛАВА 7	
<i>Вор</i>	29
ГЛАВА 8	
<i>Рэкет</i>	34
ГЛАВА 9	
<i>Мент</i>	62
ГЛАВА 10	
<i>Вор в законе</i>	67
ГЛАВА 11	
<i>Кидалово</i>	81
ГЛАВА 12	
<i>Похищение</i>	96
ГЛАВА 13	
<i>Револьвер</i>	102
ГЛАВА 14	
<i>Пистолет</i>	108
ГЛАВА 15	
<i>Напряга</i>	114
ГЛАВА 16	
<i>Трагедия</i>	132
ГЛАВА 17	
<i>Бандюги</i>	142
ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ КНИГИ	

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГЛАВА 18

Доилровка149

ГЛАВА 19

Тема.....160

ГЛАВА 20

Ментовский наезд.....162

ГЛАВА 21

Нет друга166

ГЛАВА 22

Виноделы-1. Ополченцы177

ГЛАВА 23

Покупатели.....183

ГЛАВА 24

Лазарь194

ГЛАВА 25

Виноделы-2. Старт196

ГЛАВА 26

Рамиль197

ГЛАВА 27

Встречи.....228

ГЛАВА 28

Соня.....232

ГЛАВА 29

Американец.....244

ГЛАВА 30

Матвей и Соня.....249

ГЛАВА 31

Представители271

ГЛАВА 32

Откровение. Загрузка.....279

ГЛАВА 33

Виноделы-3. Финал без триумфа.....287

ГЛАВА 34

Гурий294

ГЛАВА 35

Налет299

ГЛАВА 36

Бойня301

ПОСЛЕСЛОВИЕ И РЕЦЕНЗИИ